

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2006

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рьжков
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*
Ответственный секретарь *А.А. Захаров*
Художественный редактор: *Л. Иванова*
Редактор: *Л. Бусуек*
Верстка: *О. Козак*
Фото: *Е. Греков, В. Иванов, О. Начинкин*

*Издание осуществлено при поддержке
Шведского агентства по международному развитию и сотрудничеству
и Комиссии Европейских Сообществ*

Содержание

№ 3 (38) 2006

К читателю 5

Семинар

- Россия в глобальном мире: идет ли холодная война?* 7
Михаил Маргелов
- Где находится Россия?* 11
Сергей Караганов
- Глобальная безопасность и суверенные демократии* 17
Дмитрий Тренин
- Заметки с семинара* 20
Юрий Гиренко

Тема номера

- Общественный договор – 2008: критерии справедливости* 26
Александр Аузан
- Действительно ли мы верим в демократию?* 34
Натан Щаранский

XXI век: вызовы и угрозы

- Стратегия и импровизация во внешней политике* 40
Николай Злобин
- Вызовы и возможности: Иран и Ирак* 47
Томас Пикеринг
- Ядерный козырь Ирана* 52
Алексей Арбатов

Концепция

- Конкурентные возможности российской экономики* 58
Аркадий Дворкович
- Как вырастить бизнес-элиту в современной России?* 66
Рубен Варданян

Дискуссия

- Об эффективности работы уполномоченного по правам человека в субъекте РФ* 71
Юрий Ковыршин
- Опыт о патриотизме* 78
Юрий Гиренко

Наш анонс

Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров 81

Свобода и культура

Структуры доверия в российском обществе
Джеффри Хоскинг 83

Свобода и воля в русской истории
Сергей Иванов 91

Личный опыт

Возвращение в Китай
Роберт Скидельски 94

Горизонты понимания

Идентичность, иммиграция и либеральная демократия
Френсис Фукуяма 104

Книги

Константы русского консерватизма
Андрей Захаров 113

Региональное книжное обозрение
Александр Клинский
Евгений Сулов 115

Контрапункт
Александр Архангельский 119

К читателю

У многих из нас образ государства на уровне простых ассоциаций обычно возникает в связи с тем, что мы видим. Например, правительственные здания, служебные автомобили, другие материальные атрибуты. То есть так же, как видим небесные тела на небосводе или иные предметы — в виде феномена. В переводе с греческого феномен — это *явление*, то, что нам является на уровне видимого существования и нуждается, как сказал бы философ, в реконструкции.

Поэтому Кант, в частности, и предлагал «подвешивать» такие предметы мысли, чтобы задуматься над тем, что же находится за миром видимого, и ввел в философию два известных термина: *феномен* и *ноумен*. А Гуссерль в XX веке разработал философское учение — феноменологию, согласно которой феномен — это то, в чем сколько явления, столько и бытия, полагая тем самым, что картина бытия становится для нас достоверной лишь когда мы обращаем внимание на наше сознание, чтобы понять его иерархические структуры, содержащие в себе предпосылки и допущения относительно внешнего мира.

Повторяю, феномен — это то, что является, а ноумен (или бытие) — то, что находится за явлением. И часто мы просто называем или описываем явления, не задумываясь об их сущности (то есть о бытийном содержании достоверностей человеческого сознания на его феноменальном уровне), а полагаемся, скажем, в случае тех же небесных тел на данные астрономии о строении Вселенной, которые, разумеется, даже будучи строго научными, еще не раскрывают тайну мироздания. Сами законы мироздания от этого, как известно, не исчезают. И то же самое относится к государству, но с одной принципиальной оговоркой. Это не природное явление, а человеческое изобретение, отнюдь не несущее в себе тайны и тем не менее обладающее для нас *ценностью*, если учесть, что ценности есть только в мире человека, в природе их нет.

Почему я обращаю на это внимание? Потому что иначе нам не понять, почему и каким образом в свое время религиозное представление европейцев о государстве как о некоем даре свыше было вытеснено светским подходом при создании его институтов.

Так как же возникло современное представление о государстве?

Во-первых, этому предшествовало появление в европейских языках нового слова для обозначения того, что

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

раньше, начиная с античности, называли олигархией, демократией, тиранией и т.д., то есть определенной формой правления. Вместо них Макиавелли ввел в культурный оборот нейтральное слово *stato* – место, территория (отсюда, кстати, слово «статус»). Вот что писал по этому поводу Владимир Соловьев, наш известный философ. «На всех европейских языках понятие государства уже давно обозначается словами, происшедшими от латинского слова *stato* или *status* (которое, однако, самими римлянами не употреблялось в этом смысле): *etat*, *estado*, *Staat*, *state* и т.д. *Статус* значит состояние, и, называя так государство, европейские народы видят в нем только относительное состояние, результат взаимодействия различных социальных сил и элементов»*.

При этом прежние понятия (монархия, демократия, республика и другие), естественно, не исчезли, а стали употребляться (и это во-вторых) в контексте как раз таких входивших постепенно в общественную жизнь социальных сил и элементов, как разделение властей, конституция, независимая пресса, публичное пространство. Все это и стало основой современного представления о государстве как политической организации общества с определенной формой правления.

И еще о двух важных вещах.

Поскольку речь в данном случае идет о правовом государстве и его институтах, скажу вначале о ценности института как такового.

Обычно мы считаем, что для торжества, например, юстиции (слово «юстиция» в переводе с латинского обозначает справедливость, правосудие) необходимы умные и неподкупные судьи. Однако правомерен вопрос: а можно ли, строя правовое государство, полагаться только на ум или честность отдельного человека? На мой взгляд, любой государственный институт, реализующий нормы справедливости, должен *работать сам по себе*, независимо от случайного положения человека в государстве, то есть от его психологических качеств, которые могут подвергаться давлению политической конъюнктуры.

Независимые институты могут устанавливаться только на основе *непременных ценностей*, таких как свобода, демократия, права человека.

И второе, на что я тоже хотел бы обратить внимание.

Когда речь идет о государстве, мы часто склонны отождествлять его с властью и управлением. А между тем это разные вещи и смешивать их столь же опасно, как и подменять, скажем, судебную власть исполнительной. Почему?

Потому что государство как институт не тождественно власти. Государство – это политический союз граждан, тогда как власть – только те полномочия, которыми ее наделяют граждане в результате публичной дискуссии и демократических выборов, а управление является реализацией полученных полномочий в соответствии с Конституцией, то есть в рамках закона**.

Только просвещенный человек, осознавая и реализуя свои права, открывает для себя бремя ответственности, продиктованной его свободой, и становится главной фигурой в процессе создания законов, которым сам же будет подчиняться. Поэтому свою задачу эксперты Школы видят именно в том, чтобы помочь обрести в первую очередь нашему нарождающемуся среднему классу гражданскую форму.

* В. Соловьев. *Значение государства* // Соч. в двух томах. Т. 2. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 556.

** См. на эту тему серию блестящих статей Владимира Рубанова, вице-президента Лиги содействия оборонным предприятиям, опубликованных в Интернете: editors@intelligent.ru

Россия в глобальном мире: идет ли холодная война?*

Словосочетание «холодная война» в последнее время часто открывает передовицы и подвалы нашей и зарубежной внешнеполитической прессы. Правда, от словаря настоящей холодной войны и политики, и эксперты отвыкли, о чем свидетельствует и резковатое заявление в Вильнюсе совсем даже немолодого вице-президента США Ричарда Чейни, в котором он обвинил Россию в «отступлении от демократии». Ни содержание, ни стиль этого заявления отнюдь не тянут на известную речь Черчилля в Фултоне.

Между тем реакция на заявление Чейни меня, в частности, удивила, когда появились пугающие публикации о том, что холодная война уже идет, или грядет, или вообще не прекращалась. И подобные, я бы сказал, «неприрученные» вольные мысли высказывались не только журналистами, ради броскости материала, но и некоторыми политиками, ради чего — не знаю. Знаю лишь, что беспечное пользование такого рода понятиями опасно. Слова имеют свойство материализоваться, опасно вслух произносить все, что вертится на языке. Всуе произносимое «холодная война» ни к чему хорошему не приведет, кроме как к росту русофобии у них и антиамериканизма у нас.

А этого «добра» и без того много, учитывая, что и у нас, и у них есть политические группы, которым даже мнимая холодная война на руку. У нас, например, немало тех, кто все причины уязвленного национального самолюбия ищет исключительно вне себя. Встречаются и те, кому нравится «мобилизационный режим», когда они, обув ноги для тепла в сусловские калоши, вскарабкались бы на мавзолей и стали махать руками плохо одетой и дежурно ликующей толпе. Сами-то они мобилизовываться не собираются — будут вдоволь есть и сладко пить на дальних и ближних дачах. А вот напуганные холодной войной массы трудящихся могут и согласиться на новое издание казармы, в которой их деды и отцы прожили семь десятилетий. Устойчивость теоретических воззрений части нашего общества поражает.

*Михаил Маргелов,
член Совета Федерации ФС РФ,
председатель комитета по
международной политике*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 28 мая 2006 года.

К счастью, как следует из Послания Федеральному Собранию, Президент России отнесся к заявлению Чейни очень достойно.

Положение России в глобальной политике сегодня таково, что холодная война с кем бы то ни было, прежде всего с США, исключена. Возникший было однополярный мир при гегемонии США не состоялся, во всяком случае международные отношения неупорядочены. Немудрено, что любые столкновения интересов тянет определять в исторически пройденных терминах. Но холодная война — это даже не период в истории, а эпоха. Когда-нибудь и для нашего времени подберут какое-либо емкое название, но пока это время — мир после холодной войны, ничего более.

Та война изжила себя, потому что в ее эпоху произошли кардинальные изменения, подготовившие новую карту мира. И по этой новой карте вести холодную войну невозможно. И в США это хорошо известно: Россия и Америка «не являются врагами», так говорит президент Буш,

так говорит большинство практических политиков по ту сторону океана. Нет больше двух систем и идеологических противоречий, равных противостоянию коммунизма и капитализма.

Другое дело, что в партнерстве России и США есть элемент соперничества. Теперь, когда Россия пытается строить самостоятельную внешнюю политику, это стало особенно заметно в характере американцев называть такую самостоятельность «политикой сдерживания США», что и было сделано. Правда, при этом американские эксперты признают, что и США придерживаются «политики сдерживания России», в частности, на пространстве СНГ.

Кондолиза Райс заявила, что у России и США есть некоторые общие направления, где возможно сотрудничество, а есть такие, где интересы не сходятся. Это означает на самом деле лишь то, что США хотят иметь дело с Россией тогда, когда это выгодно США, в остальных случаях считаться с Россией Америка не будет. Не думаю, что это перспективно. Потому

что области, в которых сотрудничество с США выгодно России, могут не совпадать с теми, в которых оно выгодно лишь США. Это шаткое партнерство, и все же это не холодная война. Тем более что политика США гораздо тоньше заявлений ее творцов.

Эксперты считают, что США сегодня озабочены прежде всего борьбой с терроризмом и тем, что называют иранским досяе. Я бы добавил: и глобальными энергетическими ресурсами, в которых российские углеводороды составляют значимую долю. И Россия, конечно же, интересуется США в этом отношении, хотя иногда говорят, что поставки нефти в Америку от российских запасов и нефтепроводов не зависят. Это странный подход, поскольку нет такой территории на Земле, где у единственной сверхдержавы не было бы больших и малых интересов. Не говоря уже о том, что Россия, в отличие от США, расположена в непосредственной близости от нефтяных источников, снабжающих Америку.

То, что в мире идет соперничество за контроль над источниками первичных углеводородов и путями их транспортировки, не секрет. Лабораторные предположения, что постиндустриальному миру ни нефть, ни газ чуть ли вообще будут не нужны, естественно, не оправдались. Кроме того, угрожающим нефтяному рынку образом растут потребности развивающихся и новых индустриальных стран. Их мощь и самостоятельность тоже зависят от углеводородных энергоносителей и сырья. Поэтому полагать, что все это, то есть возникающая в мире многополярность, не интересуется США, наивно.

Легко заметить, что соперничество за ресурсы оживляет геополитические установки даже начала прошлого века. А во многих внешнеполитических действиях основных игроков видна, если угодно, энергетическая составляющая, которая влияет на принятие решений. Ричард Чейни после Вильнюса не случайно побывал в Казахстане, где уговаривал руководство страны импортировать нефть, миную Россию.

Между тем Россия осознала наконец свою энергетическую значимость, представляя собой некое подобие ОПЕК среди стран «восьмерки». И понятно, что в соседней с Россией Прикаспийской нефтегазоносной провинции ее интересы не могут не сталкиваться с интересами США.

США ведут затяжные переговоры о вступлении России в ВТО, обвиняют ее в отступлении от демократии и в энергетическом империализме, выбирают врагов и союзников по их геополитическому положению относительно России. А Россия, в свою очередь, налаживает отношения с Китаем и Индией, прямо говорит о своей приверженности многополярному миру, критикует мир, в котором действует один «волк», развивает активность на Ближнем Востоке, создает Шанхайскую организацию сотрудничества и т.д. Но разве это холодная война? Это две самостоятельные политики, насколько это возможно, в путях глобализации. Дело в том, что без самостоятельной политики не будет ни США, ни России. Россия попробовала в 90-е годы быть «хорошим парнем» в понимании американцев и чуть было не исчезла с политической карты мира. Наша страна слишком велика, чтобы не иметь самостоятельной внешней политики, это ее форма существования.

При этом Россия и США нужны друг другу для решения глобальных вопросов. Это все то же недопущение распространения оружия массового поражения, борьба с терроризмом и энергетическая безопасность. При всех различиях отношения России и США основаны на принципиальном сходстве оценок главных мировых проблем современности. Наличие же этих проблем указывает, что после холодной войны в мире появились не просто новые угрозы, а произошло наложение и смешение угроз новых и старых. Например, унаследованная от прошлого века борьба с распространением оружия массового поражения становится элементом борьбы с терроризмом. Смешение «новых» и «старых» задач порождает

эффект, требующий пристального внимания сторон, пытающихся эти задачи положительно решить. Что касается России и США, то эти задачи им объективно приходится решать в условиях, когда в основных регионах мира их интересы не только совпадают, но и противоречиво сталкиваются.

Россия не может поддерживать американскую идею неразборчивого «распространения демократии», например, в исламских странах. Джахадизм — это следствие именно демократизации, в том числе — еще в ходе национально-освободительного движения, самопонимания исламских народов. Не буду говорить об Алжире или Ливане. Или об исламистском реванше в Иране после свержения склонного к модернизации шаха Пехлеви. Не буду говорить о наркотических плантациях в «демократическом» Афганистане — нам в любом случае нужен был не воинственный Афганистан. Есть более близкие примеры — Ирак и Палестина.

Мы не считаем, что санкции и военное давление на Иран поможет мировому сообществу решить проблему ядерного досье. Россия не заинтересована в Иране с ядерной бомбой. Но практика действия Договора о нераспространении ядерного оружия показывает, что в нем много путей для желающих такое оружие иметь, не говоря уже просто об отказе от присоединения к нему. На рынке ядерных материалов конкурировать стали экспортеры, а не импортеры. Этот Договор превратил всю ядерную проблему в некий рынок: стоит, по его букве, только заплатить тем, кто желает производить ядерное оружие, и от него откажутся. Но такого рода амбиции не продаются. Чем больше государств попадут в категорию «изгоев» или окажутся на «оси зла», тем шире будет ядерный клуб.

В области терроризма мы имеем дело с явлением, против которого ни одно государство в одиночку выстоять не сможет.

Террористы способны теперь применять новейшие технологии и вооружения, наносить экологический и экономический ущерб не на уровне городов или отдельных объектов, а на уровне государства. Это — катастрофический терроризм. Сегодня от рук террористов гибнут тысячи людей, без разбора пола и возраста. И тенденция к росту масштаба насилия говорит — недалек день, когда в терактах начнут использовать оружие массового поражения.

России и США, таким образом, есть чем заняться вместе.

Сегодня говорят о географическом сдвиге политики России с Запада на Восток. Россия не собирается менять нынешнюю политику в отношении Запада на другую — только восточную. Не вместо, а вместе. В антитеррористической борьбе мы оказались в одном окопе с Евросоюзом и США. Когда Соединенные Штаты пришли в Афганистан, когда случилась трагедия 11 сентября, для Вашингтона заметно важнее была позиция Москвы, нежели европейских членов НАТО. Ведь именно Россия — единственная страна Европы, которая значительной частью своей границы обращена к «дуге нестабильности».

Стержень новой восточной политики России — практичность и стратегическое отношение к формированию внешней политики. Возможно, реальные тактические плоды восточной политики могут быть сегодня не очевидными. Но стратегически, принимая во внимание и тенденции развития мировой экономики, и демографические процессы, и геополитические интересы, Россия не может обойтись без четких ориентиров на всех направлениях и по всем азимутам.

И в заключение. Кому выгодно расшатывать американско-российские отношения? Ответ напрашивается — недругам России и США. Потому что и Россию, и США по одиночке легче использовать в своих интересах.

Где находится Россия?*

Я остановлюсь на нескольких основных тенденциях мирового развития, в той мере, в которой они касаются России. А затем на том, как мы на это реагируем.

Первое. Мир сейчас развивается в неизвестном направлении. Главная тенденция – продолжающийся развал существовавшей пятьдесят лет после Второй мировой войны международной системы. При этом не происходит осознанного строительства некой новой международной системы. Никто сейчас, если он интеллектуально честен, не даст вам сколько-нибудь надежного прогноза о том, куда идет мир. Но есть некоторые тенденции. Одна из этих тенденций – подъем Азии и смещение центра мировой политики и экономики в две Азии – Азию-1 и Азию-2.

Азия-1 – поднимающаяся, ее границы проходят по западным границам Китая и Индии. Это Азия Дальнего Востока. Мы к ней частично принадлежим. Эта Азия развивается довольно быстро: здесь происходят и быстрый экономический рост, и быстрое развитие политических институтов. Хотя, конечно, большая ее часть не является демократической с точки зрения норм, принятых когда-то в Европе или на Западе. Но эта Азия становится уже по сути своей Западом. В этой Азии нарастают очень интересные тенденции, которые нужно иметь в виду. В этой Азии нарастает национализм и взаимное недоверие – между Японией и Китаем, между Кореей и Китаем, между Кореей и Японией, и, наконец, главная тенденция – это нарастание национализма в отношениях с бывшими колониальными державами, которые держали Азию под контролем в течение столетий. Это не антизападные настроения в чистом виде, как мы их видим на улицах арабских городов. Но это глубинная, гораздо более мощная тенденция, которая сводится к тому, что поднимающаяся Азия Индии, Азия Китая, Азия тигров Юго-Востока потихонечку просто прекращает слушать, что им говорит Запад.

А поскольку Запад слабеет, эта Азия становится все более самостоятельной. И куда она по-настоящему пойдет, мы еще не знаем. В этой Азии очень сильны старые противоречия. Хотя, в принципе, есть и тенденция к эконо-

*Сергей Караганов,
декан факультета мировой
экономики и мировой
политики Государственного
университета – Высшая
школа экономики,
заместитель директора
Института Европы РАН,
председатель Президиума
Совета по внешней
и оборонной политике*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 29 мая 2006 года.

мической интеграции, правда, происходящей пока что исключительно на торговом уровне; идет огромная взаимная торговля, она нарастает, сейчас она уже составляет больше половины мировой торговли. А в Тихоокеанском бассейне, если взять еще и Соединенные Штаты Америки, то это уже и гораздо больше, чем половина всей мировой торговли. В этой Азии прорастают совершенно неведомые еще пять или шесть лет тому назад технологические ростки. Индия — таинственная страна, о которой мы что-то знаем по кино и литературе, теперь обладает средним классом, который гораздо более многочислен, чем средний класс Европы. Это совершенно невообразимое явление, которое пока еще мы даже не можем оценить с точки зрения его долгосрочных последствий. Хотя Индия по-прежнему страна отсталая, по большинству качественных показателей отстает от России. Но идет быстрый рост.

За эту Азию ведут отчаянную борьбу Соединенные Штаты, где прекрасно понимают, что, только поддерживая дружбу либо подавляя этих новых азиатских гигантов, они смогут сохранить свою позицию мирового лидера. Им это удастся все менее эффективно. Тем не менее прорывы или удачные шаги есть. Американцы отказались считать Китай своим врагом. Это произошло лишь пять лет тому назад, а буквально два-три месяца тому назад Соединенные Штаты заключили договор с Индией о широкомасштабном сотрудничестве в области ядерной энергетики, сделав Индии беспрецедентные уступки. Теперь можно даже говорить о гибели одного из главных договоров, которые ограничивали гонку ядерных вооружений, Договора о нераспространении ядерного оружия, поскольку Индия, как известно, в одностороннем порядке получила ядерное оружие. Это был шаг лихой и отчаянный. Теперь нет ни одного морально-политического аргумента против какой-либо страны, которая хочет получить ядерное оружие. Кроме палки или взятки. Повторюсь: моральных, политических и иных аргументов больше не существует.

Десять лет назад доля торговли с «первой Азией» составляла десять процентов нашего внешнеторгового оборота, сейчас уже восемнадцать, а объем торговли за это время вырос в два с половиной раза, так что динамика существенная. Но все равно она очень мала, учитывая величину и перспективы региона. Мы пытаемся войти в региональные организации, которые носят весьма вялый характер, сами пытаемся создать некоторые организации для этого региона. Все слышали, наверное, о Шанхайской организации сотрудничества, которая была создана сначала для экономических целей, а теперь, судя по всему, будет использоваться и для политических и даже для военно-политических целей. Пока нам очень трудно играть в этом регионе по той причине, что несмотря на то, что мы гордимся нашим экономическим ростом, он по сравнению с экономическим ростом этих стран невысок. Эти страны растут без нефти на шесть, восемь, девять, десять процентов в год. Есть данные о том, что Китай, который показывает рост порядка восьми-девяти процентов, нарочно скрывает темпы своего роста, чтобы утаить свои истинные военные расходы. А наш экономический рост пока, к сожалению, в значительной степени основан на энергетическом экспорте.

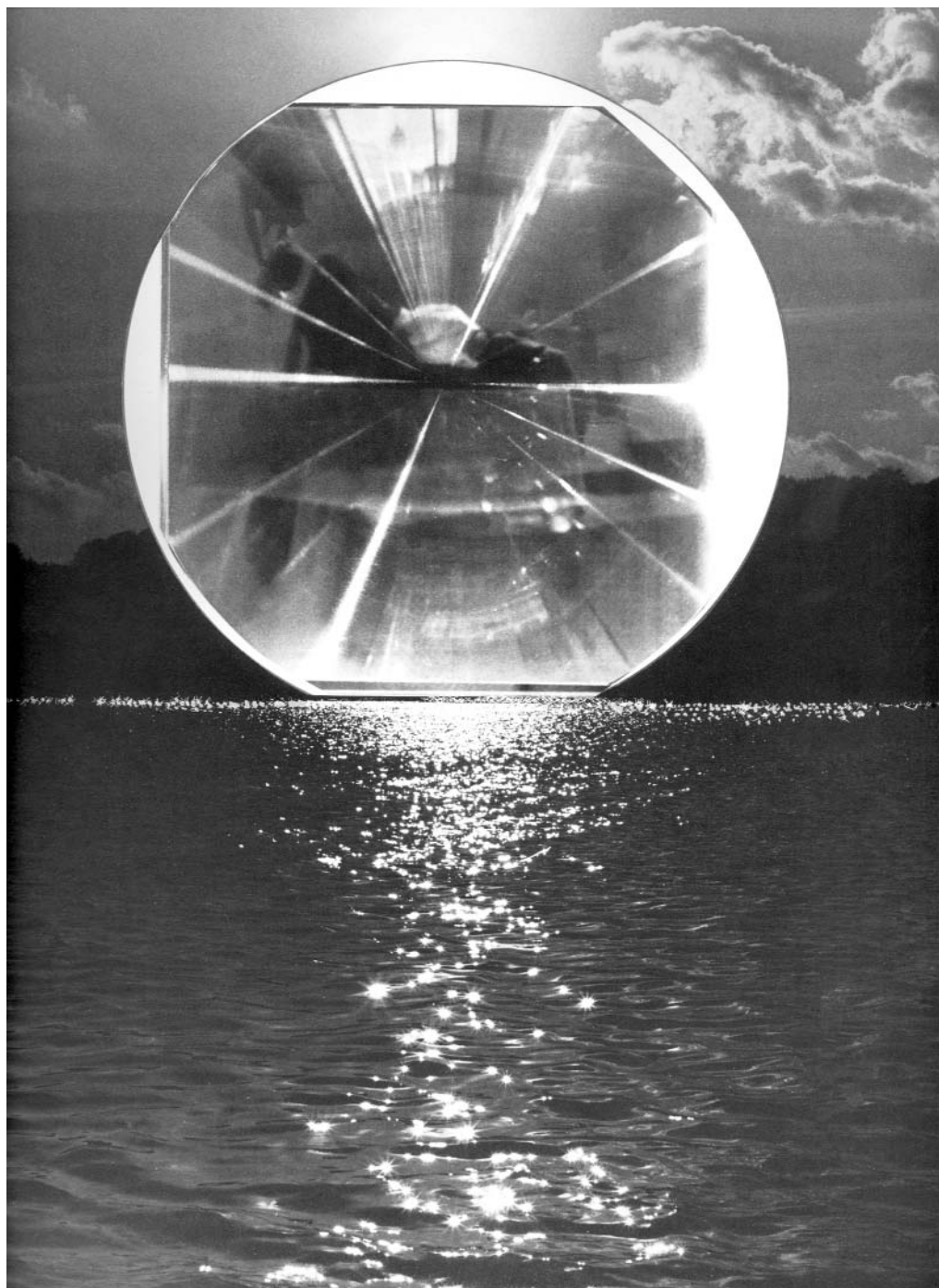
Есть «вторая Азия». И движется она зачастую в прямо противоположном направлении. Это Азия мусульманского арабского Востока. Великая цивилизация ислама когда-то опережала европейскую. Напомню, что в X–XIV веках Европа была мрачным местом, а основные культурные и техниче-

ские достижения шли именно с Востока. И туда направлялись отряды крестоносцев для того, чтобы грабить богатейшие страны этого региона.

Причины нынешнего отставания этого региона — отдельная длинная история. Ограничусь лишь несколькими аспектами, которые действуют в последние годы. Это, конечно же, специфическое образование, вернее, отсутствие современного образования; выключение женщин из активной экономической и политической жизни. Это, наконец, особенности религии, как она сейчас практикуется: нужно несколько раз в день не работать. Но все это уже подробно описано, в том числе самими арабскими учеными, в знаменитом исследовании, которое вышло два года назад под эгидой ООН и Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Это исследование можно прочитать, оно есть и на русском языке. Но как бы то ни было, последние 25–30 лет этот регион деградирует, несмотря на то что многие страны этого региона являются богатыми нефтяными государствами.

Приведу пример. С 1980 по 2000 год ВВП на душу населения в Саудовской Аравии уменьшился в четыре раза; сейчас он несколько увеличился из-за роста цен на нефть, но тенденция сохраняется. Я могу привести еще несколько примеров относительного отставания стран этого региона. Перед Второй мировой войной Египет имел ВВП на душу населения выше, чем у Японии. Сейчас эти страны просто несопоставимы. Это к вопросу о том, как политика и культура влияют на экономику. Повторяю, эта деградация или отставание вызваны исключительно политическими и культурными обстоятельствами и, как следствие, отсталыми политическими системами, тем, что лидеры этих стран отказываются от модернизации под различными предлогами. Кстати говоря, для всех этих стран существует внешняя угроза; они почти все друг другу не доверяют и друг друга ненавидят. И одна из причин их отставания — это огромный дефицит безопасности, который существует в регионе так называемого расширенного Ближнего Востока, куда входит, к сожалению, и значительная часть нашей Центральной Азии и Закавказья и который простирается от Пакистана и Афганистана в сторону Северной Африки. Есть отдельные страны, которые развиваются более или менее позитивно. Как ни парадоксально, относительно позитивно, хотя и медленно, развивается, в частности, Иран, потому что несмотря на очень жесткие религиозные ограничения там сохраняется великая персидская традиция образования. В университетах Ирана при не очень высоком в целом качестве образования учится очень много молодежи, а шестьдесят процентов студентов женщины.

Наконец, в этом регионе существует самая высокая опасность распространения ядерного оружия. Самая опасная страна в мире, конечно, Пакистан. Сейчас все говорят и пишут об Иране, у которого есть возможность создания ядерного оружия, но это вопрос еще шести-девяти лет. А у Пакистана оно уже есть и может быть применено в любой момент. А если ядерное оружие получит Иран, к которому все соседи относятся со страхом и опаской, так как он демонстрирует к ним презрение, считая себя наследником великой персидской культуры и империи, которая некогда доминировала в регионе? Если Иран подойдет к порогу создания ядерного оружия, вдогонку бросится Саудовская Аравия. А Саудовская Аравия — страна, которая распространяет в наибольшей степени радикализм худшего толка по всему миру. И Египет пойдет туда же. И неизвестно, сможет ли мир удержать от этого пути Турцию.

Дитер Хоних. В честь Е.Л. Буле. Проект пневматической плавающей исследовательской станции в Арктике. 1965

Так что ситуация действительно мрачноватая, хотя не безысходная. Мрачновата она еще и потому, что, к сожалению, международное сообщество не выработало никакой дееспособной политики в отношении этого региона. Единственное, что было предложено, — демократизация. Но демократиза-

ция в странах, в которых нет для этого культурно-экономических основ, означает дестабилизацию. Между тем американская администрация хочет выскочить из петли, в которую она сама влезла в Ираке, объявив, что и в этой стране и везде демократизация — это надежный инструмент и цель. Американская политика демократизации просто грешит лунатизмом.

Мы прекрасно понимаем, что такое демократизация в странах с неразвитой политической культурой. Мы это уже видели, например, в Киргизии. Там был умеренно авторитарный, но тем не менее, в рамках этого региона, достаточно просвещенный режим. Сейчас мы видим быструю деградацию страны, захват власти наркобаронами и криминальными группировками. И то же самое произойдет, безусловно, если вдруг взорвется Узбекистан. Мало кому нравится ситуация в Узбекистане, но тем не менее именно так она и будет развиваться в случае взрыва.

Еще два соображения.

Первое. Европа находится в состоянии глубокого социально-экономического и морально-политического кризиса. Это кризис социально-экономической модели. То, что мы видели на улицах Парижа, — это не просто бунт против закона «первого найма», который ввели во Франции. Это бунт представителей иной цивилизации, которые так и остались вне общества, когда-то их принявшего, и которые с трудом приспосабливаются к более жесткому и гораздо более конкурентному миру. Это первое.

Второе. Благодаря опять же культурно-историческим особенностям развития в последние двадцать-тридцать лет в Европе потихонечку «стачивался» институт лидерства. Если посмотреть сейчас на тех, кто управляет Европой, — я говорю об этом с большой горечью, — перестаешь даже узнавать лидеров в европейских странах. Например, прекрасный человек Романо Проди и, конечно, довольно лихой был его предшественник, Берлускони. Но Проди сейчас не узнает никто, хотя он был, между прочим, около пяти лет председателем Еврокомиссии. Уйдет Ширак, и Франция будет похожа в этом смысле на Италию. Это значит, что Европа прекращает быть игроком на мировой арене, кроме некоторых секторов экономики. Европейцы создали нечто, конечно, потрясающее в мировой истории — мирную цивилизацию, основанную на толерантности и компромиссе. Но мир изменился вновь, и, хотя по другому, становится более опасным.

Политической деградации Европы мягко помогают Соединенные Штаты, которые не хотят иметь конкурента. Перед вами только что выступал посол США. Он рассказал много хорошего про свою страну. Я могу подтвердить, что США являются и будет являться лидером в мире на ближайшие годы. Скорее всего, страна пройдет через экономический кризис, в который она себя загоняет чрезмерным экономическим долгом. Но она, безусловно, является единственной страной в мире, которая может использовать военную силу. Она проводит очень неразумную, но тем не менее политику, в отличие от других стран, которые не ведут никакой политики. Можно сказать: «Да, в Ирак влезть могли только идиоты». Естественно, я никого не цитирую, но, думаю, что многие американские друзья с этим согласятся. Девяносто девять процентов экспертов говорили нашим американским коллегам, что нельзя этого делать ни при каких обстоятельствах. Что это — самоубийство. Они это сделали. Это была ошибочная политика, но это была политика. Это страна, которая имеет до сих пор волю к борьбе и волю к победе.

Другие страны старого западного мира такой воли не имеют. А страны поднимающейся пока Азии берегут силы для будущих сражений. Не обяза-

тельно сражений военных, политических сражений, но они уходят от борьбы. Может быть, умно делают.

Теперь последнее. Где находится Россия? Россия находится в очень интересной ситуации. Мы объявили себя энергетической сверхдержавой благодаря тому, что поднялись резко цены на нефть. Но энергетическая сверхдержава — это экономико-политический оксиморон, то есть сочетание взаимоисключающих компонентов. Не бывает энергетических сверхдержав. Те страны, которые опираются в основном на производство энергии или сырья, деградируют. Это закон истории. Нет ни одного случая процветания таких стран, кроме коротких промежутков времени или каких-то микросоциумов типа стран Персидского залива, в которых двести тысяч населения, и они сидят просто на золоте.

Мы находимся в очень тяжелом внешнеполитическом окружении, особенно с юга.

У нас осложнились отношения с частью соседей, а также с частью государств традиционного Запада. Это частично вызвано тем, что наши соседи и вообще весь мир привыкли к тому, что постсоветская Россия долго говорила «yes», даже когда ее не спрашивали. Теперь мы говорим «нет», когда нас, собственно говоря, тоже никто не спрашивает. Это мы иногда называем новой уверенностью в российской внешней политике. Эта уверенность действительно раздражает, потому что приятнее иметь такую страну, которая всегда говорит «да». Когда страна начинает говорить либо «нет», либо «подумаем», то она становится менее приятной. С европейцами же у нас сложились довольно пустые отношения; внешне хорошие, но внутри пустые.

Скажем, не надо было наезжать на Украину так, как мы это сделали. Мы имели полное право повысить цену — моральное, политическое, любое другое. Более того, мы заявили за девять месяцев о том, что будем повышать цены. После этого наши украинские друзья и братья девять месяцев бежали от переговоров, а потом мы наконец по телевизору перед всем миром закрыли задвижку. В результате дали возможность Украине изобразить себя жертвой политического насилия, а нас, соответственно, политическими насильниками.

Наконец, мы не выработали долгосрочной политики в отношении большинства регионов Азии, а также Соединенных Штатов Америки, но зато очень часто отсутствие этой политики заменяем риторикой по телевизору. Мы ругаемся. Мы очень сильно обеспокоены. Американский посол говорил, что сейчас очень сложный период в российско-американских отношениях. Эта тема для отдельного разговора. Но проблема заключается в том, что нас там поругивают в каких-то научных журналах, отдельные политики и некие элитные группы. А в России по любому телевизионному каналу идет такая ругань, которая в нормальной ситуации, у нормальных людей вызывает ощущение, что мы готовимся к конфронтации. Хотя мы знаем, что, скорее всего, к конфронтации мы не готовимся. Мы к ней и не готовы, но таким образом выпускаем пар. Это, возможно, один из результатов того обстоятельства, что и во внешней и во внутренней политике мы, видимо, перешли какую-то грань, которую переходить не стоило.

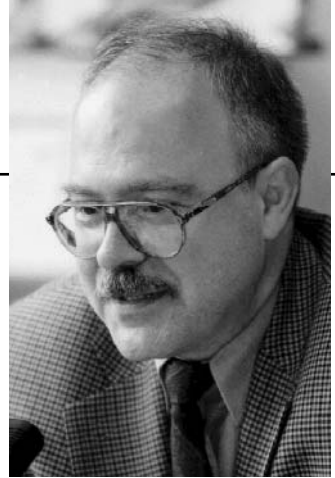

Глобальная безопасность и суверенные демократии*

В 2003–2005 годах в российской внешней политике произошли не очень заметные, но по сути революционные перемены. Коротко их можно охарактеризовать как переход от курса на преимущественное сотрудничество с Западом к тому, что может быть обозначено как политика конкуренции. Для наглядности предлагаю такой образ: до сих пор Россия, подобно Плутону, вращалась вокруг западного «ядра» системы, а теперь она с этой орбиты сошла и начинает двигаться по собственной траектории. В часто употребляемом в Кремле сочетании «суверенная демократия» — что бы оно ни означало — упор очевидно сделан на первое слово.

Почему так произошло? Я думаю, что это во многом результат глубокого разочарования российской политической элиты в Западе как политическом партнере. В начале 90-х годов Россия стремилась войти в любые западные организации, клубы, альянсы, но, правда, на своих условиях. Ни в очереди стоять, ни меняться внутренне никто не желал. Ясно, что при такой постановке вопроса интеграция РФ в западное сообщество была фактически невозможной. После 11 сентября 2001 года была предпринята новая попытка «внедрения в Запад»: достаточно вспомнить первоначальные надежды Кремля на тесный антитеррористический союз с США, а когда это оказалось невозможным — проект «новой Антанты» в составе Франции, Германии и России. Альянс, который уравнивал бы США внутри «расширенного Запада», однако, не состоялся: несмотря на все политические разногласия между Америкой и «старой Европой», трансатлантические связи продемонстрировали свою прочность, а Россия так и осталась внешним фактором. То, что в Москве представлялось потенциальным стратегическим сдвигом, оказалось тактической комбинацией.

После неудачи этой последней попытки «пристыковки» России к Западу какие-то струны в Кремле, по-видимому, лопнули. Выступая на следующий день после Беслан

*Дмитрий Тренин,
заместитель директора
Московского центра Карнеги*

* Материал подготовлен по выступлению Д. Тренина на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 29 мая 2006 года.

ской трагедии, президент Путин по существу обвинил Запад в том, что он сознательно направляет энергию исламского экстремизма против России, поскольку Запад не заинтересован в сильной и сплоченной России, боится ее.

В таком отношении к Западу, его интересам и политике по отношению к России проявилось традиционное мировоззрение, которое вновь, после полутора десятилетий интеграционистских усилий или хотя бы их имитации, стало главенствующим в российских правящих кругах. Это убеждение в наличии серьезных противоречий в интересах России, с одной стороны, и США (а часто США и ЕС), с другой. Это видение мира прежде всего как поля борьбы, соперничества и конкуренции. Сотрудничество, конечно, тоже существует, но оно не определяет существо отношений. Россию нигде не ждут с распростертыми объятиями. Успешное сотрудничество есть результат успешной конкуренции и борьбы. Иными словами, вначале надо бороться с Западом насчет условий сотрудничества и только потом, если результат приемлем, можно будет сотрудничать. Главным, определяющим фактором международных отношений является сила в ее различных проявлениях. Печальная, но глубокая уверенность, что у России в принципе нет в мире друзей, и это нормально. Слабые не любят ее потому, что не забыли гнет СССР, а сильные — потому что поднимающаяся вновь Россия может составить им конкуренцию. Как и раньше, у России только два настоящих друга. При Александре III — армия и флот, а сейчас — нефть и газ.

Каковы последствия возвращения традиционализма? Прежде всего — это появление элементов политики с позиции силы. Речь идет не об ошибках российской внешней политики, а о ее мутации. При этом бросается в глаза самоуверенность и слабая восприимчивость к внешним сигналам.

Сошлюсь в этой связи на известный пример газового конфликта с Украиной. Казалось бы, можно было предвидеть, что

«взять Киев в клещи» с востока и запада не получится, что страны Евросоюза не встанут на сторону Москвы в конфликте с «оранжевой» властью, что ответственность за недопоставки газа возложат в основном на Россию. Тем не менее соблазн продемонстрировать силу, «закрыть газовый кран» буквально в прямом телеэфире перевесил соображения осторожности.

Действительно, за первые месяцы 2006 года капитализация «Газпрома» существенно — на 100 млрд долларов — возросла, но «особенности национального стиля российской внешней политики» обернулись существенными потерями для России как государства. Нарочитая глухота к внешней критике («нас все равно не любят, пусть хоть теперь уважают за силу и готовность ее продемонстрировать») способна привести внешнюю политику России к более серьезным ошибкам и тяжелым провалам.

Надо учитывать, что российско-американские отношения находятся сейчас в удивительном положении. Несмотря на то, что между двумя странами нет серьезных проблем, сами эти отношения хуже, чем когда-либо с 1991 года. Динамика отношений Москвы и Вашингтона в целом негативна — впервые после Рейкьявского саммита 1986 года. Поэтому когда вице-президент США Чейни говорит в Вильнюсе, что никто не считает Россию врагом, но произносит это слово, а президент Путин отмечает в ежегодном Послании Федеральному собранию, что никто не собирается повторять ошибок гонки вооружений, но добавляет при этом, что сама гонка вооружений возрождается, то это тревожные симптомы. Конечно, для полномасштабной холодной войны оснований нет, но похоже, что период упущенных возможностей может смениться периодом политических столкновений с реальными потерями для обеих сторон.

Теперь о глобальной безопасности. Остановлюсь на одном ее аспекте: «замороженные» конфликты на постсоветском

пространстве и «косовская» модель их решения. Предположим, что события в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии развиваются в направлении их окончательного отделения от Молдавии и Грузии и полной суверенизации. Правда, надо иметь в виду, что «косовская модель» предполагает не только легальный выход части государства из-под юридического контроля столицы бывшего «Центра», но и согласия этого центра с отделением территории. Белград своего последнего слова еще не сказал. Однако можно смело утверждать, что Тбилиси и Кишинев своего согласия на уход территорий не дадут. Каковы могут быть последствия? В Приднестровье сравнительно мирное сосуществование может опять превратиться в «стреляющий» конфликт. Что касается Абхазии и Южной Осетии, то перспектива их вступления в состав Российской Федерации фактически открывает ревизию постсоветских границ России. Это может коренным образом расшатать ситуацию и вокруг России, и внутри ее.

Хочу обратить внимание, что в условиях усиливающегося соперничества России и США на постсоветском пространстве вероятность рискованных «проб сил» на Украине, Кавказе и в Средней Азии возрастает, а шансы на сотрудничество снижаются. «Суверенная великая держава» отстаивает свою сферу интересов от проникновения в нее «глобального гегемона», то есть США.

Итак, «интеграция отыграна в архив», да здравствует вечная борьба? Проблема интеграции России в современный мир и сохранения ее идентичности (и суверенитета) стала темой моей недавно вышедшей книги «Интеграция и идентичность. Россия как “новый Запад”»*.

Основные тезисы сводятся к следующему. Во-первых, Россия сегодня нуждается не в повышении своего международного статуса, внешнем признании ее великодержавия, а в глубокой и всесторон-

Успешное сотрудничество с Западом есть результат успешной конкуренции и борьбы за условия сотрудничества

ней модернизации. Ее интерес — в том, чтобы стать успешной, конкурентоспособной по стандартам XXI века.

Второй тезис. Для большинства стран — союзниц Советского Союза путем к модернизации стал путь европеизации, то есть интеграция этих стран в Европейский союз и в НАТО. В силу целого ряда причин этот «интеграционный лифт» Россию поднять не в состоянии. А сама Россия не в состоянии «втиснуться» в этот лифт. Значит, этот вариант не проходит.

Наконец, выход заключается в том, что Россия не примыкает к Западу, не присоединяется к его институтам, а трансформирует и реформирует сама себя и при этом становится тем, что я называю «новым Западом». Запад в этом смысле не тождественен понятию Европа. Это не географическое понятие, не совокупность каких-то стран, а набор наиболее успешных и проверенных внутренних институтов, начиная с незыблемости прав собственности, свободы личности и ее ответственности, господства закона, ограниченного правительства и так далее. Россия, на мой взгляд, в принципе способна пройти по этому пути и тем самым достичь впервые в своей истории качественного тождества с теми, кого она постоянно догоняла. И при этом не утратить свою идентичность.

---

* См.: Дмитрий Тренин. *Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад»*. — М.: Изд-во «Европа», 2006.

*Юрий Гифенко,
заместитель
главного редактора
журнала «Общая тетрадь»*

Заметки с семинара

Центральной темой этого семинара стала свобода. Понятие, в котором сходятся все традиционные для Школы сюжеты: верховенство права и права человека, демократические институты и гражданское общество, отношения с миром и гражданская жизнь... Свобода как право и как ответственность. Свобода как процесс. И демократизация, которая на самом деле должна быть первым и самым главным из национальных проектов.

Для успеха демократии в России важны не только внутренние условия, но и внешняя среда. В каком мире сегодня мы живем? Правы ли те, кто говорит, что вновь началась (если вообще прекращалась) холодная война? Глава комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов на этот вопрос отвечает уверенно и отрицательно. Холодной войны нет и больше не будет, убежден российский политик. Есть конкуренция, соперничество, более традиционная геополитика, но не антагонизм. По большинству главных вопросов современности Россия и Запад «в одной лодке».

Мы живем между двух эпох, между двух разных миров. Опасный, но понятный мир глобальной конфронтации завершился — новый мир еще не начался. Состояние «после нашей эры» все никак не заканчивается. Как расположилась в этом «межмирье» наша страна? Как складываются ее отношения с ведущими силами нашего времени, прежде всего с сильнейшей страной мира, с Соединенными Штатами? Новый посол США в Москве Уильям Бернс констатировал, что сегодняшние отношения двух стран отягощены грузом взаимных разочарований. Но это, как считает У. Бернс, не создает риска возвращения к холодной войне. В отсутствие идеологического антагонизма такой возврат невозможен. Но вот нахождение общего языка, общего понимания, общей почвы для России и Америки сегодня весьма не просто.

Возможно, оптимизм посла во многом определяется его статусом. Во всяком случае, председатель Совета по внешней и оборонной политике, известный россий-

ский политолог Сергей Караганов на сегодняшнюю международную ситуацию смотрит куда мрачнее. Его исходный тезис в том, что «мир развивается в неизвестном направлении» и главное, что происходит сегодня, — это распад прежней системы международных отношений без строительства новой. Так что Россия «находится в интересном положении».

У нас тяжелое внешнеполитическое окружение, подпорченные отношения со всеми соседями, не выработана политика в отношении других стран, считает С. Караганов.

Алексей Арбатов: «существует опасность возникновения огромного театра войны от Палестины до Гиндукуша...»

А вот у США есть ясное видение своей внешней политики, которое представил Ричард Перл, главный военно-политический советник президента Дж. Буша-младшего и виднейший идеолог внешнеполитической стратегии неоконсерваторов. Он подчеркнул, что сегодняшняя линия Вашингтона определяется ситуацией, возникшей после теракта 11 сентября 2001 года. Ричард Перл ответил на наиболее популярные претензии к США: «Нас критикуют за пренебрежение международным правом? Но международное право недостаточно разработано. Нам говорят, что мы пренебрегли мнением ООН? Но может ли ООН защитить американцев от терроризма? Она создавалась не для этого! Потому американцы и воюют — не из империалистических побуждений, а для самообороны. И свое право на самооборону не уступят никому».

Как Россия реагирует на американскую «твердую линию»? Заместитель директора Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин утверждает, что между 2003 и 2005 годом в России произошла незаметная «внешнеполитическая революция»: от линии на сотрудничество с Западом наше государство повернуло к установке на конкуренцию с Западом. В основе новой внешней политики лежит видение мира как поля для соперничества. Сотрудничество — результат успешной конкуренции. Сила — главный критерий международных отношений. Дмитрий Тренин считает, что Россия нуждается не в признании ее величия, а в модернизации: «Россия может стать «новым Западом», то есть достичь качественного равенства с теми, кого она все время догоняла»...

Россия — это Европа. Мы сделали европейский выбор, мы должны вернуться в Европу. Об этом говорят и оппозиционеры, и люди власти. Но что это значит? Посол Европейской комиссии в России Марко Франко настроен профессионально оптимистически. Его аргументы: ЕС — самый важный экономический партнер России; Россия — третий по значению партнер ЕС (после США и Швейцарии), важнее Японии и Китая. Значит, все будет в порядке. А вот депутат российской Госдумы и председатель комитета «Россия в объединенной Европе» Владимир Рыжков оптимистических ожиданий посла не разделяет, объясняя это ценностным разрывом России и Европы.

Ценности — ценностями, но живем мы в реальном мире. Чего хочет этот мир от нас, от нашей страны? Нужна ли ему Россия? Британский посол в

МОСКОВСКАЯ
ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФЕД

России Энтони Брентон считает, что окружающий мир (Запад в первую очередь) заинтересован, чтобы экономика России была устойчивой, некоррупционной, рыночной. Чтобы не ограничивалась свобода передвижения людей по экономическим и культурным мотивам. Чтобы внешняя политика России строилась в партнерстве с Западом. Все это возможно только в том случае, если страна будет демократической.

Сотрудник Института Брукинга (США), специалист по Ближнему Востоку Флинт Леверетт показал, каким образом связаны новая геополитика и глобальная энергетика. По его мнению, энергетический вопрос — не только экономический, но стратегический на ближайшие десятилетия: «Ближайшие 10 лет будут решающим периодом для энергетических отношений, — считает Ф. Леверетт. — Хочется верить, что государственные деятели смогут ответить на вызов — как в потребляющих (США), так и в производящих (Россия) энергоресурсах».

Сегодня мировую политику отравляют риски, связанные с нарастающим противостоянием Ирана и Соединенных Штатов. В чем проблема и как она может разрешиться?

Посол Томас Пикеринг, ветеран американской дипломатии, представлявший свою страну во многих странах (в том числе в России) и в ООН и занимавший пост заместителя государственного секретаря, считает иранскую проблему потенциально катастрофической и создающей напряжение, в том числе в российско-американских отношениях. Он не согласен со свойственным администрации Буша предпочтением, отдаваемым военным методам перед дипломатическими: «Военное решение — не решение, оно само по себе создает трудности». Что можно сделать дипломатическим путем? Пикеринг предлагает дать Ирану возможность развивать атомную энергетику, гарантировав неиспользование ее в военных целях. «Выгодные предложения работают лучше, чем санкции», — уверен посол.

Развернутый анализ «ядерной» составляющей иранского досье дал Алексей Арбатов, член-корреспондент РАН, директор Центра международной безопасности ИМЭМО. Он сравнил ситуацию вокруг Ирана с той, что сложилась летом 1914 года, когда никто войны не хотел, но все к ней шли. Президент Ирана Ахмадинежад, вчера мало кому известный, бросая вызов США, сегодня стал героем исламского мира наряду с Усамой бен Ладеном и Садамом Хуссейном. И существует опасность возникновения огромного театра войны от Палестины до Гиндукуша, да еще в сочетании с цепной реакцией создания ядерного оружия многими странами (10–15 стран в ближайшие 10–15 лет). Остается надеяться, что политический реализм возобладает. Хотя мировая история свидетельствует, что это бывает нечасто...

Председатель комитета Государственной думы России по конституционному законодательству Владимир Плигин посвятил свою сессию ценностной составляющей российского государства и права. Сегодня, утверждает видный российский парламентарий, перед нами стоит нелегкая задача: вернуть в государство и общество привычку соблюдать правила игры. «Либерализм, декларирующий высочайший уровень личной свободы, предполагает и высочайший уровень личной ответственности, — под-

черкнул В.Н. Плигин. — Если вы отдадите уровень своей свободы, он будет занят кем-то другим, но уже не вами». Вопрос в том, какой ответ мы сумеем дать на этот вызов.

О главных вызовах для российского общества и прежде всего для его активной части говорил президент Института национального проекта «Общественный договор», профессор экономики Александр Аузан. Он высказал мнение, что центральным вопросом политического процесса становится проблема социальной справедливости. При этом единую модель справедливого общества построить нельзя: «Общество справедливости для большинства может существовать лишь в качестве метафоры, потому что само большинство — это миф, который придумали политики, победившие на выборах. Общество составляют меньшинства, у каждого из которых свое понимание справедливости».

О демократии как ценности и как практике говорил человек, собственной жизнью доказавший, что «тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Натан Щаранский — советский диссидент, один из организаторов Московской Хельсинкской группы, политзек (он был осужден по «расстрельной» 64-й статье — «измена Родине»), а затем — политический деятель Израиля, министр, депутат Кнессета. Единственный диссидент, действительно ставший политиком. Но и став политиком, Щаранский сохранил ценностный взгляд на демократию: «Я убежден, что все народы могут жить в условиях свободы. Убеждение это основано не только на историческом опыте многих стран и народов, но и на моем личном опыте жизни в несвободном обществе».

Осуществление свободы требует практических усилий, основанных на понимании их смысла. Понимание и действие — взаимосвязаны. После шести дней обсуждения демократической практики мы подошли к философскому осмыслению политики как пути к свободе. Юрий Сенокосов открыл свою сессию, посвященную феномену государства, точным наблюдением: в жизни мы часто не замечаем оттенков, вгоняя разнообразие в жесткие рамки, и пытаемся дать простые толкования сложным материям. Он поставил перед аудиторией вопрос: «Как настроить звучание наших гражданских сердец, чтобы оно стало симфоническим»? Как понять с позиций просвещенного человека власть, государство, общество? Философ акцентировал внимание на том, что пафос просветительства связан с идеями европеизма. Успешно конкурировать можно и без инноваций, например Китай, Корея сами ничего не выдумывают, берут чужое и успешно пользуются. Может быть, и нам стоит действовать так же? Но еще древние греки, живя в окружении варваров, выработали иную модель поведения — быть лидерами. И мы, Россия, находимся в этой традиции.

*Александр Аузан,
президент Института
национального проекта
«Общественный договор»*

Общественный договор – 2008: критерии справедливости

Начало нового политического цикла всегда проблема, в любой стране, тем более в России. Мы вновь, уже второй раз, приближаемся к завершению сдвоенного политического цикла – окончанию парламентских и президентских полномочий. Однако при недостроенности институтов и существующих рисках нынешний переход, на мой взгляд, будет тяжелее, чем переход 1999–2000 годов. Когда я начинаю смотреть на компоненты этой задачи, то сначала сочувствую тем, кто решает ее в Кремле, а потом начинаю сочувствовать нам, потому что нерешенность этой задачи скажется на нас. Судя по последним годам, когда практически все реформы либо забуксовали, либо были отложены, невольно отмечаешь, что в каждой из них были реализованы интересы отдельных небольших по численности, но существенных по влиянию частных групп. Например, монетизация социальных льгот – вроде неуспешная реформа, а у фармакологических компаний все в порядке. И в каждой реформе можно увидеть эту же черту: власть окружает заботой плотное созвездие маленьких групп специальных интересов с сильными денежными мотивациями. Я думаю, что и у принимающих сегодня властные решения денежная мотивация гораздо сильнее властной. Почему?

Потому что эти люди должны решать вопрос о преемственности исходя из того, что им нужно сохранить и при возможности приумножить активы и при этом не попасть под удар. Ведь они сами создали прецеденты уголовного преследования своих конкурентов и политических противников. Поэтому закономерно ожидать, что группа, которая победит в конкуренции, может применить эти инструменты против них. Культура договороспособности у них низкая в силу их профессионального происхождения. Не было у них опыта договариваться, который возникает в некоторых других профессиях.

Я убежден, что никакого третьего срока и пересмотра конституции быть не может, потому что существенное изменение политических правил грозит активам представителей властной элиты. Что в таком случае еще можно сделать? В принципе можно отдать власть, но где гарантия, что к ним не будут применены меры преследования, иногда законные, иногда незаконные, как в Рос-

сии бывает? Тогда, может быть, с избирателями договориться, купив их голоса через «национальные проекты»? То есть раздать населению часть денег, которых в таком количестве у российского государства никогда еще практически не было. Но когда их начинаешь делить на 144 миллиона, сразу выясняется — не такие это уж и существенные деньги. Я представляю, как это все происходит в Минфине: «Да, правильно, надо дать врачам, но только всем не получается. И женщинам тоже надо дать, но только через три года после рождения второго ребенка и чтобы использовать их можно было потом, потому что с деньгами на самом деле у нас не так хорошо, как кажется: уж очень многочисленно российское население, несмотря на демографический спад». Да и к тому же институты так устроены, что эти деньги в цель практически никогда не попадают. Реформы-то не сделали в этой сфере, значит, деньги по дороге рассеиваются и создают на выходе отрицательных эффектов не меньше, чем положительных...

Подозреваю, что реальной проблемой сегодня является справедливость, я это слово до сих пор с трудом произношу. На протяжении последних десяти лет, как экономист, я вообще его отвергал. А теперь стал им пользоваться, потому что эта ставшая наиболее острой проблема имеет решение. Что дает мне основание это утверждать?

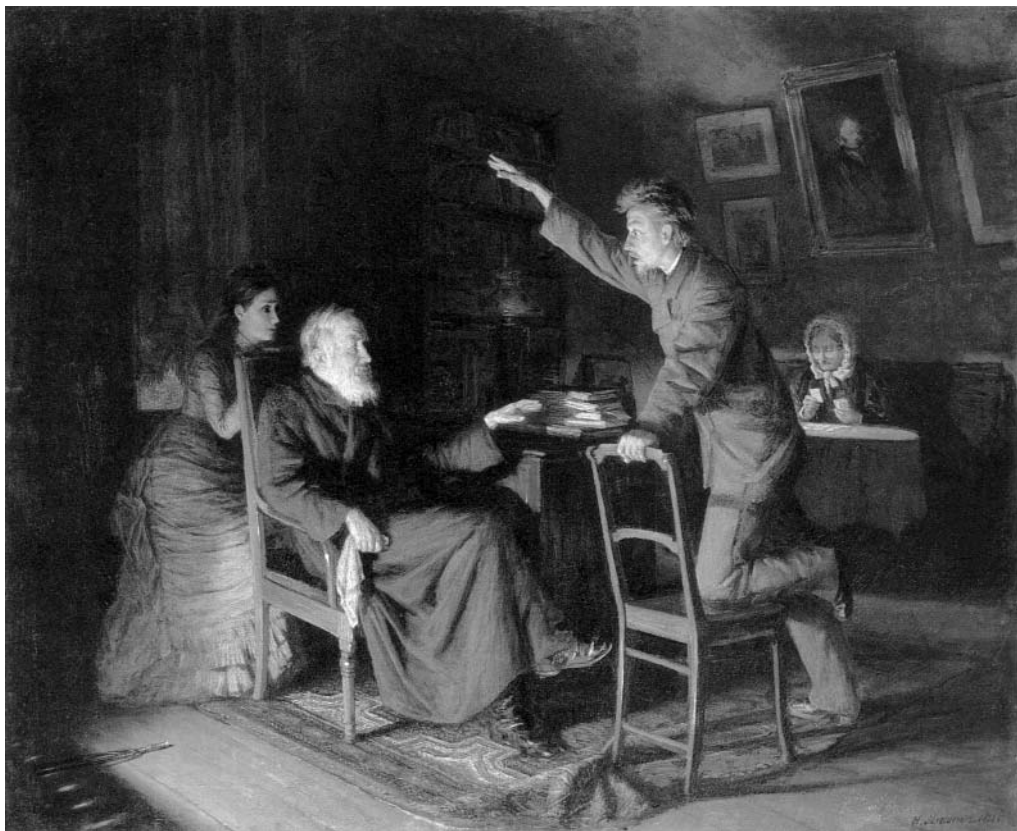
У каждого двойного политического цикла в России была своя центральная идея. В девяностые годы это была идея свободы, у нынешнего политического цикла — идея стабильности. Почему конституцию нельзя менять? Потому что нужна стабильность! Полагаю, что проблемой следующего цикла выступает справедливость. Во-первых, за последние пятнадцать лет все показатели дифференциации доходов разных слоев населения — я имею в виду индекс Джини, децильный коэффициент фондов, кривую Лоренса — дружно росли. И когда по 2005 году утверждают, что вроде бы впер- вые разрыв между низшими и высшими

по доходам группами снижается, то, как экономист, я в это не верю, потому что не бывает снижения названных показателей в условиях такой инфляции. Инфляция — это всегда налог на бедных. И понятно, что если реальная инфляция выше 11 процентов, то по продовольствию, то есть для наименее доходных групп, она достигает 20 процентов. Какое снижение разрыва?

Второе обстоятельство, которое заставляет думать, что эта тема центральная — высокое положение справедливости в том, что экономисты называют «надконституционными правилами», неформальными правилами высшего порядка. Тамара Георгиевна Морщякова однажды обратила внимание, что три русских слова являются однокоренными: право, правда и справедливость. Причем правда — это образ должного будущего, право — это норма, по которой живут люди, а справедливость их объединяет. Однако не у всех народов разные ценности стоят одинаково высоко. Одни могут стоять выше, другие ниже, но то напряжение, которое отражают экономические показатели, — это вроде повышения артериального давления. Инсульт может случиться. Если мы посмотрим, вокруг чего идет борьба, пропаганда, политические спекуляции, манипулирование, то всюду так или иначе обнаружим проблему несправедливости, а дальше обсуждение вопроса «кто виноват». То ли украинцы сожгли наш газ, а грузины пытаются нас отравить «Боржомом». То ли таджики вывозят наши родные доллары за границу, а евреи с азербайджанцами захватили нефтяную промышленность.

Ясно, что все это попытки объяснения *несправедливости*. Но тогда встает вопрос, а что есть справедливость? Я на эту тяжкую для себя тему хотел бы все-таки высказать несколько соображений, потому что мне кажется, проблема имеет решение, только надо понять, кто должен ее решать и для кого.

Начну с того, что вообще-то в последние тридцать лет существует несколько иная

Н.А. Ярошенко. *Старое и молодое*. 1881

постановка этой проблемы, чем в предшествующей философской, религиозной, этической, юридической литературе. Тридцать лет назад гарвардский философ Джон Ролз написал книгу «Теория справедливости», где предложил крайне простой подход к пониманию того, что есть справедливость. Он исходил не из нравственных норм, а из набора правил общественного устройства, о которых разные люди договорились бы, при условии, что они не знают заранее, какое общественное положение будут занимать. Как если бы мы рассуждали, скажем, о наших внуках, живущих в обществе, где мы им не сможем оказать поддержки. Какие необходимы правила, чтобы они могли благополучно жить?

Чтобы приблизиться к критериям справедливости, на которых Ролз строит свою теорию, приведу историю про разведчика, предположим Джеймса Бонда,

которого глава разведывательной службы отправляет в страну Р. со словами: «Вы будете работать под хорошей легендой. Вы миллионер, у вас будет «кадиллак», особняк, длинноногая секретарша. Одну минуту, мне надо только обсудить вопрос с финансовым менеджментом. Поговорив по телефону, он сообщает: «Так, концепция поменялась: вы бомж и живете на свалке». Если концепция так меняется, то какие существенные три вопроса должны волновать Джеймса Бонда? Первый исходит из того, что Джон Ролз назвал «равными правами свободы»: ехать или не ехать ему на этих условиях в страну Р.? Второй: существуют ли «социальные лифты», которые позволили бы ему, начав свою жизнь бомжем на свалке, стать миллионером с «кадиллаком», особняком и секретаршей? И третий: нельзя ли начать все-таки не с бомжа, а, например, замаскироваться под ра-

ботника текстильной фабрики, но при этом рассчитывать на приличный уровень жизни? По существу, это и есть три критерия справедливости, о которых говорит Ролз.

Вначале о первом критерии — *равных правах на свободу*. Согласно Ролзу, если вы хотите, чтобы модель справедливости работала, нельзя допускать, чтобы свобода обменивалась на дополнительный достаток, иначе модель не будет работать. Должен заметить, что необязательно читать книгу Ролза, чтобы это понять. Наша страна в XX веке шла именно по такому пути и модель *не работала*, хотя люди продолжают вспоминать о справедливости в СССР. Говорят: вот, при Брежнев... Но при Брежнев уже была коррупция. При Хрущеве поднялась номенклатура. При Сталине? Да, тогда замечательно работали «лифты»: человек с самого низа мог подняться до самого верха, но надо понять, что приводило их в движение. Выдвижение и доноительство в условиях террора — это две стороны одной медали: расчищаешь путь наверх, убирая своего начальника, но тебя, как правило, ожидает та же судьба.

Отобрали свободы во имя выхода страны из патриархального состояния, из разрухи. Чего добилась в итоге система? Партийная верхушка имела уровень достатка примерно среднего класса в Западной Европе. Может быть, члены политбюро поднимались еще выше. Но в целом система была малоэффективной и не только не обеспечивала справедливость в смысле сокращения разницы в доходах, но и не гарантировала достатка даже высшим слоям, потому что точка отсчета была слишком низкой. Реальная проблема с этим первым критерием существует и сегодня, и ее суть в том, что обеспечение прав и свобод — это серьезная системная работа, это затраты. Ее результативность во многом зависит от образования и имущественного достатка людей. Вообще говоря, все развитие демократии возникали как демократии образованных и имущих людей. Образованным легче пользоваться правами.

Теперь о втором критерии, который Ролз определил как *открытость позиций для карьеры*, которая напрямую связана со степенью активности людей. Я бы не сказал, что у нас пассивное население, хотя, конечно, века авторитарных и тоталитарных режимов научили людей жить по формуле «не высывайся, от других не отставай, дают — бери, бьют — беги». Активность очень специфична в России, потому что она связана, например, с самовыживанием. Огромный бонус для российской власти — способность людей выживать в самых неблагоприятных условиях. В 1998 году, пока правительство и эксперты думали, как преодолеть тяжелейший кризис, прогнозируя, что на это уйдут десятилетия, люди вытерли слезы, списали убытки, начали с нуля и практически через полгода обнаружили признаки преодоления кризиса. Такая активность сильно отличается от активности, направленной, скажем, на достижение и удержание власти.

Третий критерий связан с *положением низших слоев населения*. Основные споры экономистов затрагивают как раз эту тему. Так, нобелевский лауреат по экономике Джон Харшани возразил Ролзу: «Да с чего вы взяли, что справедливость измеряется достатком тех, кто находится в самом низу социальной лестницы? Это верно только при условии, если люди совсем не склонны к связанному с карьерным ростом риску. Тогда они требуют гарантии социального равенства. Вовсе не очевидно, что люди не способны на риск». Возвращаясь от этого рассуждения в Россию, хочу сказать, что у нас очень сложное отношение к риску. С одной стороны, есть традиции православной общины, которая не только отвергает риск, но и осуждает людей, склонных к нему. А с другой стороны, есть русское «авось», есть самая рискованная игра в истории человечества, которая носит название «русская рулетка». В нее, между прочим, играли не только русские офицеры девятнадцатого века, в нее сыграли и российские предприниматели в начале девяностых годов двадцатого. «Русская ру-

летка» вполне популярная игра. Посмотрите, как наши люди ездят отдыхать. В Таиланде цунами — никто не отказывается от путевок, в Египте теракты — да бог с ними, авось пронесет. Европа отказывается, наши соотечественники едут. Так что вопрос об отношении в России к риску спорный.

Каковы же реальные контуры возможной российской справедливости? На мой взгляд, говорить о единой модели справедливости для России, по меньшей мере, преждевременно, потому что мы имеем группы населения с разными физическими, образовательными и имущественными характеристиками, с неодинаковой активностью, склонностью к риску. Обобщая и опуская названные и другие критерии, остановлюсь на **трех тенденциях** в развитии ситуации и огромной яме на пути каждой из них.

Первая тенденция очевидна, о ней практически все время говорит власть: старшему поколению надо, мол, уходить. Идея, что у молодых сегодня нет, в отличие от девяностых годов, возможности продвинуться, уже осознана властью, которая начинает предлагать различные варианты продвижения, поскольку выросла из комсомольской элиты и знает технологию отбора. Это хороший вариант для людей, склонных к риску, которые хотели бы подняться, используя молодежные движения, партийный аппарат. Есть несколько препятствий на этом пути. Во-первых, маловато позиций. Следовательно, надо, например, заняться огосударствлением, чтобы создавать новые чиновничьи позиции, и все равно их не хватит для значительно числа людей. Вторая проблема гораздо более тяжелая. В 2002 году Нобелевскую премию по экономике за «анализ рынков с несимметричной информацией» получил Джордж Акерлоф, который доказал, что конкуренция далеко не всегда ведет к улучшению свойств товаров, услуг, менеджмента; она может вести и к их ухудшению. Очень важное положение, имеющее отношение не только к экономике. Если потребитель не пони-

мает, какой продукт получает, не может в нем разобраться, будет работать механизм ухудшающего отбора. То есть возникает ситуация, которую задолго до Акерлофа описал еще Гегель, характеризуя людей, «принимающих возбуждение за вдохновение, усилие за работу, а усталость за результат». Это и есть признак ухудшающего отбора. Следовательно, конкурентная модель справедливости должна быть достроена, чтобы она не только реально работала, но и не приводила к ухудшающему отбору.

У нас в последнее время часто говорят о так называемом новом государственном менеджменте. Российское правительство пытается вести реформы в этом направлении. Но если посмотреть на то, как такой менеджмент развивался в Англии, Ирландии, Франции, Италии, то там все начиналось с *хартии граждан*, то есть определения того, что людям нужно от государственного управления, а потом создания законодательства о стандартах оказания государственно-властных услуг: правил и показателей работы чиновника, административных регламентов и так далее. У нас все наоборот.

Это не банальная задача, потому что заранее не известно, что народу нужно от власти. Для ирландцев, например, самая важная характеристика государственного управления — это доброжелательность. А для французов — нет. Ты можешь быть недоброжелательным, можешь не улыбаться, но изволь на пятый звонок поднять трубку телефона и в такой-то срок решить мою проблему. У нас же формы вроде заимствуются, а модель строится с другого конца. Приведу лишь один пример: Федеральная налоговая служба приняла государственный стандарт оказания услуг и обслуживания в налоговых органах и там есть пункт: клиент должен быть обслужен за 15 минут. Но как обслужен, что значит обслужен? Что происходит в налоговых инспекциях? Человек отстоял очередь, с ним работали, а потом говорят: «Так, пятнадцать минут закончились, пойдите и встаньте в конец очереди, потом продолжим». Так

эта система и будет работать, пока мы строим ее на принципе «лифты с лифтерами ухудшающего отбора».

Вторая тенденция, в которой, казалось бы, тоже есть место для активных, самостоятельных людей. И в данном случае предположение о том, что молодой человек «пробьется», проходя через школу, университет или рынок, оказалось иллюзией, поскольку условия равного старта для всех не обеспечиваются.

Экономисты, социологи, юристы рассуждали и в этом случае вроде бы логично: люди ведь все равно платят школьным учителям, репетиторам и т.д. — ну и давайте все это легализуем. Однако вскоре стало очевидно: это типичная логическая ошибка, о которой писал в свое время тот же Гегель. У него есть притча про научные обобщения, которая мне очень нравится. Курица, наблюдая, как человек каждый день приносит ей зерно, обобщая, делает заключение, что он существует именно для этого. Но однажды человек приходит не с зерном, а с ножом и раз и навсегда отучает курицу от научных обобщений.

То, что люди согласны принимать временные трудности и находят пути для их преодоления, нельзя возводить в закон.

И в этом же ряду стоит проблема бесплатного образования или, скажем, проблема армии, которая в советские времена была институтом справедливости, через который человек из деревни имел шансы подняться по социальной лестнице. Сейчас же для меньшинства армия по-прежнему лифт, а для других может оказаться бетонной плитой, которая перекрывает движение лифта.

Словом, для категории самостоятельных людей справедливость работает отнюдь не автоматически. Необходимы соответствующие институты, социальная инфраструктура, законодательная база и, конечно, финансирование.

Теперь о *третьей тенденции*, имеющей отношение к людям, не склонным участ-

вовать в конкуренции, хотя они хотят и умеют работать. В стране эффективных рабочих мест в настоящее время миллионов на сорок населения, не больше, а для остальных миллионов работы нет,

Центральной идеей следующего политического цикла должна стать справедливость

а, следовательно, нет и одного из важнейших ресурсов справедливости. Нельзя сказать, что нынешнее экономическое «процветание» совсем не создает рабочих мест. Порой создает очень экзотические: крупье, сомелье, еще пяток профессий, которые прежде в тарифных справочниках не встречались. Богатство, конечно, просачивается сверху вниз, в том числе создавая и рабочие места, но далеко не в тех количествах и не того качества, чтобы можно было говорить о заметном движении к сокращению разрыва в доходах. Иные видят при этом решение проблемы в существенном повышении налогов на богатство. Однако, если пойти по этому пути, можно подорвать стимулы для предпринимательства, опустить верхнюю планку и, сократив разрыв, ухудшить в итоге положение тех, кто внизу. На мой взгляд, нужно сокращение разрыва не в доходах, а в расходах. Решения на этот счет есть и они не очень сложные, но экономисты не любят о них говорить, потому что это задевает интересы среднего класса, к которому они нередко принадлежат. Известный нобелевский лауреат Гуннар Мюрдаль в свое время утверждал, что большинство вполне эффективных решений может блокироваться средним классом потому, что эти решения ему не выгодны. Что в нашем случае нужно сделать для того, чтобы регулировать разрыв в расходах, то есть направлять расходы богатых классов на создание рабочих мест, а не на Рублевка-лайв? Нужны адекватные налоги на недвижи-

мость и одновременное снижение издержек при инвестировании денег. Но налоги на недвижимость касаются не только высших классов, богатые переносят их легче, а тяжелее приходится среднему классу. И еще «тяжелее» коррумпированному чиновнику, которому «двоюродная тетя» оставила в наследство особняк стоимостью 50 миллионов долларов, а оставила ли она деньги, чтобы платить налоги за него?

Второй аспект проблемы — серьезное снижение издержек при инвестировании. Когда у нас говорят об экономическом росте, то забывают о высоких транзакционных издержках бизнеса, которые для кого-то служат источником доходов. Почему самый провальный из национальных проектов, на мой взгляд, доступное жилье? Потому что строители много получают? Совсем не поэтому, а потому что рынок монополизирован и по странному стечению обстоятельств связан зачастую в регионах с местными чиновниками, которые превратили выдачу лицензий в доходный бизнес, или с их родственниками, использующими административный ресурс.

Но все проблемы меркнут по сравнению с той, что стоит на пути к реализации любой модели справедливости. Я имею в виду свойство людей завидовать чужому успеху. Это отнюдь не только российское качество, как принято думать, оно носит универсальный характер. О проблеме зависти экзистенциальные экономисты писали еще сто лет назад. Например, Леблен рассуждал в этой связи о *завистническом сравнении*. Люди, лишены возможности отстоять достоинство, подняться по социальной лестнице, всегда склонны, по выражению Ролза, к «болезненному сопоставлению». Тем более, когда видят на каждом шагу рекламу, предлагающую «подарить любимой квартиру». Действительно, почему бы не подарить? Или не ездить на авто за миллион долларов? Или не прикупить пару гектаров земли под Москвой на Рублевке? Ладно бы еще, если бы речь шла об обществе с приличным

средним достатком граждан и с соответствующей культурой поведения имущего меньшинства людей.

Существуют разные способы регулирования остроты фактора зависти, удовлетворения запроса на справедливость. Например, можно установить с помощью специальных налогов порог для роскоши, запретить рекламу такого рода. Но есть и другие факторы воздействия на качество социальной среды.

Давно ли частью пейзажа в нашей стране были люди в малиновых пиджаках с золотыми цепями навывпуск? Почему исчезли эти специфические атрибуты отличия? Потому что само общество сочло непристойными вызывающие манеры далеко не лучших своих представителей. Общественное мнение определяет во многом формирование критериев достоинства, стандартов и норм поведения, в том числе и для людей пассивных, которые хотели бы достигнуть приличного положения, но при этом не очень склонны рисковать. Френсис Фукуяма однажды сказал: принято считать, что современный человек вообще не любит иерархию. На самом деле он отрицает иерархию, в которой его положение ниже среднего уровня и благосклонно принимает ту, что поднимает его статус выше среднего. Следовательно, иерархий должно быть столько, чтобы в какой-то из них человек мог реализовать ту или иную модель справедливости сообразно своим индивидуальным качествам и возможностям.

Таким образом, общество справедливости для большинства может существовать лишь в качестве метафоры, потому что само большинство — это миф, который придумали политики, победившие на выборах, это абстрактная конструкция, возникающая в процессе политической конкуренции. На самом деле общество состоит из множества меньшинств, и речь можно вести о гармонизации различных версий справедливости для каждого меньшинства. В этом, собственно, и состоит главная функция активных сил в обществе, представляющих раз-

В.М. Максимов. Все в прошлом. Конец 1880-х

ные группы населения и ориентированных на разные политические силы в зависимости от подхода последних к решению проблемы справедливости. При этом любые варианты стыковки различных моделей справедливости требуют от разных групп граждан готовности идти на некоторые уступки и жертвы для достижения своих принципиальных целей. Например, если средний класс стремится к реализации модели самостоятельного роста, то ему придется принять налоги на недвижимость. А если реализовывать модель роста благосостояния людей малообеспеченных, ценящих прежде всего стабильность и не склонных к риску, то надо средства, скажем, того же стабилизационного фонда

вкладывать даже не в промышленные предприятия, а в создание эффективной системы правил функционирования социальной инфраструктуры, бесплатного образования, эффективной судебной системы. Наконец, и те и другие должны согласиться тратить время, усилия, средства для разработки и приведения в действие упомянутой хартии граждан, то есть жесткой и внятной регламентации действий чиновников, лишаящих их поля для произвола и коррупции.

Надо ясно сознавать, что речь в данном случае идет о структурных преобразованиях, требующих интеллектуальных усилий, крупных финансовых затрат и политической воли.

*Натан Шафаранский,
член Кнессета
(Израиль)*

Действительно ли мы верим в демократию?

Тема демократии — это тема моей жизни. Это то, чем я жил, о чем спорил, писал, за что боролся и за что продолжаю бороться.

Сегодня мы живем в условиях самой настоящей войны между обществами террора и свободным миром, когда во время дискуссий по поводу универсальной роли демократии на Западе все чаще звучат вопросы: а кто, собственно, сказал, что свобода и демократия — это хорошо для всех? Что арабский мир, куда вроде бы пытаются привнести свободу, нуждается в этом? А если даже и так, кто сказал, что это хорошо для нас? Ну, будет у них демократия, придут к власти экстремисты, а нам за это расплачиваться? Пусть уж лучше будет диктатор, только наш. Как говорил президент Джонсон: нам нужен наш сукин сын, наш диктатор, который будет контролировать ситуацию. И наконец, вопрос: если даже это хорошо для них и для нас, что мы можем сделать? Есть ли у свободного мира право посылать войска во все части света? Ответ, конечно, должен быть отрицательный.

Все это напоминает мне времена, когда в Советском Союзе, будучи диссидентами, мы спорили на кухне моего учителя Андрея Дмитриевича Сахарова с представителями наших друзей, приехавших из заграницы, с участниками Хельсинкской группы и с еврейскими активистами фактически о том же. Кто сказал, что Советскому Союзу нужны свобода и демократия? Вы хотите, говорили тогда наши оппоненты, чтобы мы на Западе вам помогли, но разве вы не понимаете, что в России на протяжении столетий не было демократии и никогда не будет? Так не лучше ли, чтобы мы просто пока стали друзьями Брежнева и советского режима и тогда могли бы помочь и вам? Мы вас, диссидентов, любим, но вы с другой планеты, вы мечтаете о нереальных вещах.

Или еще пример. Известно, что президенту Трумэну в сорок пятом году ближайшие советники объясняли: абсурдно думать, что японцам нужны свобода и демократия. Японская цивилизация основана, мол, на жесткой иерархии, патернализме и дисциплине, и ей три тысячелетия. При чем здесь вообще мы, американцы, со своей демократией, которой всего двести лет? Представьте

себе, что Трумэн этого наслушался бы и сказал: давайте не будем поощрять там никакие демократические процессы, а поставим своего императора и все будет о'кей. И то же самое, кстати, относится к Испании времен Франко, где его сторонники утверждали, что Испания католическая страна, а католицизм несовместим с демократией. Не говоря уже о сходных аргументах, приводившихся и в отношении некоторых стран Латинской Америки. Словом, в истории немало примеров, когда считалось, что демократия и свобода не-

*Мы хотим жить в обществе,
где людей не наказывают за свои
убеждения*

возможны, так как люди в них не нуждаются, но история доказывала каждый раз, что это заблуждение.

Мое убеждение, что все народы хотят и могут жить в условиях свободы, основано не только на оптимизме истории, но прежде всего на анализе условий жизни в самом диктаторском режиме, в самом несвободном обществе. Однако прежде надо договориться о том, что же мы называем свободой и свободным обществом. Потому что «демократия» это почти технический термин и нужны какие-то общие критерии, его определяющие.

Мое определение демократии идет от самого важного университета, а именно из советского ГУЛАГа. Когда ты сидишь в камере с русским монархистом, украинским националистом, пятидесятником из Сибири, которому не дают обучать своих детей его религии, католическим священником из Литвы, крымским татаринном, родителей которого в свое время вместе с тысячами других выселили в Сибирь и который хочет вернуться в Крым, понятно, что у всех этих людей очень разное понимание того, в каком обществе они хотят жить.

На самом деле есть один общий критерий, который объединяет всех нас: мы хотим жить в обществе, где людей не наказывают за свои убеждения. Это то, что я называю экзаменом городской площади. Если вы можете выйти на городскую площадь, высказать оппозиционные взгляды и за это не будете наказаны, значит, вы живете в свободном обществе. Если же будете наказаны, вы живете в обществе страха. Конечно, тут есть много нюансов и разных стадий на пути движения к свободному обществу. Сегодня в России мы видим, насколько можно продвинуться вперед и потом отступить немножко назад. Сомнений нет: и в свободном обществе много всяких нарушений прав человека. Но если человек имеет возможность высказывать свои взгляды и демократическими методами отстаивать их, это — свободное общество.

В обществе страха права человека не нарушаются, потому что их просто не существует. В таком обществе четко выделяются три группы людей. Первая — это те, кто верит в существующую идеологию. Вторая группа — это диссиденты, которые не верят в эту идеологию и высказывают открыто несогласие с режимом. И третья группа — так называемые двоемыслители. Я утверждаю, что это самая важная категория, которая во многом определяет ситуацию в стране.

Лично я хорошо помню тот момент, с которого стал лояльным советским двоемыслящим гражданином — в день, когда умер Сталин. Мне было пять

Дитер Хоних. Площадь Юргена Понто. Франкфурт

лет. Мой отец, убедившись (мы жили в коммунальной квартире), что соседи нас не слышат, объяснил мне и моему старшему брату, которому было семь лет, что умер Сталин и что это был палач, из-за которого погибло много людей. А мы, евреи, были, что называется, на очереди. Напомню, это было сразу после дела врачей и разгрома еврейской культуры, когда была подготовлена акция по выселению на пасху евреев из больших городов, и мой отец, как коммунист и журналист, знал несколько больше, чем многие другие. И он сказал нам, что мы были в страшной опасности, а сейчас, по-видимому, спасены. Поэтому запомните на всю жизнь, сказал он: произошло чудо, но не говорите это никому. Делайте то, что делают все.

На следующий день в детском садике я плакал вместе со всеми детьми, говорил вместе со всеми «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» и пел «Москва, Пекин... Сталин и Мао слушают нас». Мы были слишком малы, чтобы понимать происходящее, но я помнил, что произошло чудо, что мы спасены. Вот так я начал свою жизнь лояльного двоемыслящего советского гражданина. И в этом состоянии двоемыслящие люди вынуждены были пребывать в течение всей жизни: читать, говорить, голосовать в соответствии с тем, что от тебя ожидают. А иная правда — только для семьи и близких друзей.

В недавно вышедшей на русском языке книге «В защиту демократии»* мы с моим соавтором приводим связанные с этим примеры из истории стран с разной культурой — Ирана, Ирака, Чехословакии, Северной Кореи. Можно видеть, как состояние двоемыслия переживается одинаково в разных странах, с разными культурами: люди боятся, что если их дети скажут что-то в школе, то родители будут наказаны. Именно чувство глубокого облегчения от возможности жить без постоянной самоцензуры является, на мой взгляд, тем универсальным чувством, которое объясняет, почему самые разные народы с самыми разными культурами выбирают жизнь в условиях свободы.

Однако как быть с иными странами, где несвобода в силу разных причин укоренилась, стала неотъемлемой от культурной традиции и играет роль фактора внутренней стабильности? Эта точка зрения, как прежде, так и в сегодняшней реальной политике почти всегда побеждает. Потому что очень опасно доверить какому-то там демократическому выбору народа. А вот диктатор, если он свой, наведет, мол, порядок. Мы на Ближнем Востоке сейчас платим очень большую цену за то, что думали в свое время, что Арафат наведет у себя порядок.

И все же я считаю, что любой самый лояльный диктатор опаснее самой недружественной демократии, хотя и демократический лидер, и диктатор стремятся остаться у власти как можно дольше — такова природа человека. Мы знаем демократических лидеров, в том числе и в моей стране, готовых всю жизнь оставаться у власти. В чем же между ними разница? В том, что демократический лидер зависит от народа: хочет не хочет, но он должен отвечать определенным требованиям, чтобы народ голосовал за него. Диктатор же от народа не зависит. Он держит народ под контролем. Для этого используются пропаганда, тайная полиция, армия. Но и этого бывает недостаточно. Любой диктатор, и это доказано историей, нуждается во внешнем враге — истинном, либо придуманном, чтобы мобилизовать народ на священную борьбу, отвратив его от свободомыслия. Внешний враг сегодня может быть один, завтра — другой. Сегодня какая-то демократия может, так сказать, наслаждаться дружественными отношениями с диктатором, но завтра он становится вашим врагом.

Наши друзья, например, в Америке не раз оказывались в такой ситуации. Взять хотя бы Саудовскую Аравию. В начале девяностых годов я спрашивал у западных руководителей, у руководителей Америки: вы только что

---

* См.: Щафанский Н., Дермер Р. *В защиту демократии. Пер. с англ.* — М.: Захаров, 2006.

спасли Саудовскую Аравию от иракского нашествия и даже не попытались поставить ей никаких условий относительно хотя бы частичной демократизации общества. Мне отвечали, что в Саудовской Аравии главная проблема не демократия, а стабильность. А через десять лет случилось 11 сентября, и 15 из 19 террористов были гражданами Саудовской Аравии. Однако Запад не в состоянии проводить жесткую политику в отношении режима племенной диктатуры, потому что видит в нем прежде всего источник нефти, то есть гарантию своей собственной стабильности. Даже если этот режим опирается на ваххабизм, который стал сегодня основой идеологии мирового террора.

Но допустим, становится ясно, что где-то диктаторский режим приобретает явно агрессивный характер. Что делать? Посылать туда войска? Но Америка послала войска в Ирак и никак оттуда не выберется. А ведь это не единственная диктатура на карте мира, возникшая к тому же исключительно из-за того, что свободный мир ее поддерживал в какой-то период. Режим Хуссейна десять лет строился Западом как щит от фундаменталистского Ирана. Заигрывание с Гитлером, со Сталиным и вовсе привело к мировой катастрофе.

Рассуждая на эту тему, надо обратиться к внутренней сути диктаторских режимов, которые держатся благодаря контролю общественного сознания, будучи неустойчивыми сами по себе. Они могут выглядеть мощными, страшными, агрессивными, но их внутренний потенциал слаб, потому что с каждым днем все больше ресурсов нужно тратить на контроль над умами своих граждан. И пока остается хоть один диссидент, он опасен, потому что может заразить других.

Когда распался Советский Союз, не было ни одного советолога в мире, который бы это предсказал. Я всегда говорю: были люди, которые это прекрасно знали, — советские диссиденты. Чтобы не быть голословным, напомним о книге моего друга Андрея Амальрика, написанной в 1969 году «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?». За эту книгу он провел много лет в тюрьме, в ссылке, потом был выслан из Советского Союза, потом погиб в какой-то очень странной автомобильной катастрофе. В восемьдесят четвертом году, когда я отсидел уже довольно много лет в тюрьме, ко мне в очередной раз пришли кагэбэшники и сказали: вот видишь, уже восемьдесят четвертый год, твоего друга нет в живых, а с Советским Союзом ничего не случилось. Через год пришел к власти Горбачев и начался распад Советской империи. Не все в реальности было как в книге, но суть процесса Амальрик уловил правильно. Он сравнивал советский режим с солдатом, который с ружьем стережет пленника — 24 часа в сутки, день за днем. Но в какой-то момент он устанет, выронит ружье и пленник сбежит.

Это то, что в конце концов всегда происходит с диктаторским режимом, если внешний мир его не поддерживает. Потому что внутренних резервов, какими бы они ни были большими, не хватает, чтобы контролировать десятки лет миллионы, а иногда и сотни миллионов людей. Однако, если взять историю Советского Союза, парадокс состоял в том, что ему одновременно нужна была Америка как враг для наращивания военной мощи и для оправдания внешней экспансии и как друг, поскольку нужны были кредиты, снятие ограничений в торговле, в научном обмене и т.д.

Так что диктатура всегда нуждается в свободном мире и в качестве врага, и в качестве друга. Эта ситуация в отношениях диктаторских режимов и свободного мира воспроизводится постоянно вопреки простому, казалось бы, принципу: не должны вопросы торговли, экономического, научного, военного сотрудничества быть отделены от вопросов прав человека. Тогда диктаторский режим окажется перед дилеммой: строить отношения со свободным миром либо в качестве друга, либо врага, но никак не в обоих качествах

Любой диктатор нуждается во внешнем враге, чтобы отвратить народ от свободомыслия

одновременно. При этом, какой бы выбор он ни сделал, его дни будут сочтены.

К сожалению, даже если руководители стран свободного мира разделяют полностью такой подход, его реализация оказывается очень сложной. Казалось бы, что проще: демократия должна начинаться со свободных выборов. Однако это возможно только в свободном обществе. Должны быть созданы институты свободного общества, граждане которого застрахованы от давления любых структур в любой форме.

Самый яркий пример пренебрежения этим принципом — недавние парламентские выборы в Палестинской автономии, где к власти пришла радикальная организация «Хамас». Многие восприняли результаты этих выборов как доказательство того, что в арабском обществе вообще не может быть демократии. Но при этом забывают, что была нарушена логика событий и выборы опередили демократические реформы.

Везде, где я бываю, мне говорят: вот видишь, ты утверждал, Россия может быть частью свободного мира, а сейчас там происходит серьезный откат от демократии. Я отвечаю, что при всем скептицизме надо понимать, что в России произошли колоссальные изменения. Меня, конечно же, тоже очень волнует судьба Ходорковского, как и то, что происходит с прессой и так далее. Но надо помнить и то, что это было классическое общество страха, где миллионы людей контролировали с помощью ГУЛАГа, где миллионы работали на КГБ и сотни миллионов жили в состоянии двоемыслия. И этой системы больше не существует, хотя, безусловно, есть определенный откат от демократии. Когда во Франции после Французской революции к власти пришел Наполеон и отменил многие из свобод, которые эта революция принесла, означало ли это, что страна была обречена на несвободу? Отнюдь нет. Франция через откаты прошла последовательные ступени к состоянию современной демократии.

От каждого из нас зависит, насколько движение к свободе будет последовательно. Как и 25 лет назад, я верю, что и русские, и арабы, и немцы, и японцы, и американцы, и евреи хотят и могут жить в условиях свободы.

*Николай Злобин,
директор российских
и азиатских программ
Института мировой
безопасности,
Вашингтон, США*

Стратегия и импровизация во внешней политике

Попробую поставить вопросы, связанные с формирующимся сегодня новым мировым порядком, с международной безопасностью, с ролью России и других стран в том, как обеспечить эту безопасность и международную стабильность, если мы вообще в состоянии этого достичь.

Главная проблема, главный вызов и главная опасность, которую я вижу, состоят в том, что на фундаментальном уровне мы не понимаем состояние современного мира, основные тенденции его развития. Мы знаем, что это уже не холодная война, которая теперь выглядит просто «детским садом», потому что тогда было все просто: противостояние двух супердержав по определенным правилам игры – ракеты направлены друг на друга, традиционная армия, танки – и все это на фоне экономического и идеологического противостояния. Однако после 15 лет празднования похорон холодной войны вдруг выяснилось, что на самом деле мир стал еще сложнее, еще опаснее, еще более непредсказуемым. Оказалось, что интеллектуально мы банкроты. Я не боюсь это сказать, поскольку занимаюсь этим профессионально, и интеллектуально я тоже банкрот, так как у меня нет ответов на основные проблемы, связанные с обеспечением международной безопасности. Мы в интеллектуальном тупике с точки зрения понимания мира, в котором начинаем жить. Проблема заключается в том, сумеем ли мы выбраться из этого тупика.

Очень многое, почти все, что мы сегодня используем в международных отношениях или в поисках обеспечения собственной и международной безопасности, вновь берется из арсенала холодной войны. Да, само понятие угрозы изменилось, но мы не очень понимаем, а что собственно нам угрожает? После Второй мировой войны, когда сформировалась политическая система старого мирового порядка, было понятно, что речь идет о противостоянии государств и блоков. Менялось качество оружия и качество стратегии, но в принципе одни государства противостояли другим. После 11 сентября 2001 года ситуация изменилась принципиально:

появился неформализованный враг, так называемый международный терроризм, с которым государственными средствами бороться очень трудно, потому что у этого врага нет армии. Бросать против него армию бессмысленно, как и вводить экономические санкции, поскольку у него нет и конкретной территории. Мы не знаем, насколько в состоянии защитить себя, так как не знаем, откуда может исходить угроза. Одно понятно, что идея военных блоков себя исчерпала: с кем, собственно говоря, вступать в блок? И зачем? Американцы, например, выдвинули концепцию гибких коалиций, рассчитанных на решение какой-то одной проблемы, — кто хочет, участвует, как только решили задачу, разбегаемся. Не дай Бог подписать с кем-нибудь долгосрочное соглашение, потому что кто знает, где мы окажемся через пять лет, может быть, на противоположных полюсах.

Посмотрите на мир, в котором мы сегодня живем: вся система международных отношений, международное право, международная практика в нем сложились в соответствии с итогами Второй мировой войны, когда была создана Организация Объединенных Наций. Потом были Хельсинки и так далее... Но эта система явно не соответствует реальному состоянию мира, в котором никто ничего другого предложить пока не может. С одной стороны, мы боимся разрушать то, что есть, а с другой — не знаем, что построить на этом месте. Вообще, нужна ли нам, например, ООН? И в каком качестве, для чего? Я, честно говоря, критически отношусь к этой организации, считаю, что она своих политических функций не выполняет уже давно, лет тридцать. Сегодня это хорошая гуманитарная организация, пусть бы она и занималась образованием, эпидемиями, проблемами голода и так далее, но не политическими проблемами. Потому что она просто не справляется с этим. Совет Безопасности, на мой взгляд, также несправедли-

вая в нынешних условиях структура. Вот почему в последние годы все чаще стали говорить о «Большой восьмерке», хотя не очень понятно, что это такое. В «Большой восьмерке» многие видят некую альтернативу Совету Безопасности, некую площадку, где лидеры главных стран собираются, о чем-то договариваются, но нет пока институтов, которые гарантировали бы выполнение их договоренностей. Пять постоянных членов Совета Безопасности были выбраны по результатам Второй мировой войны, но сегодня другие страны правят бал, и когда смотришь на Совбез, то невольно задаешься вопросом: а почему там нет, например, Германии? Ведь это главная экономика Европы. Вообще логично это или нет? Или вторая экономика мира — японская. Она тоже в нем не представлена, как не представлена ни одна латиноамериканская страна. Про Африку я вообще не говорю. Если в Москве многие видят в Совбезе справедливый международный институт, то в большинстве стран мира его таким не видят. Да, мир несправедлив. И до распада СССР было понятно, почему он несправедлив, была холодная война. Сегодня проблем противостояния двух противоположных мировых систем нет, но инструментарий продолжает оставаться прежним, включая международное право.

Вспомните, что крах мирового коммунизма — распад Варшавского блока, Советского Союза и т.д. — не вызвал какой-либо реакции со стороны ООН. Казалось бы, по словам президента Путина, это была крупнейшая катастрофа XX века, а главная международная организация, которая должна заниматься стабильностью мирового порядка, оказалась ни при чем. Тогда кто, какие международные институты и организации должны были этим заниматься, когда рушилась половина мира? Необходимость выработки новых институтов, новых правил международного правопорядка очевидна, но взяться за это никто не в

состоянии, потому что, как я сказал уже, мы фундаментально не понимаем: а что, собственно, хотим? Какими должны быть эти новые правила? Поэтому мы живем в эпоху случайных политических решений, политических импровизаций, особенно в сфере внешней политики ведущих стран мира.

В современной России, как и в некоторых других странах, много говорят сегодня о необходимости создания многополярного мира. Правильно, Америка в наши дни — единственная супердержава, и делает она, что хочет, ведет себя как слон в посудной лавке, с чем я согласен отчасти и отчего мне иногда бывает очень неловко за американскую внешнюю политику, к которой я имею отношение. Но как историк по образованию и как эксперт в политике могу сказать, что нет ни одного политического, военного, экономического аргумента, доказывающего, что многополярный мир более безопасный, чем однополярный. Более того, если мы посмотрим на всемирную историю, то увидим, что мировые войны начинались именно тогда, когда складывался многополярный мир и появлялись силы, способные бросить вызов другим сверхсилам.

Американское сегодняшнее доминирование, конечно, несправедливо, но и многополярный мир, как показывает история, не менее опасен. И когда Москва стремится к многополярному миру, понятно, что речь идет о том, что она хочет вернуть себе некие лидирующие позиции. Это можно понять. Москва сегодня несправедливо обижена. Россия является единственной крупной страной мира, потерявшей свое прежнее международное влияние и огромную часть своей национальной безопасности в результате окончания холодной войны. Причем справедливости ради надо сказать, что все это произошло в период ее наибольшего сближения с Вашингтоном.

Но не будем забывать, что еще недавно Москва точно так же обижала других, бу-

дучи одной из двух сверхдержав мира. Поэтому когда российские и не только российские политики начинают говорить о необходимости многополярного мира, то возникает вопрос: ради чего? Ради стабильности? Усиления безопасности? Или у них есть некие иные идеи, о которых они не хотят говорить? Проблема заключается в том, что Россия, и это свойство российского имперского менталитета, с большим трудом воспринимает свое место в мире как державы средней руки. Поэтому стремление России к многополярному миру основано на том, что она по сути хочет создать некий новый политический центр. Центр силы или блок государств, где она играла бы ведущую роль. Это нормальная эгоистическая тенденция любой страны, любой политической элиты — руководить больше, чем своей страной. Но давайте реалистично смотреть на вещи: в любом многополярном, бросающем вызов американской гегемонии центре силы Россия не будет равным партнером, например, Китаю или Индии.

Сегодня Россия и другие государства начинают всерьез создавать Шанхайскую организацию сотрудничества. Наконец-то после 15 лет международного одиночества России нашлись страны, которые готовы вступить с ней в союз, и очевидно, что это будет пусть не Варшавский блок, но что-то в этом роде, что-то противостоящее НАТО, западному военно-политическому влиянию в регионе. Но неужели есть какие-то сомнения, что, будучи полноправным членом ШОС, Китай позволит России этой организацией руководить? На мой взгляд, не позволит. Просто Китаю нужен выход в Среднюю Азию, ему нужны энергетические ресурсы, а Россия, не думая очень глубоко, помогает ему проникнуть в сферу своего недавнего влияния.

Спора нет, с одной стороны, нужно действительно найти новое достойное место России в мировом порядке, найти при этом надолго, на исторический период,

а с другой стороны, у нынешней российской политической элиты есть некие эгоистические амбиции, которые она старается реализовать. Поговорите с американцами, которые занимаются внешней политикой США. Главная проблема, с которой они сталкиваются в России, состоит в том, что в Кремле очень трудно найти собеседника по вопросам внешней политики, особенно по отношениям с США. Слава богу, сегодня есть Путин и Буш, они более-менее терпят друг друга. Это как зонтик, который закрывает пустоту. А если следующие два президента будут относиться друг к другу гораздо более критически, когда сотни российских ядерных боеголовок нацелены на Соединенные Штаты, а сотни американских — на Россию? И до сих пор американские атомные подводные лодки несут боевое дежурство в Атлантическом и в Индийском океанах. С одной стороны, ясно, что мы не доверяем друг другу, но с другой стороны, зачем нам такое количество ядерных боеприпасов? Уничтожить одну ядерную ракету стоит примерно 100 тысяч долларов, а один год ее эксплуатации — больше миллиона. То есть их надо уничтожать, но все боятся, хотя не понимают, зачем их содержат. Спрашиваешь американских военных: зачем вам нужна по московскому договору 21 сотня ядерных боеголовок? Они говорят: «Ну, чтобы никто даже не помыслил с нами тягаться в этом». То же самое говорят и российские военные. Как же можно строить партнерские отношения, если мы до сих пор рассматриваем друг друга как потенциальных противников?

В Вашингтоне есть разные школы подхода к отношениям с Россией, к ее роли в мире, но все они в большей или меньшей степени сходятся в том, что она никогда не будет другом Соединенных Штатов. Мы можем сотрудничать по определенным вопросам, где наши интересы совпа-

дают, а где они не совпадают, лучше всего придерживаться наблюдательной позиции, быть настороже и не раздражать друг друга. Но главная проблема российских отношений с Западом, в частности с

---

*Мы в интеллектуальном тупике
с точки зрения понимания мира,
в котором начинаем жить*

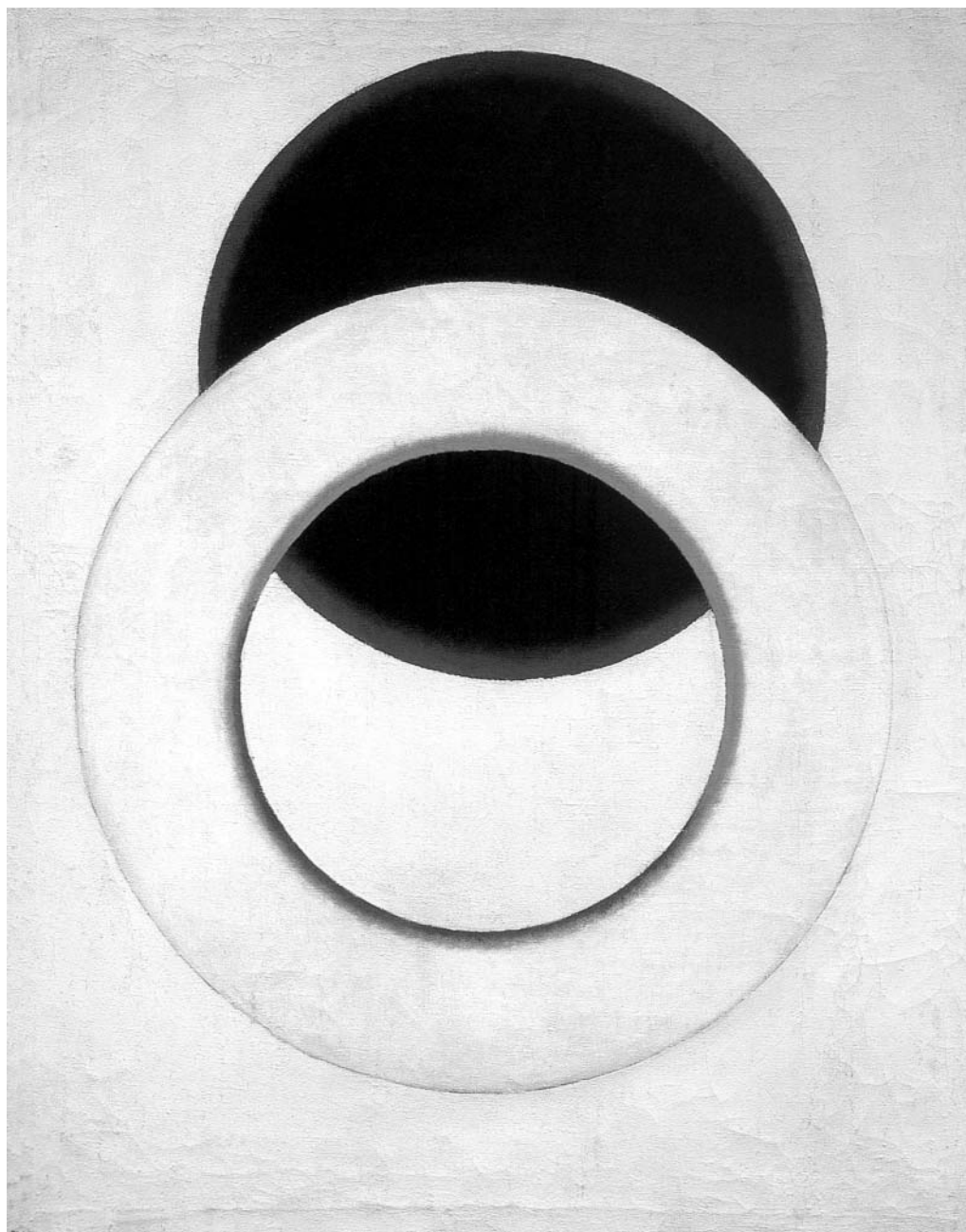
США, — не очень понятная фундаментальная основа этих отношений.

Американцы, в частности, считают, что российская внешняя политика в упрощенном виде основана на четырех «китах».

Во-первых, это ее ядерные силы. До сих пор Россия — единственная страна в мире, которая способна в течение нескольких часов уничтожить Соединенные Штаты, о чем, кстати, говорят некоторые российские политики и почему Соединенным Штатам приходится всерьез воспринимать Россию.

Во-вторых, энергетические ресурсы. Россия является источником нефти и во все большей степени газа. И, кроме того, она способна обеспечить ядерную энергетику целого региона. Ну и, конечно, она контролирует огромную часть электроэнергетики в Евразии и способна, видимо, контролировать еще больше. То есть Россия обладает уникальной в истории совокупностью двух факторов: это ядерно-энергетическая держава. Сможет ли она правильно распорядиться этими двумя инструментами? В чьих руках они будут находиться?

В-третьих, Россия соседствует с самыми взрывоопасными, но и самыми привлекательными с геополитической точки зрения регионами мира. Идет ли речь об Азии, Ближнем Востоке, о Китае, без России все эти проблемы не решить или, по крайней мере, с ней их решать проще. Это еще один аргумент, который используют российские политики, когда гово-

А.М. Родченко. Белый круг. 1918

рят, что у России есть общие границы с теми регионами, которые американцев и европейцев очень интересуют с точки зрения борьбы с терроризмом, возможных коммуникаций через Евразию, работы с Китаем, если там что-то случится.

Поэтому все равно рано или поздно вы к нам придете, говорят они не без оснований.

В-четвертых, важным компонентом российской внешней политики является политический и экономический контроль

над Евразией. В этой связи возникает очень много вопросов, проблем и раздражения как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах и в самой Евразии. На мой взгляд, проблема российской внешней политики

на континенте заключается в отсутствии фундаментальной стратегии, что и делает ее политику зигзагообразной, импровизаторской. С одной стороны,

был звонок Путина Джорджу Бушу 11 сентября 2001 года, а с другой стороны, например, поддержка Януковича на президентских выборах на Украине в 2005 году. С одной стороны, газовый конфликт с Украиной, а с другой — стремление вступить в ВТО.

В международной политике есть своего рода неписаное правило: непредсказуемый друг гораздо хуже предсказуемого врага. Россия сегодня — непредсказуемый друг для многих. А непредсказуемость вытекает из того, что те или иные направления ее внешней политики монополизированы группами специальных интересов, теми или иными сегментами российского истеблишмента. Думаю, например, что политика России в отношении Ирана не могла быть, по определению, государственной, это скорее политика российского агентства по атомной энергии, которое монополизировало эту политику и зарабатывает на этом. Это опасно, потому что вместо некоей более или менее целостной внешней политики, за которую можно спросить с государства, приходится иметь дело с лоббистами, с группами специальных интересов, с депутатами Государственной думы или министрами, которые заинтересованы в развитии какого-то сегмента внешней политики, и им наплевать, как это вписывается в общую картину.

Поэтому вместо фундаментальных и долгосрочных целей внешней политики страны на 20–30–40 лет есть лишь какие-

то краткосрочные проекты либо в Иране, либо на Украине и где-то еще. Посмотрите на опросы мирового общественного мнения: Америка самая нелюбимая страна в мире, но в Белый дом на месяцы

Мы живем в эпоху случайных политических решений, политических импровизаций, особенно в сфере внешней политики

вперед стоит очередь зарубежных лидеров, желающих подписать что угодно с Соединенными Штатами. Значит, что-то у Америки есть, чего нет у России. И важно понять, что Россия может предложить мировому сообществу с точки зрения стабилизации мира, нового мирового порядка, новых элементов международной безопасности.

Иранская проблема является здесь хорошим примером. В элитах США и России вроде бы имеется понимание того, что иранская проблема — только начало глобального процесса: многие страны могут двинуться вслед за Тегераном, учитывая, что в последние пару лет ядерная энергия впервые в мировой истории стала самым дешевым видом энергии. Она сегодня дешевле энергии нефти и газа и скорее всего будет оставаться таковой в ближайшие годы. Это фундаментальный переворот в мировой политике. Поэтому Москве и Вашингтону необходимо выработать общую стратегию решения такого рода проблем, а не просто добиваться запрета на ядерную программу Ирана, что к тому же малореалистично. Более того, поскольку ядерная энергетика в силу исторических особенностей своего развития является побочным результатом создания ядерного оружия, то все существующие ныне ядерные технологии — военные по определению. На создание новых технологий, которые нельзя использовать в военных целях, уйдет не менее четверти века совместных работ. Как выжить в эти 20–25 лет,

никто не знает, однако ясно, что любая страна, которая захочет развивать ядерную энергетику, будет практически создавать ядерное оружие. Это не просто еще одна энергетическая уловка, не имеющая пока решения, но важнейшая проблема мировой безопасности, в которой Россия неминуемо будет играть важную роль.

Если посмотреть на всю эту совокупность проблем, то нельзя не заметить, что в России начинает формироваться новая политическая элита и особенно бизнес-элиты. Начинают появляться молодые толковые ребята, которые действительно знают, как надо зарабатывать деньги, строить компании и даже создавать партии. Но что касается внешнеполитической элиты, то у меня такое впечатление, что во внешнюю политику идут лишь те, кого не приняли во внутреннюю. И это наносит государству огромный, стратегический вред. Сегодня как раз та ситуация, когда мир настолько неочевиден и настолько полон возможностей, потому что ничего еще не сложилось, что Россия теряет, на мой взгляд, уникальные шансы. Ждать никто не будет, место будет занято.

Да, Москва будет в Совете Безопасности ООН, но я не знаю, какую роль Совбез будет играть через пять лет. Да, у России будет ядерное оружие, которое все труднее и труднее содержать. Да, Россия будет превращаться все более и более в энергетическую державу. Но это тоже, кстати, вопрос политики: будет ли Россия бензоколонкой для Западной Европы или для Японии, для Китая, для кого? Для кого угодно? Тогда политический выбор здесь тоже должен присутствовать.

Превращение страны в энергетическую супердержаву, о чем все чаще говорят ответственные чиновники в Москве, основывается на идее, что именно традиционная энергетика будет продол-

жать играть огромную роль в будущем, что именно обладание энергетическими ресурсами (нефть, газ, электроэнергия и атом) будет и дальше определять политический и международный вес страны в мире. Но это может оказаться не совсем так или даже совсем не так. Еще недавно никто и не предполагал, что именно энергетика станет важнейшим внешнеполитическим инструментом в начале XXI века, что именно энергетические ресурсы будут определять, является та или иная страна сверхдержавой или нет. Наоборот, все недавние расчеты показывали, что таким фактором являются технологии и современные коммуникации. Как знать, не случится ли, что, превратившись в энергетическую супердержаву и потратив время, политическую волю и свои инвестиции и сбережения на превращение в таковую, Россия окажется в мире, где энергетика уже не играет ведущей роли, как это бывало в прошлом, в последний раз, например, когда рухнул СССР, и потом в меньшем масштабе, но повторилось в середине 1990-х годов. Китай, к примеру, не обладает никакими энергетическими ресурсами, однако большинство экспертов в мире сходится в том, что именно он будет в середине века стать экономической супердержавой, способной бросить вызов Америке.

Таким образом, существует целый ряд очень острых проблем, которые надо решать сегодня. Однако, думаю, ситуация вряд ли изменится и в следующие два десятилетия, до тех пор пока не вырастет новая элита и не произойдет смена поколений. В этом я вижу очень большую уязвимость России. А если Россия уязвима, то, в силу того что у нее есть газ, нефть, ядерные боеголовки, огромная территория и она рядом с взрывоопасными регионами, и мир очень уязвим. Поэтому от России сегодня ждут многого.

Вызовы и возможности: Иран и Ирак

Восемь лет моей политической карьеры прошли на Ближнем Востоке, и как дипломат с определенным опытом хочу поделиться соображениями по поводу ситуации в Иране и Ираке и очевидной необходимости некоторой коррекции политики США в этом регионе.

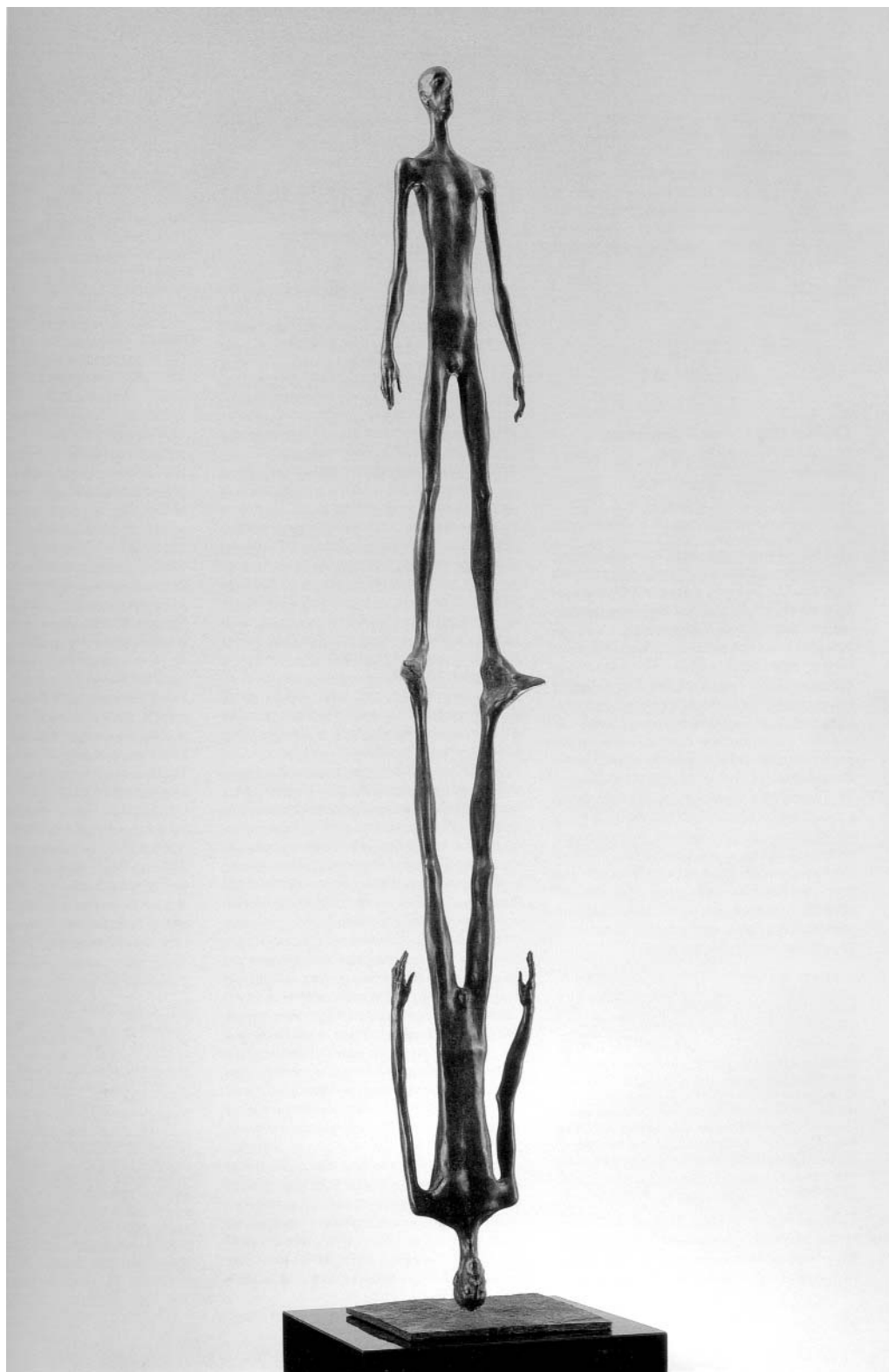
Начну с Ирана, потому что имеющаяся информация заставляет опасаться, что иранская программа развития ядерных технологий в конце концов приведет к созданию ядерного оружия. Это может произойти лет через шесть или десять. Но одно дело иметь возможность создания такого оружия, а другое дело реально его создать. Как бы то ни было, представители российского правительства, с которыми мы беседовали, говорят, что озабочены этой проблемой гораздо больше, чем США, в силу близости Ирана к России.

Мне кажется, что в основе подхода, который способен решить проблему, должно лежать предложение Ирану всего необходимого для использования ядерной энергии в мирных целях, но у него не должно быть оборудования, которое бы позволило создать ядерное оружие. Реализация этого подхода должна, безусловно, сопровождаться серьезными международными инспекциями, что, собственно, и предлагает Совет Безопасности ООН. Это означает, что мы можем воспользоваться российским предложением обогащать уран для Ирана и перерабатывать отработанное топливо в России. Но в то же время, используя российский вариант, мы должны, на мой взгляд, расширить его рамки. Идея заключается в том, что пять ядерных держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН, возьмут на себя обязательства относительно других государств, не входящих в эту группу, обеспечить предложение им ядерного топлива за конкурентоспособную цену для его мирного использования. И эти государства должны работать в контакте с МАГАТЭ и соблюдать обязательства по нераспространению ядерных материалов. Также важно, чтобы эти государства согласились возвращать отработанное топливо на постоянной основе.

Я считаю, что США должны подключиться к европейским странам, которые сейчас ведут переговоры с Ираном, при условии что переговоры не будут касаться во-

*Том Пикеринг,
первый вице-президент
компании «Боинг»,
посол США в РФ (1993–1996)*

Д.С. Герман. Отражение. 1999

просов развития ядерной программы в будущем; нужно говорить только о том, что происходит сейчас.

Второе условие заключается в том, что Иран соглашается остановить свою программу по обогащению урана. Считаю, что Россия и Китай должны принять участие в таких переговорах. Это окажет важное положительное воздействие и на иранцев, и на решение проблемы. К тому же возникнет климат солидарности между государствами за пределами Ирана, составляющими международное сообщество. Если же Иран будет настаивать на своем, он окажется в изоляции.

Ядерную проблему Ирана нужно рассматривать в контексте региональной безопасности. Пять ядерных держав индивидуально или коллективно должны предпринять усилия для предотвращения разработки ядерного оружия в регионе. Если какое-либо государство в регионе будет развивать ядерное оружие, у Ирана будет аргумент создавать свое собственное. И здесь возможен ряд компенсационных мер в отношении Ирана, если он пойдет навстречу в ходе этих переговоров. Европейцы уже думают, например, об открытии стран для иранских инвестиций, о помощи Ирану в строительстве нефте- и газопроводов в Индию через Пакистан с тем, чтобы эти страны могли решать свои энергетические проблемы. Это и расширение мирового рынка для каспийской нефти и т.д.

Целый ряд государств, включая Россию, осознает сложность проблемы. Ее решение подразумевает применение различных рычагов воздействия на ход переговоров, в том числе санкций, если даже сильные позитивные предложения не приводят к успеху переговоров. Я вижу здесь четыре этапа санкций, рассчитанные в принципе на 2–3 года. Обычно санкции начинаются с самого низкого уровня. В нашем случае это могут быть санкции в отношении иранского руководства, его активов, за пределами страны. Существуют известные в дипломатическом мире санкции, вводимые через определенные интервалы времени: через 6, 8 месяцев, если переговоры не завершаются успехом. Более жесткие санкции должны осуществляться через Совет Безопасности ООН, например, в отношении торговли оружием с Ираном. Далее могут последовать еще более жесткие санкции экономического характера и, наконец, запрет на экспорт иранской нефти и газа.

Повышение цен на нефть, которое может возникнуть в этой ситуации, будет России на пользу, но для других стран, включая США, если цена достигнет до 100 долларов за баррель, это чревато серьезным кризисом. Эта позиция не очень популярна, но распространение ядерного оружия слишком серьезная проблема.

Обобщая, хочу сказать, что мои идеи достаточно просты, но необходимо сделать Ирану соответствующие предложения, выслушать иранскую сторону. При этом чрезвычайно важна полная солидарность государств, заинтересованных в разрешении этой ситуации, использование политики «кнута и пряника» в течение переговорного процесса и выполнение всеми сторонами принятых обязательств.

Наконец, следует убирать со стола переговоров возможность военной операции в качестве крайней меры, которая должна скорее рассматриваться как некий довод в арсенале дипломатических средств.

Перейду к гораздо более сложной и неприятной проблеме не только для Соединенных Штатов, но и для многих других стран, которые хотя и вы-

разили недовольство действиями Соединенных Штатов в Ираке, тем не менее так или иначе связаны с происходящим в этой стране.

Каким мог бы быть благоприятный исход развития ситуации в Ираке? Он должен быть единым государством с представительной демократией, с правительством на широкой коалиционной основе. Беспорядки не исключены полностью, но напряженность снижена, по крайней мере, до приемлемого уровня. И наконец, Ирак должен восприниматься в регионе и в мире в дипломатическом и экономическом контексте, открытым для сотрудничества с максимальным количеством стран. Что могло бы привести к подобному исходу? Не стану тратить время, пытаюсь выяснить, почему американцы попали в Ирак и там увязли. Как дипломат, я привык иметь дело с реальностью и оперировать реальными категориями. Поэтому сегодня усилия Соединенных Штатов по разрешению иракского кризиса сосредоточены на реализации главного, на мой взгляд, принципа — на иракизацию всех процессов государственного строительства.

Наиболее важная политическая цель — это создание посредством представительных органов дееспособного правительства страны. Вероятно, сейчас пройдено 9/10 этого пути, но нам все еще предстоит увидеть, как будет формироваться кабинет министров, в том числе ключевых министерств, которые в России известны под названием силовых, то есть обороны и охраны внутреннего правопорядка. Важнейшей остается задача эффективной работы правительства в отношении этнических и религиозных меньшинств.

Вторая проблема — политические и военные аспекты деятельности правительства по обеспечению внутренней безопасности. Надо отметить, что обучение иракской армии сегодня идет гораздо более успешно, чем обучение иракских полицейских. И поэтому мятежные проявления в Ираке если и не возрастают, то остаются на том же уровне.

Есть еще взаимосвязанные проблемные сферы. Первая — это недостаток разведывательной информации. Создается впечатление, что и Соединенные Штаты, и коалиционные страны, действующие в Ираке, обладают не самой сильной разведывательной сетью для добывания сведений о тех движениях, организаторах беспорядков и причинах мятежных настроений, которые в Ираке в высшей степени обусловлены сложной, мозаичной структурой страны в этническом и религиозном плане. Попытаюсь пояснить эту мысль.

Итак, проблема политического умиротворения мятежников в Ираке. Их я разделяю на четыре категории, без понимания их мотивов и амбиций невозможно политическое урегулирование. Две категории не очень многочисленны, но весьма влиятельны. Первая — это иракцы, которые примыкают к фундаменталистскому течению в исламе. Вторая — это обосновавшиеся в Ираке их единомышленники из всех стран исламского мира, которые так или иначе связаны с «Аль-Каидой», исповедующей наиболее непримиримые взгляды в исламе и использующей экстремистские, в том числе террористические методы установления нового мирового порядка. Люди этих двух категорий в моем понимании непереговороспособны, и в отношении них речь не может идти о политическом урегулировании.

Однако существует еще две категории иракцев. Одна из них это суннитские националисты, которые традиционно воспринимались в стране как люди, несущие на себе бремя ее будущего, несмотря на то, что они со-

ставляют в ней меньшинство. И наконец, четвертая категория — это иракцы, которые так или иначе связаны с партией Баас. У американцев в некотором смысле совершенно неадекватное представление об этой партии. Она воспринимается как некий симбиоз немецкой национал-социалистической партии и советской компартии. Однако мне кажется, что эта партия скорее похожа на некоторые партии в латиноамериканских странах, фактически лояльных к их правительствам. Кстати сказать, партия Баас, которая была основана двумя ливанскими христианами почти 70 лет назад, в настоящее время является преимущественно мусульманской. Я считаю, что эта партия имеет право на участие в создании коалиционного правительства Ирака. Новое правительство должно стать инструментом урегулирования отношений с различными договороспособными этническими, религиозными и политическими группами и консолидации на этой основе иракского общества. Я видел, как подобная политика увенчалась успехом в Сальвадоре и в некоторых других странах. В моей дипломатической практике политическое урегулирование оказывалось гораздо более результативным, чем военное решение, чаще ведущее к эскалации конфликтов.

Хотел бы уделить особое внимание роли международного сообщества в урегулировании иракской проблемы. Правительство США, к великому сожалению, не принимало во внимание эту роль. Я считаю, что все международное сообщество, включая Россию, должно участвовать в политическом решении кризиса, используя в качестве рабочего инструмента контактные группы, подобные тем, что работали в Косово. Если бы Соединенные Штаты серьезно отнеслись к этому вопросу, то, мне кажется, реакция российского правительства могла бы быть положительной. Пятерка государств — членов Совета Безопасности ООН и несколько других, возможно Германия, Япония и Индия, могли бы запустить механизм консультаций и достижения консенсуса с иракским правительством в отношении будущего страны. Такой подход был бы в высшей степени плодотворным, ибо сегодня ситуация такова, что международное сообщество просто оппонирует действиям США в Ираке. Если бы это положение могло измениться, иракское руководство и его противники оказались бы в принципиально ином политическом контексте.

Вторая причина, почему я считаю продуктивным создание подобных контактных групп, заключается в том, что будущее Ирака особенно важно для его соседей. Соседствующие с Ираком страны сегодня склонны воспринимать лишь отдельные специфические проблемы Ирака. Например, Турция озабочена тем, что эмансипация курдов в Ираке может привести к созданию Курдского государства. Иран интересуется в первую очередь участь шиитов. Ни одно из этих пограничных государств не будет конструктивно участвовать в политическом урегулировании иракского кризиса, если его не вовлечь в работу упомянутых мной контактных групп. Контактные группы могут включать и такие страны, как Кувейт, Саудовская Аравия. Однако нужно понимать и то, что Иран и Сирия, как страны, имеющие непосредственные интересы с точки зрения будущего Ирака, смогут сыграть либо положительную, либо разрушительную роль в кризисе.

Ничто из перечисленных мер не является полной гарантией успеха. Речь идет о том, что военное решение зачастую оказывается неэффективным, а иногда просто противопоказано и только политические действия способны привести к результату хотя бы в отдаленной перспективе.

*Алексей Арбатов,
член-корреспондент РАН,
директор Центра
международной безопасности,
ИМЭМО РАН*

Ядерный козырь Ирана

Нынешняя ситуация вокруг Ирана в связи с его ядерной программой сравнима с той, что сложилась летом 1914 года, когда мир неудержимо скатывался к войне. Ни одна страна этой войны не хотела, но события вышли из под контроля и привели к Первой мировой войне, последствия которой (включая Вторую мировую войну и дальнейшие события) мир расхлебывал до конца XX века. Бросая вызов Вашингтону, президент Ирана Ахмадинежад явно провоцирует США на военную акцию, которой американцы стараются избежать.

Каковы позиции основных фигурантов этого процесса и возможен ли выход из этой сложнейшей ситуации?

Из всех сторон, вовлеченных в эту проблему (США, Россия, Европейский союз, Китай, Индия, которая хоть и косвенно, но тоже вовлечена) у Ирана достаточно логичная позиция. В чем ее суть?

Россия, как известно, строит для Ирана комплекс атомных электростанций в Бушере, скоро он будет введен в строй. Иран развивает ядерную энергетику, но главное, к чему он стремится, — это создание полного ядерного топливного цикла. То есть не просто иметь атомные реакторы для выработки электроэнергии, но, обогащая природный уран, производить собственное топливо для этих реакторов, а затем, перерабатывая отработанное ядерное топливо, выделять из него для дальнейшего применения в ядерной энергетике уран и плутоний. Иран сейчас строит соответствующие предприятия.

Полный ядерный топливный цикл разрешен любому государству — члену Договора о нераспространении ядерного оружия, а Иран является членом Договора. Проблема состоит в том, что природный уран можно обогатить до 3–4 процентов содержания изотопа урана-235 и использовать его в качестве топлива для атомных электростанций, а можно, обогатив уран до 90 процентов, получить материал для атомного заряда. То же относится к плутонию, который в природе не существует и образуется только в результате облучения атомного топлива в реакторе электростанции. Он может быть использован как для повторного применения в атомной энергетике, так и для создания атомной бомбы.

В 1968 году был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия, который сейчас охватывает практически все страны мира. Только три государства стоят вне этого договора — Израиль, Индия и Пакистан. Было вы-

работано компромиссное решение: пять ядерных государств (Россия, США, Великобритания, Франция, Китай) помогают неядерным государствам в развитии ядерной энергетики, но эти последние обязуются не создавать ядерное оружие. Однако дело в том, что те из них, которые обладают полным топливным циклом, — это 11 государств — членов Договора о нераспространении ядерного оружия, выйдя Договора, использовать предприятия по обогащению урана или по выделению плутония из отработанного топлива для создания ядерного оружия, что и сделала недавно Северная Корея.

Говоря о государствах, стоящих вне Договора, я не упомянул Северную Корею потому, что до сих пор идут споры — правильно или неправильно она вышла из Договора, есть у нее ядерное оружие или нет (Северная Корея утверждает, что есть). Северная Корея подала пример, который всех напугал. Выйдя из Договора в 2003 году, а такое право есть у каждого государства в соответствии со статьей 10, Северная Корея создала ядерное оружие. При этом она использовала технологии и материалы, которые у нее имелись как у государства — члена Договора. Соответственно, если Иран создаст полный топливный цикл, технически он будет способен создать и ядерное оружие. США, Израиль, европейские страны, Россия, Китай не хотят, чтобы Иран создал полный топливный цикл, считая, что достаточно иметь атомные электростанции — такие как строятся в Бушере, покупать топливо для них, использовать его для производства электроэнергии и потом возвращать отработанное топливо тем странам, которые его поставляли, для последующей переработки и хранения.

Но по Договору Иран имеет право на полный топливный цикл. В Иране утверждают, что программа имеет мирный характер, а полный топливный цикл нужен для того, чтобы меньше зависеть от внешних поставщиков. При этом ссылаются на целый ряд неядерных государств, имеющих полный топливный цикл. Среди них Япония, ФРГ, Нидерланды, Бразилия, Аргентина, ЮАР и некоторые другие, и все они являются, кстати

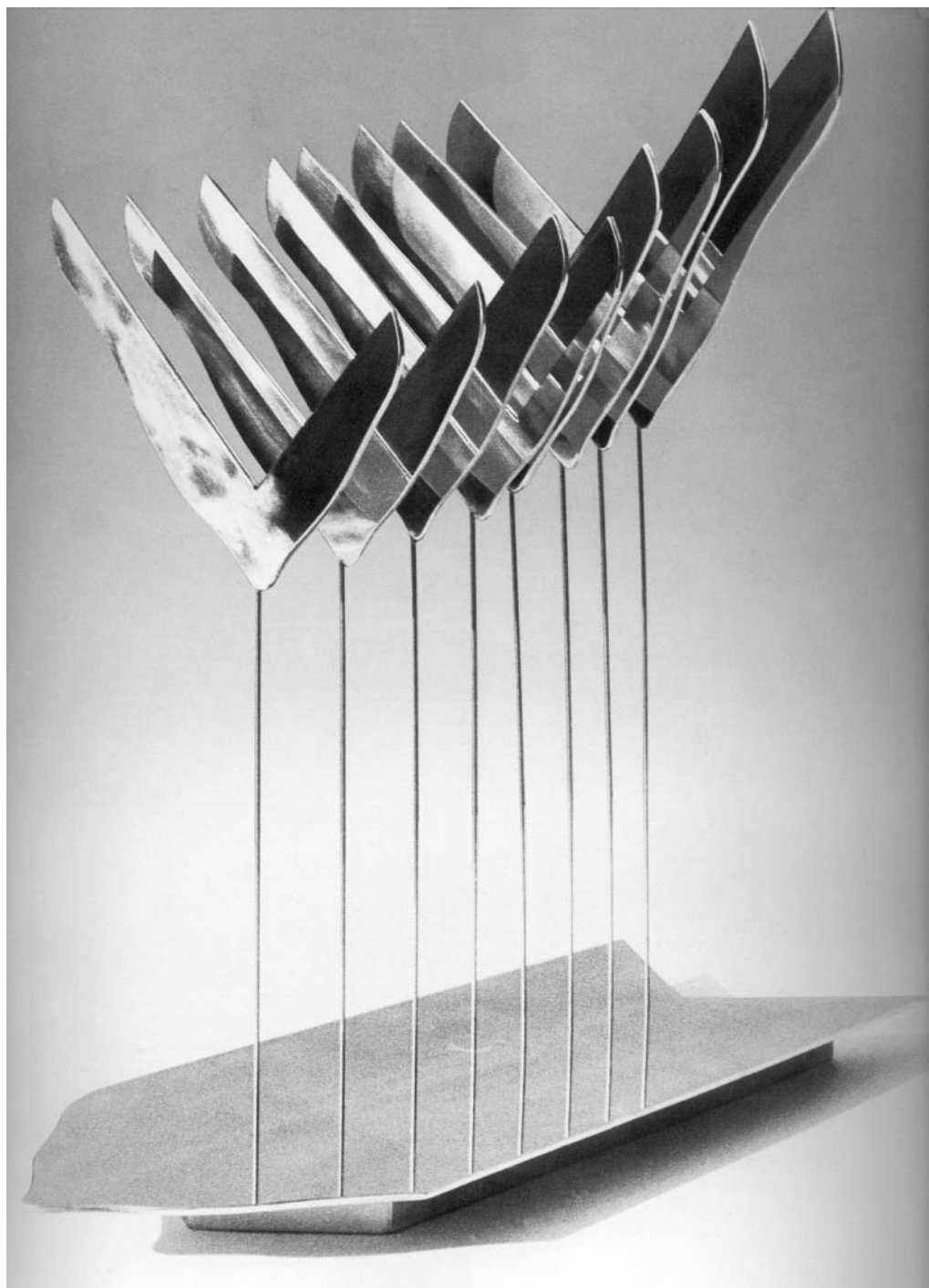
говоря, союзниками и партнерами США. Отсюда делается заключение, что США заботятся не о нераспространении ядерного оружия, а просто им неуютен правящий режим в Иране.

Чтобы понять, что же вменяется в вину Ирану, нужно разобраться, о каких нарушениях идет речь. Не о нарушении Договора как такового — Иран Договор не нарушал. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) проводило интенсивные инспекции в течение трех лет, но ядерное оружие найдено не было. Однако Иран нарушил Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, согласно которому каждое развивающее атомную промышленность в мирных целях государство обеспечивает ее полный контроль со стороны агентства.

В соответствии с Соглашением о гарантиях Иран должен был предоставлять информацию о своих планах в области ядерной энергетики, а вместо этого в течение 18 лет в полной тайне строил под землей комплекс по обогащению урана, замаскировав его под агропромышленный комплекс. Объект был обнаружен случайно в 2003 году, когда разразился скандал в связи с черным рынком атомных материалов и технологий Ахмеда Кадир Хана — «отца» пакистанской бомбы. От него узнали, что Иран создавал такой комплекс и закупал газовые центрифуги, которые являются основным агрегатом для обогащения природного урана.

Являясь членом Договора о нераспространении, Иран имел полное право делать это открыто под контролем МАГАТЭ. И когда приводят эти аргументы, в Иране отвечают, что пришлось действовать тайно, так как США использовали бы все рычаги давления на другие страны, чтобы запретить им сотрудничать с Ираном в этой области.

Есть и другие, косвенные, улики. Например, была обнаружена полученная у того же Пакистана документация для производства из высокообогащенного урана металлических полусфер. А это уже явно части заряда атомной бомбы. Но ни самих полусфер, ни высокообогащенных ядерных материалов — урана или плутония — найдено не было.

Дитер Хоних. Птичий полет. 1966

Далее. Иран, как известно, с помощью Северной Кореи, а в недавнем прошлом при активном участии Российской Федерации, создает баллистические ракеты, в

том числе ракеты «Шихаб-3». Дальность полета ракет последней модификации — 1200 км., а путем подвески дополнительных разгонных двигателей она может

быть увеличена до 3 тыс. км. Возникает вопрос: зачем Ирану такие ракеты? Ведь баллистическая ракета такой дальности имеет точность, которая не позволяет использовать ее с обычным боезарядом, она имеет смысл только с ядерным зарядом. Если ракета будет модифицирована и достигнет дальности 3 тыс. км., то в радиусе ее действия может оказаться, например, Великобритания.

Все претензии к Ирану касаются в основном сокрытия от МАГАТЭ некоторых разработок, которые он вел, хотя, еще раз подчеркну, они не противоречат Договору о нераспространении ядерного оружия. Многие государства — члены Договора имеют и ракеты, и полный топливный цикл, но к ним нет претензий, потому что все они делают это под контролем МАГАТЭ.

Ахмадинежад буквально дразнит Вашингтон, считая, что пока американцы увязли в войне в Ираке, они не смогут начать еще одну войну. Тем самым он увеличивает свою популярность как внутри страны, так и в исламском мире. Я получил сообщение от своих коллег, ученых из Индонезии, что когда иранский президент был с визитом в их стране (Индонезия — мусульманская страна), в его честь устроили настоящий праздник. Хотя, в отличие от арабских стран, ислам там исповедуется достаточно формально, миллионные толпы приветствовали иранского президента. Что уж говорить про арабский мир — там на него буквально молятся. Позиция лидера страны без ядерного оружия, мусульманской, фундаменталистской, которая смело бросает вызов самой могущественной в мире сверхдержаве, делает его просто героем.

К чему в действительности стремится Иран, создавая полный топливный цикл? А получив его, выйдет ли он, как Северная Корея, из Договора, чтобы создать ядерное оружие? У нас нет фактов, чтобы об этом судить. Но запасы природного урана в Иране не оправдывают строительство полного топливного цикла. Это слишком дорогое предприятие. Иран обосновывает необходимость его создания тем, что рынок природного урана достаточно широк, а рынок обогащенного урана ограни-

чен несколькими странами, и они под давлением США могут отказаться поставлять Ирану обогащенное топливо для атомных электростанций. Сегодня можно с уверенностью сказать: Иран намерен развить полный топливный цикл.

Стремится ли страна к созданию ядерного оружия — неизвестно. Возможно, на этот счет нет согласия и в иранском руководстве. Многие специалисты по Ирану говорят, что одни группировки выступают за создание ядерного оружия, другие за то, чтобы ограничиться полным топливным циклом, который может быть использован как козырь: если США или другие страны будут угрожать стране, ядерное оружие можно будет создать очень быстро.

Несколько слов о позиции США в этом конфликте. Как и Израиль, США полны решимости помешать Ирану создать полный топливный цикл, позволяющий ему быстро создать ядерное оружие. Это совершенно недопустимо, потому что Иран сможет использовать это оружие против Израиля, против американских войск, американских союзников в Европе, а если создаст межконтинентальные баллистические ракеты, то и против США. К тому же Иран обвиняют в поддержке международного терроризма. Иран это отрицает, но тем не менее открыто поддерживает, например, «Хезболлах», которая, по всеобщему мнению, является террористической организацией и, хотя не нападает на мирных граждан, с Израилем воюет постоянно.

Из всех стран, вовлеченных в этот конфликт, у США самая слабая политическая позиция. Во-первых, атомная программа Ирана начиналась в 70-е годы, при шахе по инициативе и при содействии США. Тогда были запланированы 20 атомных электростанций и полный топливный цикл. Нынешняя программа Ирана это примерно четверть того, что было запланировано при шахе. Следовательно, жесткая позиция США продиктована отношением к правящему режиму, а не принципами нераспространения ядерного оружия. Это первый аргумент против США. Второй аргумент — целый ряд государств, являясь членами Договора, име-

ют полный топливный цикл, почему его нельзя иметь Ирану?

Далее. Американцы всегда были против сотрудничества России с Индией в области атомной энергетики под предлогом, что Индия, не входившая в Договор о нераспространении ядерного оружия, создала свое ядерное оружие. И вдруг недавно американская позиция в отношении Индии резко изменилась. Почему? Очевидно, Индия стала важна для США как партнер в противостоянии с Китаем, в борьбе с мусульманским фундаментализмом и терроризмом и как возможный партнер в конфликте с Ираном. Теперь США намечают программу сотрудничества с Индией в строительстве атомных электростанций, передаче стране технологии и т.д. Таким образом, новые геополитические интересы США предполагают новые партнерские отношения, несмотря на принципы нераспространения ядерного оружия (Индия — не член Договора). Почему же другие страны, например Россия, Китай, не могут иметь своих геополитических интересов и партнерских отношений с Ираном?

И конечно, самый веский аргумент состоит в том, что американцы сами сделали Иран региональной сверхдержавой и породили у него надежды на то, что, захватив лидерство в исламском мире, он может стать и глобальной сверхдержавой. Американцы устранили основных врагов Ирана: уничтожили «Талибан» в Афганистане, свергли режим Саддама Хусейна в Ираке, который был главным соперником Ирана и вел с ним войну в течение десяти лет. Иран действительно стал региональной сверхдержавой: 70 млн населения, половина которого — моложе 30 лет; быстро развивающаяся экономика, четвертое место в мире по запасам нефти и второе (после России) — по запасам природного газа; мощная армия, которую Иран строит, закупая оружие в том числе и у России. А в будущем — полный цикл изготовления ядерного топлива, от которого шаг до создания ядерного оружия. К тому же, пока американские войска в Ираке, где они теряют в среднем в день двух-трех человек убитыми (общие потери составили более 3 ты-

сяч человек), в Иране понимают, что начинать еще одну войну даже американцам не под силу. И если даже они нанесут удар по атомной инфраструктуре (20 или 25 объектов можно ракетно-авиационными ударами разрушить буквально за день), то что потом? На следующий же день вся иранская армия будет воевать в Ираке против США, а боевики «Хезболлах» по всему миру ударят по американским объектам. Это и американцы прекрасно понимают.

Открыто бросая вызов США, Иран неуклонно приближается к полному топливному циклу. Назову цифры, чтобы можно было представить масштаб проблемы. Если на 160 центрифугах первого поколения, которые сейчас стоят в Натанзе (есть ряд других объектов, но я сейчас говорю об этом, потому что он в центре внимания), обогащать природный уран в газообразной форме до 3-х процентов, необходимых для мирного использования, а в один прекрасный день решить использовать эти центрифуги в военных целях, то понадобится 13 лет, чтобы накопить необходимое количество оружейного материала, а именно обогащенного до 90 с лишним процентов по изотопу урана-235. Если же поставить каскад из 3 тысяч центрифуг в том же Натанзе (а там помещения для этого есть), то для решения этой задачи понадобится примерно год. Центр в Натанзе строился в расчете на 50 с лишним тысяч центрифуг. Если поставить туда 50 тысяч центрифуг второго поколения, то нужно меньше месяца, чтобы накопить оружейные материалы для создания нескольких ядерных боезарядов.

Если Иран пойдет по этому пути, а в Тегеране заявляют, что обязательно начнут установку центрифуг второго поколения, думаю, что американцы нанесут удар — вместе с Израилем и другими странами, которые пожелают в этом участвовать. Хотя в США понимают, что оккупировать Иран невозможно, тогда как средств воевать в глобальном масштабе — и в регионе, и вне региона, и всеми доступными способами — у Ирана много. Как с этим справиться, никто не знает, и я не случайно начал этот разго-

вор с 1914 года. Тогда тоже все понимали, какой страшной может быть война, и все-таки не сумели ее предотвратить. О всех последствиях удара по Ирану прекрасно знают и американцы, но они не позволят Ирану создать полный топливный цикл.

Коротко скажу о других участниках этого процесса. «Европейская тройка» — Германия, Франция и Великобритания, которую уполномочил вести переговоры Европейский союз, — придерживается следующей позиции: нужно убедить Иран ограничиться атомными электростанциями на привозном топливе. В обмен на это предоставить ему огромные капиталовложения в газовую отрасль, принять в ВТО, дать гарантии безопасности и т.д. Однако Иран твердо стоит на своем праве на полный топливный цикл.

Россия, как и другие страны, разделяет опасения США и к тому же имеет коммерческий интерес. Россия строит комплекс в Бушере и может построить еще сколько угодно таких станций. Она готова поставлять топливо и на этом зарабатывать, вывозить отработанные материалы для переработки и хранения и на этом тоже зарабатывать. При этом Россия за то, чтобы иранская мирная энергетика была под контролем МАГАТЭ. Для этого Иран должен опять пригласить инспекторов МАГАТЭ, которых он выдворил, с тем, чтобы они закончили разбираться со всей документацией, со всеми объектами. Только после того как МАГАТЭ полностью восстановит контроль над атомными технологиями Ирана, страна будет иметь право на создание полного топливного цикла. В этом отличие российской позиции от позиции США, Европы, не говоря уже об Израиле.

Интересно еще вот что. США настаивают на принятии резолюции Совета Безопасности о применении санкций, а если Иран не уступит, то и военной силы. Россия против санкций и применения военной силы. То есть, с одной стороны, требует от Ирана делать то, чего он делать не хочет, а с другой — уверяет, что никто Иран не тронет. Такая позиция глубоко противоречива, но дело в том, что Россия очень заинтересована в партнерстве

с Ираном и точно так же строит свою политику в отношении его, как США в отношении Индии. Иран противостоит американскому, турецкому и ваххабистскому влиянию на Кавказе, в Центральной Азии, в Афганистане... Иран является нашим важным торговым партнером: есть планы создать совместную супермонополию по поставкам, скажем, природного газа, для чего намечаются большие капиталовложения в разработку иранских месторождений нефти и газа. Россия, разумеется, против того, чтобы Иран имел ядерное оружие, но никаких санкций и военных действий не поддержит и наложит вето в Совете Безопасности, если американцы попытаются провести такую резолюцию. То есть американцев опять поставят перед выбором: или ничего не делать, или помимо Совета Безопасности, грубо нарушая международное право и Устав ООН, опять, как в Ираке, применить силу.

Китай занимает еще более проиранскую позицию, чем Россия. Его интересы в Иране еще больше, чем у России, в том числе и потому, что КНР покупает в Иране нефть, уменьшая свою зависимость от импорта российской нефти.

Индия, не являясь членом Договора о нераспространении ядерного оружия, формально в этих переговорах не участвует, но как мощная держава, конечно, играет свою роль. Ее позиция близка к российской. Все три государства — Россия, Китай, Индия — не хотят, чтобы Иран имел ядерное оружие, но войны они не хотят еще больше.

В заключение хотел бы сказать, как, на мой взгляд, можно выйти из этой ситуации. Мне кажется, надо все-таки разрешить Ирану сохранить экспериментальные центрифуги, которые у него уже есть, так как требовать их демонтажа просто нереально: Иран не пойдет на такую потерю лица. Нужно договориться о моратории на несколько лет на дальнейшее развитие иранского комплекса по обогащению урана. Это позволит выиграть время, а там, как говорится, что-то придумаем. Сейчас нужны совместные усилия всех государств, о которых здесь шла речь, чтобы убедить Иран пойти на это.

*Аркадий Дворкович,
начальник Экспертного
управления Президента
Российской Федерации*

Конкурентные возможности российской экономики*

Нет сомнения, что, во-первых, использование конкурентных возможностей российской экономики не может иметь целью просто получение прибыли отдельными бизнесменами и доходов людьми, которым повезло работать на успешных предприятиях, — это проблема качества жизни в стране в целом. Во-вторых, можно сколько угодно говорить о том, что Россия великая страна и что она имеет громадные богатства, но без определения стратегических областей, где мы действительно способны быть успешными, эти богатства не станут источником национального благосостояния.

Что было достигнуто за последние годы? Несомненно, растет промышленное производство, валовый внутренний продукт в целом, экспорт. У большинства предпринимателей и у населения появилось ощущение, что мы действительно способны к росту. Это очень важное состояние, поскольку без него нет надежды на успех, нет желания инвестировать и добиваться результатов, а значит, нет никаких шансов на уплату нормальных налогов и, соответственно, на то, что государство сможет исполнять свои функции. Сегодня мы живем по-другому: предприниматели получают доходы, люди — зарплату, государство собирает налоги. И это характерно уже не для 10–15 процентов предприятий, а примерно для 60–70 процентов, хотя все еще 30–40 процентов предприятий остаются убыточными, поскольку не могут найти свою нишу на рынке.

Что еще достигнуто? Финансовая стабильность. Если посмотреть на ситуацию 1998–1999 годов с минимальными для того времени валютными резервами, минимальным объемом налоговых поступлений в бюджет, то сегодня ситуация в корне изменилась, и нам не грозит финансовый коллапс. Это абсолютно иное качество осуществления государственной политики не только на федеральном уровне, поскольку все понимают, что могут жить без потрясений. Глобального финансового кризиса в России уже не может быть по определению в силу довольно жесткой финансовой политики на протяже-

* Статья подготовлена по выступлению А. Дворковича на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 3 июня 2006 года.

нии последних лет. За накопление финансовых резервов мы заплатили очевидную цену: доходы населения не повышались так быстро, как могли бы, мы не увеличивали зарплаты бюджетников так быстро, как могли бы увеличивать. Но теперь на этой базе финансовой стабильности мы можем целенаправленно осуществлять новую политику. Сегодня уже не 10 процентов населения живет лучше по сравнению с серединой 90-х годов, эксперты оценивают эту цифру примерно в 55–60 процентов. Да, еще далеко не все живут так, как жили даже в Советском Союзе, но больше половины достигли лучших результатов, и это уже относительный успех.

Наконец, мы достигли стадии, когда можем ставить долгосрочные задачи. И такие задачи уже поставлены. Они уже носят характер не расчистки завалов и латания дыр, а стратегический — в сфере обеспечения безопасности, нормальной работы системы образования и здравоохранения, то есть работы на будущее; в сфере модернизации пенсионной системы и решения демографических проблем. Такие задачи обычно не ставят перед собой бедные страны. Их ставят только страны, имеющие для этого возможности. И мы вошли в число этих стран за счет того роста, той политики, которая проводилась в последние годы на всех уровнях.

Тем не менее, несмотря на эти успехи, разница между доходами наиболее обеспеченных и наименее обеспеченных семей чрезвычайно высокая — примерно в 15 раз по официальной статистике. Возможно, в реальности эта цифра поменьше, поскольку статистика не учитывает доходов, которые граждане получают неофициальными способами, вполне возможно, что у них есть какие-то другие источники дохода, но я все же склонен считать, что 15-кратная разница близка к реальности. При весьма малой величине низшего порога доходов это значит, что все еще несколько десятков миллионов людей живут в бедности, и дело здесь не только в том, что они плохо работают. Причина, в частности, в том, что производительность труда в стране настолько низка во многих отраслях экономики, что она даже не на проценты, а в разы уступает производительности труда в ведущих индустриальных странах. Это результат скверной организации труда и неэффективного управления на всех стадиях производства товаров и услуг, не говоря уже о высоких налогах на товаропроизводителей и низком технологическом уровне, который в среднем по стране находится на уровне 80-х годов. За последние 20 лет мы обновили примерно 10 процентов технологического оборудования, то есть отстали на десятилетия от ведущих стран мира с технологической точки зрения. Технологическое отставание — это главный вызов для российской экономики сегодня. И с ним же связана ее высочайшая, даже со всеми скидками на климат, энергоемкость. Когда мы сравниваем себя с такими северными странами, как скандинавские государства или Канада, мы видим, что используем энергетические ресурсы так расточительно, как не может себе позволить даже такая богатая страна, как Россия, а это значит, что мы теряем возможность производить в разы больше национального продукта. Между тем существуют очевидные и естественные пути провести серьезную технологическую модернизацию российской экономики, и, следовательно, жить лучше.

Мой последующий анализ будет связан поэтому не только с названными проблемами, но и с пониманием того, какие у нас есть ресурсы и преимущества (варианты) для их решения, начиная от природных богатств до географического положения, а также всего, что накоплено предыдущими

ми поколениями. Какие это варианты, учитывая наши амбиции и возможности?

Первый вариант можно назвать условно «пораженческим». То есть если мы не можем эффективно использовать энергию и трудовые ресурсы, то должны действовать в тех сферах, которые наименее затратны как с точки зрения энергии, так и трудовых ресурсов. А это отрасли, которые опираются прежде всего на технологии, где нужно минимальное количество людей, умеющих управлять автоматизированными системами. Но тогда мы должны понять, что будут делать десятки миллионов людей. Несмотря на, казалось бы, привлекательность этого сценария, его реализация, на мой взгляд, может привести лишь к деградации, потому что большинство населения будет вытеснено из активной жизни, потеряет способность генерировать идеи, оптимизм.

Второй вариант подразумевает рациональное использование энергии и трудовых ресурсов, то есть развитие трудоемких и энергоемких производств, таких, например, как металлургия. Даже несостоявшаяся сделка «Северстали» с «Арселором», крупнейшей металлургической компанией мира, показывает, что мы хотим двигаться именно в этом направлении. Активность наших алюминиевых и других металлургических предприятий также показывает, что они готовы двигаться по этому пути, когда покупают новейшее оборудование и пытаются инвестировать свой капитал в производство электроэнергии. Это сценарий, который уже реализуется. Однако пока, к сожалению, даже на лучших наших металлургических заводах производительность труда намного ниже, чем на зарубежных предприятиях. На той же «Северстали», на НовOLIпецком комбинате или на Магнитке. Но конкурентный потенциал у нас здесь, несомненно, есть.

Третий вариант основан на понимании того, что, отставая сегодня по производительности труда в целом, мы обладаем сферами, где она близка к мировому уровню. Там, где уступаем в разы, — лучше не терять время, а там, где она близка к мировому уровню, можно с минимальными затратами стать действительно лучшими в ряде сфер экономики. Какие это сферы? Президент в своем последнем послании назвал их. Это современная энергетика, то есть не просто выкачивание ресурсов из земли и продажа их за границу, а высокотехнологичные отрасли, опирающиеся на лучшие технологии добычи, переработки сырья, его транспортировки и сочетание всех видов энергетика от традиционной, основанной, например, на угле и газе, до таких видов, как ядерная, а в перспективе термоядерная энергетика, использование возобновляемых источников энергии в самых разных регионах. Это могут быть самые разные источники от гидроресурсов до биомассы, ветра, солнечной энергии. Такое сочетание, такая диверсификация по всем направлениям сделает нас уже через несколько лет (и у нас есть стратегии в этом направлении) одной из ведущих, буду говорить аккуратно, энергетических держав мира. Не просто, повторяю, продавать свои ресурсы, а, используя энергию максимально эффективным образом, удовлетворяя мировой спрос и удовлетворяя свои внутренние потребности полностью, производить наиболее энергоэффективную продукцию. При этом благодаря нашему географическому положению мы можем стать основой для формирования единой энергетической системы Европы, а также играть важную роль на азиатском континенте.

И здесь мы подходим ко второй сфере — транспортно-коммуникационной, где можем быть не просто конкурентоспособны, но и занять лидиру-

ющее положение в мире в силу нашего географического положения, традиций и тех дорог, которые уже построены, прежде всего железнодорожной сети. Речь идет в первую очередь о транспортном коридоре «Тихий океан – Западная Европа», который будет включать и железнодорожную, и автодорожную, и авиационную сети, а также логистические центры, которые позволят грузам и людям перемещаться из Азии в Европу и обратно и из Северной Америки в Азию уже через Северный полюс, а не только традиционным путем. Это и новейшие телекоммуникационные сети. Можно, конечно, критиковать сейчас практически всех, кто их создавал, поскольку это было затратно, – и РЖД, и РАО ЕЭС, и Газпром, и Транснефть, – но именно они проложили мощнейшие оптоволоконные линии связи вдоль своих путей. Сегодня по стране проходят несколько таких «избыточных» коммуникационных коридоров. Но это готовая инфраструктура для развития телевидения, связи, для обеспечения безопасности, для доступа к информации практически на всей территории страны, которую можно эксплуатировать на протяжении десятилетий.

*Использование конкурентных возможностей
российской экономики – это проблема
качества жизни в стране в целом*

Далее, крупнейшие наши компании вынашивают планы по развитию цифрового телевидения и цифрового радиовещания также на всей территории страны. Программа рассчитана лет на десять, но думаю, что и в этой области мы можем стать лучшими, если будем действовать быстро, а за счет нашей космической группировки стать ведущей коммуникационной державой на всем евро-азиатском континенте. Вместе с нашими партнерами, конечно, с космическими станциями европейских стран, Китая, который запускает спутники, с Индией. Но чтобы все это сделать, чтобы быть ведущей транспортной, энергетической, телекоммуникационной державой мы должны поднять наше машиностроение: энергетическое, транспортное, космическое.

Далее, крупнейшие наши компании вынашивают планы по развитию цифрового телевидения и цифрового радиовещания также на всей территории страны. Программа рассчитана лет на десять, но думаю, что и в этой области мы можем стать лучшими, если будем действовать быстро, а за счет нашей космической группировки стать ведущей коммуникационной державой на всем евро-азиатском континенте. Вместе с нашими партнерами, конечно, с космическими станциями европейских стран, Китая, который запускает спутники, с Индией. Но чтобы все это сделать, чтобы быть ведущей транспортной, энергетической, телекоммуникационной державой мы должны поднять наше машиностроение: энергетическое, транспортное, космическое.

А теперь так же коротко о том, что является фундаментом технологического развития, то есть о науке, которая в России на протяжении последних 15 лет поддерживалась в основном зарубежными грантами, что позволило сохранить наши ведущие позиции в ряде областей. Сегодня же наступил момент, когда люди, получавшие гранты и работавшие ради науки, могут передать свои знания молодым коллегам с тем, чтобы новое поколение научной молодежи работало непосредственно на российскую экономику, участвуя в международной научной интеграции. Не случайно мы вынесли на саммит «Большой восьмерки» тему образования в тесной связи с наукой, поскольку речь идет не только о развитии национальной системы образования. Нам необходимо обеспечить максимальную мобильность ученых и студентов по всему миру, чтобы академические центры были связаны между собой и постоянно находились в процессе обмена идеями. Как не случайна в этой связи и постановка образования в ряд приоритетных национальных проектов, устремленных в будущее. Здесь важно, чтобы образовательные программы, начиная от средней школы до вузов, соответствовали новым требованиям.

А.А. Попов. *Татарин и девочка-торговка*. 1860

Сегодня уже известны первые российские вузы, которые, выиграв конкурс, получают поддержку в рамках образовательного национального проекта для реализации своих инновационных программ в области новых технологий и новых знаний. Это два южных университета — таганрогский и кубанский, а также дальневосточный, самарский, нижегородский, два томских и, естественно, московские и питерские вузы. То есть будут поддержаны в первую очередь приоритетные сферы, связанные с аэрокосмической отраслью, транспортным, энергетическим сектором, электроникой и так далее.

И, наконец, последняя сфера, о которой говорил президент в своем послании: интеллектуальные услуги. Это разработки наших программистов, инженеров, технических дизайнеров, предлагающих новые идеи, которые должны внедряться не только у нас в стране, но и продаваться за рубежом. Только имея соответствующие патенты и лицензии, мы сможем участвовать в международном разделении труда и определять уровень технологического развития в мире.

Два слова об иностранных инвестициях. На протяжении столетий, начиная с эпохи Петра I, мы приглашали иностранцев, заимствовали за рубежом новые идеи, технологии и капиталы. И сегодня мы не должны бояться или стесняться приглашать иностранных специалистов: преподавателей, инженеров, менеджеров, привлекать иностранные капиталы для создания новых производств. Это уже делается, это автомобильные и деревообрабатывающие заводы, предприятия пищевой промышленности и т.д. У нас должно, наконец, появиться разветвленное производство современных автомобилей, а это означает модернизацию автомобильного парка, новые технологии и методы управления, появление смежных производств и рабочих мест.

Таким образом, сценарий, о котором я рассказал, это сбалансированный сценарий. Его реализация позволит России стать одной из ведущих держав на мировом рынке.

В своем послании президент Путин говорил об *экономической свободе*. Многие думают, что это пустые слова, что все понятно и так — частная собственность, конкуренция и т.д. Однако, если мы перестанем об этом говорить, у тех же государственных предприятий возникнет соблазн побольше забрать себе, у чиновников — ужесточить контроль, прибрать все к своим рукам. Если не противодействовать таким попыткам в средствах массовой информации, не обсуждать эти вопросы публично, наш бизнес не будет развиваться. Экономическая свобода — это базовый элемент успешного развития. Она подразумевает и право на судебную защиту, и право на равные условия конкуренции, низкие налоги и финансовую стабильность, свободу слова и политических мнений. Все эти факторы — политические и экономические — абсолютно неразрывны.

Тема *эффективного государства* неотделима от его справедливой налоговой политики. Мы в этом направлении продвинулись довольно существенно, это одна из тех сфер, где у нас все-таки ситуация более успешная, чем в других, — налоги действительно снизились. Хотя налоговая служба все еще пытается заниматься тем, что наказывает за неразбериху в налоговом законодательстве предыдущих лет. Мы сегодня стараемся подвести под этой страницей нашей истории черту, предлагая амнистию капиталов. Она, на мой взгляд, не будет сверхуспешной, потому что не все в нее верят. Поэтому тем, кто уже в это верит, хочу сказать: вы можете продекларировать свои доходы, за это вас никто не накажет, а если не верите, ну что ж подождем еще. А если верите, то инвестируйте, потребляйте, стройте жилье, покупайте машины, заплатив обычный 13-процентный налог. Подводя черту по налоговому администрированию, подчеркну: налоговая служба обязана жестко придерживаться всех процедур и правил.

О едином социальном налоге (ЕСН). По ЕСН мы уже пошли на снижение в отношении особых экономических зон, я имею в виду налог ниже 26 процентов и думаю, что скоро это произойдет и в отношении технопарков. Но надо в целом смотреть на то, как работает система социального и пенсионного страхования и отделить вопрос налогообложения от этого страхования. Государство должно взять полностью на бюджет все, что касается базовых пенсионных гарантий, я имею в виду базовую минимальную пенсию, которая платится всем, а все, что сверх этого, и будет нормальное страхование. Таким образом, мы минимизируем налоговую нагрузку и одновременно создадим нормальный стимул для людей копить на свое бу-

дущее. То же самое относится к медицинскому страхованию и социальному страхованию в целом. Все, что можно, надо взять на бюджет, деньги в бюджете есть, а все, что нельзя, перевести в страховую плоскость. И тем самым через 3–4 года мы решим те проблемы, с которыми сталкиваются сегодня и другие страны, испытывающие дефицит средств в системах пенсионного и медицинского страхования.

Налог на добавленную стоимость (НДС). Пока это моя личная точка зрения, но тем не менее мне кажется, что ее уже поддерживают и в предпринимательских, и в экспертных кругах. Это налог, который убивает у нас экономику. Нужно перейти на налог с продаж и направлять его в бюджеты регионов и муниципалитетов. Таким налогом будет гораздо проще управлять. Муниципалитеты со своей розничной торговлей, я думаю, справятся, а бизнесу в значительной степени будет облегчено налоговое бремя. Покупая товары, мы будем платить этот налог, но цены не повысятся, поскольку мы снимем НДС, который сейчас включен в цену товаров, а сам налог с продаж будет не 18 процентов, как нынешний НДС, а 10 процентов.

Важнейший фактор экономического роста — *мобильность трудовых ресурсов*, которая в настоящее время сдерживается прежде всего нехваткой жилья. Должен быть рынок доступного жилья, как съёмного, так и того, которое можно купить в собственность. Национальный проект в жилищной сфере это не просто социальный проект, это проект именно экономический, направленный на то, чтобы появились стимулы для перемещения людей по стране в те сферы деятельности, где нужен их труд и где будут обеспечены наилучшие условия, включая жилищные. Региональные власти должны понимать, что если они не создадут таких условий, люди от них уедут и у них не останется кадров.

Столь же важна *мобильность капитала*. Это не просто возможность крупных инвесторов перевести деньги в Лондон или из Лондона в Россию. Это возможность, прежде всего для малого и среднего бизнеса, получать доступные кредиты в банках, размещать средства на фондовом рынке. Из-за высокой инфляции, несовершенства законодательства, из-за того, что наша банковская система обременена чрезмерными административными издержками, излишним контролем, банки пока неохотно кредитуют малый и средний бизнес, ориентируясь в основном на крупный. К слову, за последние два года резко выросло потребительское кредитование: в среднем по стране люди предпочитают сегодня брать кредиты на приобретение товаров и услуг, а не откладывать деньги впрок. С одной стороны, это плохо, потому что прирост денежной массы раскручивает инфляцию. А с другой стороны, хорошо, потому что дает возможность относительно быстро повысить качество жизни.

И наконец, *мобильность образования*. Люди должны иметь возможность образовываться, переквалифицироваться в течение всей жизни, не ограничиваясь хорошим базовым образованием. Нужна эффективная федеральная сеть образовательных учреждений для повышения квалификации или профессиональной переориентации нуждающихся. В этой связи хочу упомянуть о создании в стране бизнес-школ мирового уровня, в частности Московской бизнес-школы в Сколково, а также бизнес-школы в Петербурге.

Последнее, что зависит главным образом от государства, — это *обеспечение основных элементов инфраструктуры*. Прежде всего, это электросете-

вое хозяйство, кроме локальных сетей, которые находятся в собственности местных компаний. Это, естественно, атомная энергетика, которая пока является прерогативой государства. Гидроэнергетика — сфера совместных действий государства и частного бизнеса (известно, например, что Богучанскую ГЭС компания РУСАЛ строит вместе с государством). Тепловая энергетика на 95 процентов должна быть отдана частным инвесторам. Уже в этом году, а в следующем тем более, мы должны привлечь в эту отрасль стратегических частных инвесторов, например угольщиков, металлургов. Газпром намерен вложиться в модернизацию энергетики крупных городов, куда он поставляет газ, чтобы с меньшим его объемом обеспечивать то же производство электроэнергии, а высвободившийся газ перерабатывать в химическом производстве или поставлять за рубеж. Функция государства состоит при этом в определении стратегии и в привлечении частных инвестиций для ее реализации.

В транспортной отрасли государство должно финансировать те сферы, куда частные инвесторы прийти не могут: магистральные дороги, некоторые элементы инфраструктуры аэропортов, прежде всего взлетно-посадочные полосы, причальные сооружения в портах. Но во все остальное готовы вкладываться частные инвесторы — в терминалы аэропортов, в портовые терминалы, — законодательство позволяет это делать.

К сожалению, пока, чтобы построить что-то новое, приходится проходить многомесячные согласования для выделения земли, с чем люди сталкиваются постоянно. Иностранцы, приходящие к нам строить заводы, говорят: «Мы-то рассчитывали месяца через три начать строительство, а уже год как тянется согласование. Помогите». Земля — фундаментальный ресурс России, и мы должны использовать ее максимально эффективно, и рассчитываем на то, что наши политики, наши регионы нас поддержат. Мы единая страна, мы сняли все формальные барьеры, которые мешали в начале 90-х перемещению товаров, услуг, людей. Читая бюджетное послание, можно увидеть, что государство передает регионам функции по распоряжению ценными ресурсами. Мы говорим: «Мы не хотим определять, что вы будете строить — клуб, баню, больницу, школу, — стройте, что хотите». В следующем году федеральный бюджет уже не будет навязывать никакие решения. Вот вам сумма денег в расчете на численность населения и с учетом бюджетных возможностей, стройте то, что считаете нужным. Максимальная самостоятельность должна быть и у муниципалитетов. Но при этом местные законы не должны противоречить федеральным и региональным и, что самое главное, люди должны иметь доступ к информации об эффективности использования средств. С другой стороны, если мы увидим, что выделенные средства использованы абсолютно неэффективно, если в одном регионе за те же деньги построены две школы, а в другом, с схожими условиями, — одна, значит что-то не так, и мы спросим за это. У нас хорошая статистическая база: мы видим, где деньги тратятся эффективно, а где нет. Простое сравнение цифр показывает, что сегодня до 30 процентов средств в регионах используется впустую.

Изменить ситуацию может только компетентное, ответственное управление хозяйством на местах и активная позиция граждан во всем, что имеет отношение к жизни на конкретной территории.

*Рубен Варданян,
председатель совета
директоров группы
компаний «Тройка диалог»*

Как вырастить бизнес-элиту в современной России?

Отвечая на этот вопрос, скажу вначале об актуальности темы и о том, почему лично я и еще пятнадцать российских бизнесменов решили вкладывать деньги в образование.

Я закончил экономический факультет МГУ в 1991 году по специальности «финансы и кредит». Моя дипломная работа называлась «Рынок ценных бумаг» — тема, которая в начале 90-х была совершенно непонятной для большинства людей. Уже тогда было очевидно отставание системы нашего экономического образования от требований зарождающегося бизнеса, а в результате развала системы финансирования вузов наиболее активные преподаватели-экономисты и профессора ушли в бизнес. Должен сказать, что в те годы у нас не было ни практического опыта, ни понимания того, как должны работать управленческие механизмы в новых условиях, что такое акционерное общество, как строить взаимоотношения между партнерами, какова роль денег, какой должна быть отчетность и т.д. Трудно было ожидать, что система образования, которая по своей сути является консервативным институтом, сможет быстро перестроиться.

Сегодня, чтобы поступить в престижные вузы (всего в России около трех тысяч вузов, тогда как в Советском Союзе было, по-моему, не больше тысячи), люди тратят огромные деньги на репетиторов, потому что хотят, чтобы их дети получили качественное образование, гарантирующее успешный старт.

Так получилось, что моя профессия связана с зарубежными поездками, и я долго переживал, что, закончив МГУ и проработав десять лет в бизнесе, не имел возможности получить западное образование. Но вот в 2001 году поехал в Гарвард и вскоре понял, что сходные проблемы существовали и существуют на Западе.

Хотя первые школы управления появились в США еще в начале двадцатых годов, реально само бизнес-образование возникло и стало престижным только после Второй мировой войны, когда довольно много людей, особенно из технических профессий, решили пойти в бизнес, но понимали, что им не хватает знаний в области маркетинга, в финансовой сфере и т.д. На волне спроса возникло несколько крупных американских учебных центров, в которых стали преподавать профессионалы, и

люди платили за это приличные деньги. По сегодняшнему курсу образование тогда стоило больше 150–200 тысяч долларов. Это было безумно дорого и сложно, так как не было системы кредитования, но очень престижно. Человек, получивший такое образование, сразу приобретал возможность иметь гарантированный доход как минимум порядка 150–200 тысяч долларов в год.

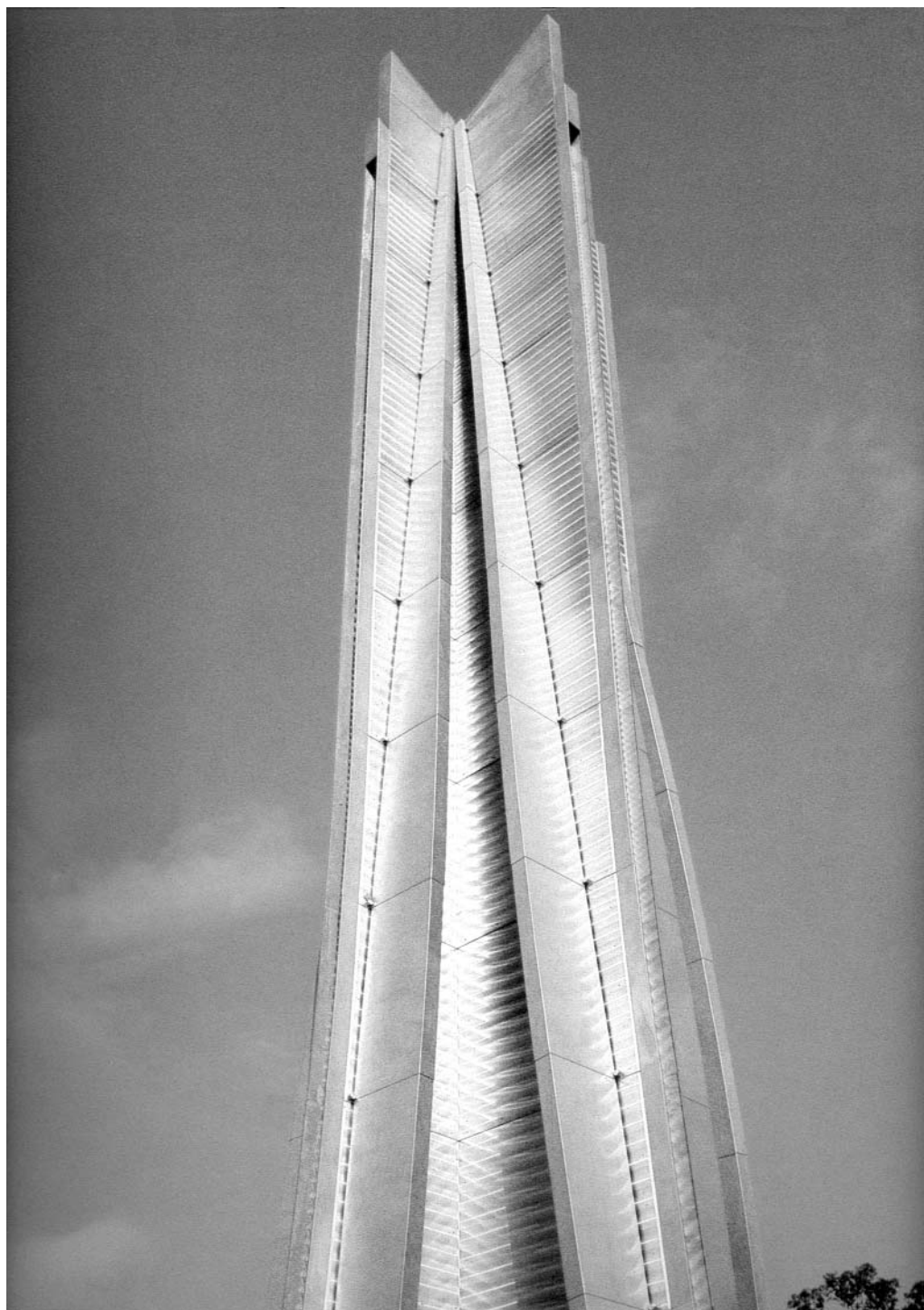
В девяностые годы в мире произошли очень серьезные изменения в этой сфере. Во-первых, бизнес-образование стало массовым и помимо таких ведущих бизнес-центров, как Гарвард или Станфорд, звание МБИ (Master of Business Information) можно было получать в бизнес-школах, созданных при многих других университетах. Во-вторых, система бизнес-образования развивалась в Европе и в других странах. И в-третьих, так как большинство бизнес-школ появилось при университетах, была попытка распространить на них модель академического образования. Но бизнес-образование это не образование в классическом понимании. В бизнес-школах нельзя только учить, в них нужно обсуждать те или иные проблемы, говорить о практике, моделировать ситуации, потому что в бизнесе нет фундаментальных законов, которые неизменны, как, скажем, в физике. А между тем сложившаяся система фактически репродуцировала традиционную модель обучения и взаимоотношений профессуры с обучающимися. Когда мы посещали с коллегами американские бизнес-школы, нам часто говорили: «Мы не занимаемся практикой, мы серьезное учебное заведение, мы занимаемся исследованиями». То есть наметился отрыв бизнес-образования от потребностей бизнеса.

И последнее, что не менее важно. Появившийся Интернет по существу взорвал прежнюю систему, позволив даже без специального обучения хорошо зарабатывать и добиваться успеха. Почему? Потому что только 9 процентов выпускников, например, престижного Станфорда (а вообще их еще меньше — всего 2–3 процента) начинают собственный бизнес

в течение пяти лет. Эти цифры показывают, что в бизнес-школах учат управлению, и это не плохо, поскольку после их окончания многие находят работу в крупных корпорациях, однако задача, которая когда-то была поставлена, — подготовка прежде всего предпринимателей, а не управленцев, — не была реализована.

Итак, что мы видим в XXI веке? В наши дни главное — это люди и базовое экономическое образование (knowledge base economy). Если в XIX веке основой развития были земля и нефтяные промыслы, в XX веке — промышленные активы и природные ресурсы, то сегодня — это небольшие инновационные компании с огромной мобильностью и возможностью людей передвигаться по всему миру, работать и жить там, где они хотят. У меня много знакомых, которые уехали, например, из Нью-Йорка в горы в Колорадо и, купив там дом, успешно работают на фондовом рынке или дизайнерами. Возникла ситуация, когда университетское образование и Интернет позволяют получать необходимый уровень знаний о ключевых предметах, таких как бухгалтерия, маркетинг, финансы. И что особенно важно — появилась возможность быстрой обработки информации, которая на нас обрушивается. Образование всегда было элитарным: библиотеки, профессора, лаборатории — все это находилось обычно в одном месте и напоминало скорее полумасонскую ложу. А сегодня грань элитарности стирается очень быстро, в чем есть, конечно, и свой плюс, но и минус тоже, так как информация стала доступна всем. Поэтому успех зависит от того, насколько быстро и качественно ты можешь ее обработать и эффективно применить.

Другой феномен — качественное изменение рынка труда. Если еще недавно подавляющая часть выпускников бизнес-школ, в том числе и европейских, стремилась попасть на американский рынок, то сейчас люди все больше ориентируются на страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) с их огромным потенциалом роста и все большим интересом к опыту бизнес-образования в западных странах.

Дитер Хоних. Большая скульптура-крылья. 1979

Итак, каким должно быть современное бизнес-образование? Должно ли оно оставаться близким к привычному классическому? Или носить прикладной харак-

тер, давая начинающему предпринимателю соответствующий инструментарий и обучая им пользоваться? Или речь идет в первую очередь о ценностях и

принципах предпринимательской деятельности?

Эти и другие вопросы: чему учить, как учить и кто должен учить — широко дискутируются сегодня во всем мире. К тому же к концу XX века обнаружилась очень серьезная проблема, обусловленная тем, что люди бизнеса, как правило, не обладают широким кругозором, полагая, что им не обязательно знать историю, быть знакомым с философией, с современными тенденциями в искусстве и т.д. На все это в бизнес-школах еще недавно практически не обращалось внимания. Но мир, как я сказал уже, меняется очень быстро и просто учить тому, как зарабатывать деньги, недостаточно. В условиях расширения экономического пространства и растущей конкуренции, чтобы их заработать, явно необходима современная модель образования, учитывающая фактор способности человека понимать другие культуры и страны.

Как-то выступая перед выпускниками одной бизнес-школы в России, я спросил: «Вот вы закончили бизнес-школу, кто из вас верит, что глобализация будет продолжаться?». 90 процентов присутствующих в знак согласия подняли руки. «А кто хочет стать президентом мировой компании?». На этот раз мужественно подняли руки около половины. Тогда я спросил: «А кто из вас учит китайский язык?». Только один человек поднял руку.

Спрашивается, сможет ли Россия стать конкурентоспособной и современной страной, если выпускник бизнес-школы не знает языка той страны, в которую — условно говоря, в Китай — он поедет? Сможет ли он найти общий язык со своим партнером, не зная культуры страны, ее обычаев, психологии народа?

Приведу еще пример. Как-то мой товарищ отправился в Индию вместе со своими коллегами, где они должны были обсуждать возможность открытия офиса в одном из индийских штатов, а губернатор, который решил почему-то, что все было организовано не так, как надо, заставил их ждать в приемной пять часов. Как себя вести в такой ситуации? Устро-

ить скандал, улететь обратно? Ведь происходит это не только в Индии и дело не в том, что есть какой-то единственно правильный ответ на поставленные вопросы. Суть в готовности бизнесмена принимать в подобной ситуации взвешенные решения. А этому невозможно научиться в бизнес-школе.

Я тем не менее не считаю, что нам не нужны такие школы и что у России сегодня нет шанса стать конкурентоспособной страной. Это амбициозная задача, должен заметить, учитывая наше отставание в области развития новейших технологий. Но поэтому, собственно, мы и решили вкладывать деньги в образование, поскольку хотим, чтобы Россия стала одним из лидеров в XXI веке. Именно об этом мы должны думать и к этому должен стремиться наш бизнес.

Не так давно я встречался, что для меня была большая честь, с одним из самых выдающихся, на мой взгляд, политических деятелей второй половины XX века — Ли Куан Ю, который основал республику Сингапур, почти 40 лет управлял страной, потом ушел в отставку, а сейчас является старшим министром кабинета республики. Мы с ним ужинали, и он рассказал о планах развития Сингапура на следующие 60 лет! И это не просто слова. На протяжении следующих 15–20 лет, объяснил он, Сингапур сохранит свою конкурентоспособность в Юго-Восточной Азии, потому что в стране была создана лучшая инфраструктура. Однако потом это преимущество исчезнет, и поэтому уже сейчас, чтобы сохранить конкурентоспособность, они объявили образование главным приоритетом. Построили университет, вложив огромные деньги — шестьсот миллионов долларов — в уникальное здание в центре Сингапура, привлекли туда лучших профессоров, построили кампусы и отдали все это в управление бизнесменам, сняв все налоги с венчурных фондов. Таким образом была создана система, которая позволяет этой стране и дальше быть лидером в том, что они считают самым важным.

Разумеется, мы не должны копировать опыт такой маленькой страны, фактичес-

ки города-государства, как Сингапур, у нас свое прошлое и свои уникальные проблемы. Но и у нас должны быть амбиции, и мы должны подходить системно к решению этих проблем. Проблема России очевидна: у нас везде слабый уровень профессионализма — в бизнесе, журналистике, в кино. Эта системная проблема так называемого разряженного пространства — ключевая для России, если мы продолжаем сравнивать настоящее с нашим прошлым и у нас нет другой точки отсчета. Так что вопрос не в том, что вообще не надо ничего копировать. Главное, что-то сделать, и чтобы этим сделанным люди гордились, потому что оно лучшее в мире. А если таких амбиций нет и не будет системного понимания проблемы, то и через 20 лет мы едва ли сможем добиться успеха.

Поэтому задача, которую мы перед собой поставили, — построить под Москвой действительно современную бизнес-школу, на наш взгляд, оправданна. Мы получили уже землю от одного инвестора, но при этом не взяли у государства ни копейки, причем вполне осознанно, хотя на первом этапе долго спорили, в том числе и с министрами, нужны ли нам эти деньги.

Наша школа позволит получить второе образование, управленческое, но это не будет обычная бизнес-школа. Хотя мы считаем, что управление очень важно, — везде требуются профессиональные управленцы, — но и современные предприниматели нужны. Мы намерены помогать молодым людям, которые имеют предпринимательскую жилку и хотят начать собственный бизнес, получить соответствующие навыки. Уже к 2009 году собираемся построить современный комплекс зданий, что, кстати, тоже очень важно. Когда я разговаривал с разными известными в мире архитекторами по поводу строительства школы, они говорили: «Знаете, в чем трагедия России? В том, что вы потратили десятки миллионов долларов, но ни один известный архитектор не построил у вас ни одного приличного здания». Это обидные слова, но это правда. В Китае, например, сейчас одновременно строят десять крупнейших архитекторов мира, причем не

китайского происхождения. Это совершенно другая планка.

Система отбора в школу будет очень жесткая, при этом у поступающих будет возможность получения грантов или кредитов, то есть образование фактически будет бесплатным. В этом смысле ничего нового мы не придумываем.

Мы хотим, чтобы в нашу школу приезжали учиться и иностранцы, чтобы была возможность обмена опытом, а также велись дискуссии на самые разные темы, связанные не только с бизнесом, но и с проблемами современной философии, культуры, чтобы люди, занимаясь бизнес-образованием, получали одновременно для расширения кругозора дополнительную информацию. И еще планируем создать собственный исследовательский центр, поскольку на сегодняшний день системного представления о российском бизнесе нет, как, впрочем, пока нет и ясной законодательной базы, необходимой для обеспечения нормального функционирования рыночной экономики.

После окончания школы — время обучения в ней займет полтора года — выпускник сможет поехать на три месяца в какую-нибудь страну (скажем, в Индию, Бразилию или в Китай) и посмотреть, как там работает бизнес.

В 90-е годы предприимчивые люди в России только зарабатывали деньги, а не строили бизнес; это разные вещи и не всегда они совпадают. Чтобы строить его на долгие годы, нужен другой талант и другие знания. Сейчас в стране все больше людей начинают это понимать и строить реальный бизнес, а не просто, получив активы, их перепродать. Появилось понимание, что у России есть свои преимущества. Это огромная страна с уникальными возможностями, позволяющими начать бизнес с нуля и добиться успеха.

Наша школа будет сравнительно небольшой, человек на 150–200. Разумеется, это мало для России. Но мы хотим задать определенную планку, стандарт профессионального бизнес-образования и считаем, что это очень важно, учитывая наметившийся рост российской экономики.

Об эффективности работы уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации

Выше закона может быть только любовь, выше права – лишь милость, и выше справедливости – лишь прощение.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

*Юрий Ковыршин,
консультант аппарата
уполномоченного
по правам человека
в Липецкой области*

Слова, взятые в качестве эпиграфа, были произнесены Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием II во время визита в Тамбов в 2002 году и, на мой взгляд, наиболее точно выражают философскую и духовную сущность работы государственного института уполномоченного по правам человека. Нашей российской бюрократии не хватает именно такого отношения к своим гражданам, которые в поисках правды пишут жалобы, обивают пороги ведомств, стремясь добиться в этой неравной борьбе с государственной машиной торжества справедливости и закона. Но чаще всего, оказавшись в трудной ситуации, не зная толком законов, они не находят у чиновника ни любви, ни милости, ни прощения. И тогда страждущие и «не услышанные властью» обращаются в последней надежде на защиту к уполномоченному по правам человека.

Работа уполномоченного по правам человека становится эффективной лишь тогда, когда соблюдается дуалистический принцип его компетенции. С одной стороны, это реакция на нарушения прав и свобод человека, о совершении которых его информируют граждане в своих жалобах, средства массовой информации, а также различные социальные институты (общественные и даже государственные). С другой стороны, возможность превентивных действий через анализ законодательства, изучение законопроектов, прогнозирование развития ситуации при принятии властными органами решений по конкретным вопросам.

Уникальность института уполномоченного состоит в том, что через него осуществляется «обратная связь» между органами власти и населением. Собственно, че-

рез реакцию на обращения граждан уполномоченный выполняет важную функцию — создание атмосферы более четкой, организованной и ответственной деятельности государственных институтов. Системность, прозрачность и законность работы этих институтов для граждан — вот идеальный результат, на который направлен труд уполномоченного. Если должностным лицом какого-либо государственного органа допущено нарушение прав человека, а тем более если нарушения происходят систематически, то это сигнал о том, что необходимо принять такие законодательные или организационные решения, которые устранят *системную проблему* нарушения прав и свобод граждан. Материалом для принятия подобных решений и являются рекомендации и предложения уполномоченного.

Уполномоченный по правам человека — одна из последних государственных инстанций, обращаясь в которую гражданин надеется, что в решении его проблемы государственная система будет исходить из его интересов, учитывать его точку зрения и окажет ему квалифицированную юридическую помощь. В этом качественное отличие деятельности уполномоченного по правам человека от работы адвоката, который является частным лицом и предоставляет свои услуги только как профессионал в юриспруденции. Уполномоченный же защищает гражданина с позиций государственного правозащитного органа и одновременно выступает в качестве поверенного заявителя в других государственных органах.

К сожалению, на мой взгляд, федеральным законодательством компетенция уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации неоправданно ограничена. В некоторых регионах проявилось также стремление местной бюрократии снизить эффективность работы уполномоченного, прежде всего в сфере лишения его права местной законодательной инициативы. Это лишает омбудсмана возможности предупредить вероятное нарушение прав человека до того, как оно реально наступит. Бюрократия не понимает, что, предотвращая нарушения прав граждан, уполномоченный помогает власти «сохранить лицо» и оберегает ее от очевидных ошибок, способствует ее стабильности.

Понимание нерациональности ограничения юридической компетенции региональных омбудсманов есть и у уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукина, и у уполномоченных в субъектах РФ. Проведенный ими в ноябре 2005 года в Государственной думе РФ круглый стол «Развитие института уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации», на котором обсуждался предложенный В.П. Лукиным проект нового законодательного регулирования деятельности региональных омбудсманов, нашел поддержку и у депутатов Думы, и в Генеральной прокуратуре РФ. Есть надежда, что столь нужный законопроект будет принят в ближайшее время.

Кроме полномочий, предоставленных региональному омбудсману правом, у него есть еще одно оружие — это власть фигуры публичной политики. Когда очевидно нарушение прав и свобод человека, но уполномоченный не может использовать юридические аргументы (бывают ситуации, которые не прописаны ни в одном законе или нормативном акте), он имеет право высказать свою позицию и придать проблеме публичный харак-

тер, обращаясь к органам власти, общественности, средствам массовой информации.

В то же время нельзя не отметить, что эффективность работы уполномоченных в регионах во многом зависит от расположения к ним местных властных элит и прежде всего — руководителя субъекта Федерации. Это заставляет регионального уполномоченного быть чрезвычайно аккуратным и осторожным в своих действиях, проявлять дипломатичность и такт в построении конструктивных отношений с органами власти для достижения своей главной цели — защиты прав человека.

Согласно нормам многих региональных законов об уполномоченном по правам человека в субъекте РФ, он может занимать свою должность не более двух сроков подряд. На мой взгляд, такое положение не способствует его эффективной работе, так как над ним как дамоклов меч висит процедура его повторного назначения местным законодательным собранием. Можно ли быть принципиальным в вопросах защиты прав человека от действий (или бездействия) местных органов власти, если назначение зависит от них? Я думаю, ответ очевиден. Ведь уполномоченный — не общественный деятель, а региональный чиновник. Законодательные органы во многих субъектах РФ в той или иной степени подвержены влиянию руководителя. И как можно, например, уполномоченному оспаривать нормативный акт, нарушающий права граждан, но принятый местным парламентом, когда этот же парламент будет голосовать за его назначение через некоторое время? Проще сменить такого строптивого государственного правозащитника на более удобную и покладистую фигуру, чем признать свою неправоту, о которой станет известно всем — от журналистов до избирателей. В свою бытность комиссаром Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес как-то заметил, что после окончания срока его полномочий в качестве народного защитника в Испании* у него осталось только два друга — король Испании и председатель правительства страны! А ведь Россия — не Испания...

В некоторых регионах проявили мудрость и назначили на должность уполномоченного людей пенсионного или предпенсионного возраста. Они в своей жизни многого уже добились, пик карьеры пройден, и такое почетное назначение — дань уважения к бывшим заслугам и возможность использовать сложившийся авторитет. Административный нажим в этом случае достаточно затруднителен.

В других субъектах РФ на должность уполномоченного были поставлены люди, рекомендованные губернатором региона или приближенные к нему. В этом случае омбудсман мог использовать авторитет и ресурсы руководителя субъекта Федерации, что значительно облегчало его работу. Если у губернатора есть понимание необходимости этого института не только как бюро жалоб, но и как важного организационно-кадрового инструмента, способного оптимизировать работу административного аппарата, уполномоченный становится не «чужим среди своих», а авторитетным региональным чиновником, влияющим на характер тех или иных решений. Однако

---

* Выполняет в Испании практически те же функции, что и уполномоченный по правам человека в России. — Прим. ред.

Б.М. Кустодиев. Утро (фрагмент). 1904

«благосклонность» губернатора к омбудсману переменчива, и если она проходит, то время его работы ограничивается одним сроком.

Стремясь сделать службу уполномоченного по правам человека результативной, надо, на мой взгляд, отказаться от ограничения пребывания омбудсмана в должности двумя сроками. Эта норма целесообразна только как инструмент предотвращения коррупционных связей и как гарантия кадровой ротации, что, исходя из специфики функций государственного правозащитного института, практически лишено смысла.

Мне представляется, здесь может быть два решения. Первое — возможность занимать эту должность только один срок подряд (как в Польше или Азербайджане) — тогда стремление «всем понравиться», что особенно важно на выборах, теряет смысл. Но в таком случае необходимо гарантировать омбудсману трудоустройство на равноценной по статусу должности после сложения полномочий. Второе решение — наоборот, сделать должность уполномоченного по правам человека в субъекте РФ пожизненной (как в случае с федеральными судьями), естественно, при полном организационно-методическом взаимодействии с федеральным уполномоченным и создании института независимого контроля (может быть, через федерального уполномоченного) над деятельностью регионального омбудсмана.

Понимание уязвимости во время выборов регионального омбудсмана от местных органов власти есть и у уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В упомянутом выше законопроекте предусматривается, что кандидатура на должность регионального уполномоченного по правам человека будет вноситься в местный законодательный орган федеральным уполномоченным. Но такой механизм также вызывает ряд вопросов. Обязательно ли предлагаемый кандидат должен жить и работать на территории региона, где он выдвигается на должность? Если нет, то не вызовет ли такая кандидатура отторжения у местной политической элиты, которая может посчитать его «столичным ревизором», и как тогда будет работать «власть авторитета» — ведь «варяг» будет чужаком в новых для него коридорах власти и нужно время, чтобы приобрести авторитет.

Немаловажно, как будет проходить отбор кандидатов — по их участию в правозащитном движении, по рекомендациям региональных и федеральных общественных организаций, партий, местных парламентов и органов власти, по степени авторитета кандидата в регионе и т.д.?

Еще одна существенная проблема — сохранение финансирования региональных омбудсманов за счет бюджетов субъектов Федерации. Такая норма также способна сделать регионального уполномоченного управляемым: бюджеты формируют местные органы власти и твердой квоты для омбудсмана в них не предусмотрено, хотя, как правило, финансирование проходит отдельной строкой в региональном бюджете. Можно дать больше, а можно сказать: денег нет! Возможно, необходимо перейти к централизованному федеральному финансированию через уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; другой вариант — законодательное определение квоты финансирования деятельности уполномоченного в субъекте РФ из регионального бюджета.

Итог работы уполномоченного за год подводится в его докладе о соблюдении на территории прав и свобод человека. Это важнейший инструмент воздействия на ситуацию по обеспечению конституционных прав граждан и на чиновников, которые допускают нарушения в этой сфере. По тому, как в субъектах РФ относятся к этому документу, можно судить об отношении органов власти к самому правозащитному институту.

Во-первых, каким образом заслушивается годовой доклад уполномоченного по правам человека в законодательном органе региона. В одних регионах после выступления омбудсмана разворачиваются оживленные дебаты, споры как по содержанию доклада, так и по оценке деятельности уполномоченного. В других — это обычный, один из многих вопросов повестки дня, по которому принимается постановление в стиле «принять к сведению», чем все и ограничивается.

Во-вторых, проходит ли отчет уполномоченного по правам человека на заседании исполнительного органа власти (правительство субъекта РФ, региональный административный совет и т.д.), рассматриваются ли выявленные омбудсманом недостатки в работе государственных органов и их должностных лиц и принимаются ли конкретные решения по исправлению установленных фактов, привлечению виновных чиновников к ответственности, реализации предложений и рекомендаций уполномоченного по правам человека.

В-третьих, публикуется ли доклад уполномоченного в средствах массовой информации. Как правило, во всех региональных законах об уполномоченном в субъекте РФ говорится о том, что его годовой доклад подлежит обязательному опубликованию в официальном печатном издании региона, одним из учредителей которого являются органы власти субъекта РФ. Однако нередко статус регионального уполномоченного по правам человека ограничивается и в этом вопросе из-за отсутствия в федеральном законодательстве, в других нормативных актах Российской Федерации обязанности периодического печатного издания публиковать документы регионального уполномоченного по правам человека. Таким образом, информационное освещение деятельности уполномоченного в официальных СМИ ставится в прямую зависимость от их редакций и учредителей. Могут опубликовать, а могут и отказать под благовидным предлогом или без него.

Я уже говорил о важности для уполномоченного по правам человека с максимальной деликатностью и дипломатичностью строить отношения конструктивного сотрудничества с различными государственными органами, в том числе, конечно, и с органами прокуратуры. Необходимо отметить, что Генеральная прокуратура РФ и многие региональные прокуроры видят в уполномоченных по правам человека своих коллег в общем деле — защите прав граждан. Однако некоторые региональные прокуроры весьма скептически смотрят на уполномоченного, оценивая его, с одной стороны, как ненужный государственный институт и своего конкурента, а с другой стороны, как организацию, расшатывающую основы государства в связи с тем, что недостаткам работы государственной машины придается публичный характер. Такие должностные лица стремятся всячески ограничить полно-

мочия омбудсмана и весьма неохотно сотрудничают с ним. Например, прокурор Республики Саха (Якутия) в своем обращении в Верховный суд РФ опротестовал положение регионального закона в части возложения на территориальные органы государственной власти обязанности по безотлагательному приему омбудсмана республики, обеспечению беспрепятственного посещения им органов власти, местного самоуправления и других учреждений, по рассмотрению его заключений, проведению проверок, исследованию и подготовке заключений, по бесплатному и беспрепятственному предоставлению запрошенных материалов и документов, сведений, объяснений, официально распространяемых документов и других информационных и справочных материалов по всем без исключения вопросам. Верховный суд РФ согласился с прокурором Якутии, поставив тем самым институт уполномоченного по правам человека в ряд обычных организаций. Разве может региональный уполномоченный эффективно защищать права граждан, которые, согласно анализу жалоб, в 40 процентах нарушаются именно различными федеральными органами, если он практически лишен необходимых полномочий?

*Федеральным законодательством
компетенция уполномоченных по правам
человека в субъектах Российской Федерации
неоправданно ограничена*

Несмотря на приведенный пример, в большинстве регионов уполномоченные по правам человека работают с федеральными и другими государственными органами достаточно плодотворно. Но для того, чтобы работать максимально эффективно, необходима новая федеральная законодательная основа для деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте РФ и для определения его компетенции в отношении государственных органов различного уровня.

В этом обзоре я затронул только самые очевидные и актуальные проблемы, решение которых могло бы повысить эффективность работы уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. Стремление устранить влияние на регионального омбудсмана со стороны местных властных элит неизбежно приводит к мысли о целесообразности построения «вертикальной» системы под руководством уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, но с участием или учетом мнения органов государственной власти субъекта РФ. Здесь главное — найти правильное соотношение полномочий. Важно, чтобы региональные органы власти поняли, что институт уполномоченного по правам человека не «бюро жалоб» или «разрушитель» их авторитета, а государственный орган, способствующий урегулированию конфликтов и недоразумений между гражданином и бюрократией, предотвращающий ее ошибки и тем самым позволяющий бюрократии наиболее эффективно выполнять свое предназначение в соответствии с правовыми и моральными нормами цивилизованного общества. Когда бюрократия этого не понимает — она саморазрушается.

Опыт о патриотизме

Юрий Гифенко,

заместитель главного редактора журнала «Общая тетрадь»

Сейчас уже странно вспоминать, что в начале 90-х слово «патриот» для «продвинутой» части наших соотечественников считалось почти неприличным.

Тогда лишь ленивый не цитировал резкую фразу «патриотизм — последнее прибежище негодяев», не очень вдумываясь в контекст (ведь смысл фразы прямо противоположен: *даже негодяй* может быть патриотом). Патриотами именовали себя только реакционеры. В демократическом лагере время от времени появлялись люди, предлагавшие воссоединить Родину и Свободу, но они тут же оказывались аутсайдерами, а затем с неизбежностью скатывались к реакции.

На рубеже столетий ситуация изменилась. Теперь уже не быть патриотом стало как-то непристойно. Патриотами оказались не только Зюганов или Рогозин, но и Чубайс, не говоря уже о Жириновском. Есть, однако, ощущение, что каждый из них вкладывает в реабилитированный термин какое-то свое содержание, в корне отличное от понимания других. Молодой лидер «Новых правых» Владимир Шмелев утверждает, что основная политическая борьба в нашей стране происходит между патриотами СССР и патриотами США, но в ней почти не участвуют патриоты России.

«Формула Шмелева» дает ключ не только к различному пониманию патриотизма, но и в целом к национальным особенностям российской политики. По сути, речь идет о трех основных парадигмах понимания страны, из которых проистекают все политические, социальные и экономические концепции, имеющие хождение в России сегодня.

Первыми патриотизм присвоили и попытались монополизировать те, для кого наша Родина — СССР. Это естественно, поскольку из тех, кто помнит времена «до исторического материализма», в живых почти никого не осталось, а новый облик России до сих пор не утвердился в сознании ее граждан как самостоятельная ценность. Идеалами этого патриотизма были и остаются великодержавность и завоевания СССР — стабильность, социальная справедливость, авторитет в мире (пусть эти завоевания в большей степени иллюзии, чем реальность, — но кто же требует реализма от идеалов?). Свободе в символе веры советского патриота нет места. Демократию, права человека, частную собственность и т.д. — те политические институты и принципы, которые призваны обеспечивать свободу, он яростно отвергает, как символы ненавистных ему перемен, разрушивших близкую к идеалу систему. Российская Федерация для него представляет собой лишь обломок СССР, в котором к тому же все самое благое если не полностью разрушено, то извращено. Единственный путь развития, который советский патриот счел бы благом, — восстановление СССР. Или, по крайней мере, РСФСР.

«Патриоты США» себя таковыми, разумеется, не называют, предпочитая самоназвания «демократы», «либералы» или даже «правые». Как и положено демократам и либералам, они более всего ценят свободу. Вот только Россия в их представлении со свободой никак не сочетается. Взгляд на свою страну (точнее, если использовать имеющий хождение в демократическо-либеральной среде термин, на «эту страну») у них крайне негативен. Во всем историческом опыте России они

находят только мрак и несправедливость. Это такая всемирная двоечница, всегда и во всем проигрывавшая, генетически непригодная к свободному существованию, не способная самостоятельно выбраться из «тысячелетнего рабства». При таком подходе бессмысленно говорить о национальных интересах и даже о государственном суверенитете.

Как советский, так и американский варианты патриотизма глубоко укоренены в советском прошлом, а значит, и в постсоветском настоящем. Первый — в официальной советской культуре; второй — в интеллигентской, «кухонной», контркультуре. Оба они полностью отождествляют Россию с СССР, расходясь лишь в оценке: первые — любят, вторые — ненавидят. Российский патриотизм в смысле культурной укорененности проигрывает им обоим. Хотя, надо заметить, его основные принципы и ценности продуманы и прописаны не хуже, чем у двух предыдущих.

Для российского патриота любовь к Родине и любовь к Свободе не просто равноценны, но и тождественны. Современная Россия рассматривается не как обломок Советского Союза, но как результат тысячелетнего развития страны, его новая фаза. И Российская Федерация не равна ни РСФСР, ни Российской империи. Мой земляк Сергей Маркедонов полемически заостренно заявляет, что история новой России начинается в 1991 году. По сути, он прав, что ни в коем случае не означает отказа от исторического наследия. Сегодняшняя Россия продолжает Россию досоветскую, но продолжает ее иначе. Она может и должна выстроить новую модель — модель гражданской нации, отрицающую советский тоталитаризм и не тождественную Российской империи. Задача сложна: надо восстановить и сохранить традицию, но при этом быть адекватными современности. Но игра стоит свеч! Россия как гражданская нация есть страна, состоящая из граж-

дан, то есть свободных людей, работающих на благо своей страны. Вот только как достичь этого состояния?

Если мы посмотрим на нашу политическую палитру, то увидим, что российский

Главное, что есть у патриотов России, — историческая правота.

Россия проигрывала битвы, но всегда побеждала в войнах

патриотизм в ней практически отсутствует. Оставим за скобками «Единую Россию»: в ней, как в Греции, есть все и нет ничего. Это значит, что в партии «Единая Россия» можно найти сторонников всех трех вариантов патриотизма, но у нее — увы! — нет своего идеологического лица. Есть программа, но она не имеет отношения к партийной политике. Короче говоря, «Единая Россия» была бы всем хороша, если была бы партией. Но это лишь политический полпред бюрократии, мозг которого находится за пределами партийного «тела».

При этом у советских патриотов представительство довольно серьезное. Монопольное право быть партией советских людей оспаривают друг у друга компартия (теперь уже две), ЛДПР и «Родина» (тоже раздвоившаяся). У них есть представительство в федеральном парламенте, в региональных и местных элитах, в интеллектуальном бомонде.

У американских патриотов дела похуже, если говорить о представленности в выборных органах. Их партии — СПС, «Яблоко» и десяток структур поменьше — провалились на последних парламентских выборах. Попытки создать некие новые объединения («Наш выбор» И. Хакамады, «Гражданский форум» Г. Каспарова, Республиканская партия В. Рыжкова, НДС М. Касьянова) выглядят весьма бледно. В регионах за них и раньше не сильно голосовали — а теперь и подавно. Зато их сторонники доминируют в экспертном и журналистском сообществах,

в большом бизнесе и даже в экономическом блоке правительства.

Что же касается российских патриотов, у них своих представителей в политическом классе почти нет. Есть несколько заметных экспертов и публицистов, но они составляют небольшой процент от общего количества «властителей дум». Есть попытки создать свою партию, но из них пока совсем ничего не выходит...

Такое положение дел вполне объяснимо, если взглянуть на тех, кто составляет (или может составить) «ядра» всех трех течений. Костяк советских патриотов — номенклатура, включая выходцев из номенклатурных рядов, по разным причинам оказавшихся вне госслужбы. Это по сей день самая организованная часть нашего общества, для которой нет и никогда не будет ничего лучше, чем советские времена.

Ядро американских патриотов числом поменьше, зато деньгами побольше. Это компрадорская часть буржуазии, куда входят не только «олигархи», но и бизнесмены помельче, живущие за счет продажи природных ресурсов и ввоза импортного ширпотреба.

Что же касается российских патриотов, то их опорой должна бы стать национальная буржуазия — те предприниматели, чьи интересы связаны с развитием национальной экономики. Но политической силой они до сих пор не являются. Потому и некому обеспечить политическое представительство патриотов своей страны.

А представлять есть кого. Если посмотреть на предпочтения граждан России, то картина получается обратная той, что сложилась в политической жизни. У нас еще довольно много советских патриотов, но это отнюдь не большинство: за все «советские» партии вместе взятые голосует от 30 до 40 процентов россиян (при этом не все избиратели «Родины» и ЛДПР такие уж «совки» — среди них немало тех, кто голосовал так потому, что больше не за кого). У всех «американцев» массовая база и того меньше — около 15 процентов. А что же оставшаяся половина? Социоло-

гические опросы показывают, что это люди, не стремящиеся к восстановлению СССР, но желающие видеть страну сильной; ценящие свободу и самостоятельность, при этом любящие свою Родину; не полагающиеся на государственный патернализм, однако требующие от государства порядка. То есть как раз патриоты России, а не иного государства.

Парадокс в том, что у российского патриотизма вроде бы есть все предпосылки для доминирования: и большинство граждан, и внятная идеология, и историческая правота. Вот только нет минимально необходимых ресурсов, обеспечиваемых элитой. Стратегическая проигрышность и советского, и американского вариантов вроде бы ясна: первые показали, на что способны, с 1917-го по 1991-й; вторые продемонстрировали свой потенциал в 90-х годах XX века. Но они по-прежнему остаются на авансцене.

Понятно, что на то есть объективные причины: наследство «совка» и новой русской революции, породивших склонность к популизму и бюрократическому подходу к решению проблем.

Что делать в такой ситуации? Мгновенного решения здесь нет и быть не может. Остается упорно, шаг за шагом восстанавливать смыслы; искать и находить союзников; предлагать обществу реальную повестку дня и варианты решений. Это долго. Это кропотливо. Но иначе нельзя. Главное, что есть у патриотов России, — историческая правота. Ведь на самом деле Родина и Свобода, как ценности, неразрывны. Какая может быть Свобода без Родины? Как может жить Родина без Свободы? Гражданин не может не быть патриотом, а настоящий патриот — всегда гражданин.

И хватит разговоров о «вечных поражениях»! Россия проигрывала битвы, но всегда побеждала в войнах. Россия ододела два самых мощных тоталитарных режима — нацистский и советский. Россия проросла и через москвитянский деспотизм, и через имперскую бюрократию, и через «совок». Значит, пробьется и теперь.

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ирина Бусыгина, Андрей Захаров. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон.

Книга представляет собой словарь терминов, наиболее часто употребляемых в современной политической науке и коммуникации. Исследование этимологии и исторического контекста каждого понятия предваряет внятный, основанный на авторской позиции анализ сути определяемых феноменов и их роли в современном мировом социально-политическом процессе. Особое достоинство словаря заключается в наглядной демонстрации российской специфики универсальных явлений в связи с действующими в стране политическими, социальными и административными практиками. Авторы книги – выпускники, а ныне эксперты Московской школы политических исследований.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторы хотели бы сразу предупредить читателя, что в предлагаемой его вниманию книге отсутствует строгая система: составившее ее собрание известных политических терминов довольно хаотично. Это не должно удивлять, ибо для отбора использовался единственный критерий: каждое из рассматриваемых понятий значимо для того места и времени, в которых реализуется наша жизнь, — то есть для российской действительности. По этой причине книга не сможет состязаться с энциклопедиями и справочниками, претендующими на всеобъемлющее постижение поли-

тической реальности. Для уважаемых составителей таких изданий, во множестве появляющихся в последние годы, мы, безусловно, не конкуренты.

Смеем, однако, надеяться, что в чем-то этот миниатюрный лексикон окажется для читателя увлекательнее энциклопедии. Дело в том, что в каждой статье есть *авторская позиция*; в отличие от создателей любого стандартного справочника мы могли позволить себе подобную роскошь. Таким образом, читатель, листая эти страницы, предполагая обогатиться знаниями, наряду с погружением в историю и суть того или иного политического феномена, получит *идейно окрашенное*, а не *энциклопедически бесстрастное* изложение темы. Именно это обстоятельство выступает тем субстратом, на котором держатся все нижеследующие страницы; благодаря тому, что преподнесение материала здесь явно замешено *на чувстве*, нашу книгу можно (во всяком случае, на это мы рассчитываем) по-настоящему *читать*.

Заслуживающих внимания понятий слишком много, и работа над книгой-лексиконом вполне может оказаться бесконечной. Стремясь избежать этой ловушки, мы решили: не надо пытаться за один раз охватить все, что хотелось бы осмыслить, — важно с чего-то начать. Надо заметить, что словарь, в отличие от романа, вообще неизменно тяготеет к безбрежности: каждое новое его издание оказывается обширнее предыдущего, ибо список *интересного* никогда не закрыт. А это означает, что с каждой последующей публикацией наш словарик будет все богаче, а упущенное в первом издании будет восполняться.

Эта книга, как нам представляется, привлекательна еще и тем, что ее можно читать с любого места. И вместе с тем перекрестные ссылки, которыми снабжен текст, делают, полагаем, эту работу вполне цельной, причем за ее концептуальной целостностью стоит единство самой реальности, в которой каждому из нас выпало жить и мыслить.

Структуры доверия в российском обществе

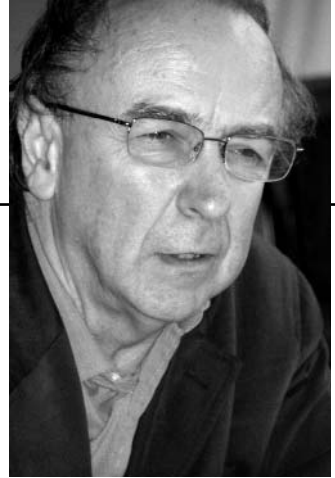
Доверие — один из самых главных аспектов жизни любого общества. Я имею в виду не столько личные отношения, сколько структурные. То есть те привычные и незаметные формы доверия, без которого никакое общество существовать не может.

Простой пример. Мы летаем в самолете. Наша жизнь зависит от совершенства его конструкции, от исправности всех его частей. Но, входя в самолет, разве мы проверяем состояние его крыльев, двигателя, каждую заклепку? Или квалификацию инженеров? Конечно, нет. Но почему? Ведь наша жизнь зависит от этого. И тем не менее мы доверяем авиакомпаниям, даже если знаем, что когда-то с ее машинами случались катастрофы.

Или другой пример. Почему люди инвестируют свои кровные деньги, сбережения всей своей жизни в государственные ценные бумаги или кладут в банк? Для этого надо доверять коммерческим структурам, банкам, биржевой системе. И это очень важно, без этого денежная, а значит, и экономическая жизнь общества эффективно не развивается. Для России, думаю, это очень актуальный вопрос.

Но такое доверие приобретается не автоматически. И сейчас, мне кажется, социологи, экономисты, антропологи все чаще обращают внимание именно на структурное свойство любого общества, на то, как оно формируется. Ведь доверие к тем же авиакомпаниям не всегда существовало. В ранние годы авиации многие боялись летать.

Доверие создается медленно, но легко подрывается, вызывая кризисы. Однако без него нельзя представить себе нынешнюю глобальную экономику. У каждого общества свои формы доверия и недоверия. Сегодня западный мир живет в структурах доверия, адекватных национальным государствам и глобальной экономике. Но в истории человечества существовали очень разные его формы. В племенном обществе, например, в городах-государствах древнего мира, в древних империях, в феодальном обществе, в постренессансных монархиях эти формы основательно различались. И всем этим формам доверия соответствуют разные мифы, предания, разные религиозные основания, юридические, культурные и научные формы.

*Джеффри Хоскинг,
профессор русской истории
Школы славянских и
восточноевропейских
исследований Лондонского
университета*

Есть два основных типа доверия. Это доверие к людям и доверие к обстоятельствам. Каждый ребенок, когда он входит в этот мир, доверяет своим родителям, у него нет иного выбора. Мы все живем в разных структурах **принудительного (вынужденного) доверия**. Странное вроде бы словосочетание. Но все мы просто обречены жить в структурах доверия, свобода выбора у нас ограничена. В любом обществе. В то же время доверие, когда оно работает, это очень положительное свойство, оно сообщает нашей жизни вкус и колорит, ради него, можно сказать, стоит жить. Человек всегда стихийно пытается создать климат доверия, даже в самых не подходящих для этого условиях. Даже в концентрационных лагерях люди как-то собирались, в каких-то уголках, и пытались создать свои кружки взаимного доверия.

Правда, есть люди, которые никогда никому не доверяют, но это уже психопатологические случаи. Этим людям очень трудно жить в обществе.

Современный британский социолог Энтони Гиденс различает традиционные и современные формы доверия: в традиционном обществе социальное общение, включающее доверие и недоверие, осуществляется в контексте родственных связей и местного общества. То есть среди людей, с которыми мы близко и постоянно связаны. Идеологическая основа этого общения — традиция, обычаи, религиозная космология. В современном обществе по контрасту, как говорит Гиденс, родственные связи, местное общество стали менее значимыми. Они все еще существуют, но сейчас возникает другой тип общения — более дистанцированный, инструментальный и безличный. Я, например, общаюсь по Интернету с людьми из Варшавы и Лос-Анджелеса, которых никогда не видел, но в каком-то смысле я знаю их лучше, чем соседей на моей улице, с которыми здороваюсь каждый день. Это два разных типа общения, два типа доверия.

Это современное общение другое: оно прохладное, безличное, без того живого родственного тепла, но и без той враждебности, которая может возникать из взгляда, из рукопожатия или из слов при постоянном непосредственном общении. По словам Гиденса, современное общение происходит на фоне не личного контакта, а социальных институтов, когда именно они, а не индивиды играют решающую роль.

Эти институты имеют свои процедуры и практики. Традиция и религиозная космология уступили место научным и прагматическим знаниям, которые добываются через эмпирическое наблюдение и рефлексивное мышление.

Таковы вкратце мысли Гиденса. Обычно переход от традиционного общества к современному сопровождается процессом, которому немецкий социолог Норберт Элиас дал определение *севелиционного*. Элиас полагал, что централизация государства обычно сопровождается расширением радиуса доверия. От семьи и соседей оно простирается значительно дальше. То есть люди входят в более широкий контакт и должны научиться доверять незнакомым людям. Этот процесс, по его словам, повлек за собой более сложное и разнообразное общение, поэтому его потребовалось подкреплять с помощью правовых кодексов, внедрения форм вежливого обращения и т.д. Такой стиль поведения обычно возникал в монархическом дворе и в придворных кругах, а оттуда распространялся на все общество...

Таковы обобщенные представления о доверии, о переходе от традиционного к современному обществу. Теперь — к России.

Здесь создание централизованного государства происходило, по-моему, по другой модели, чем у Элиаса. Оно не сопровождалось возникновением безличных социальных институтов, о которых он говорил. По геополитическим причинам российскому государству пришлось мобилизовать население и природные ресурсы для защиты, для управления огромной территорией на гораздо более раннем этапе свое-

*Круговая порука в царской России
глубоко влияла и на закон,
и на собственность, и на власть*

го развития, чем это происходило в большинстве европейских стран. Поэтому централизация принимала более простые формы человеческого общения. Начиная с конца XV века Великое княжество Московское использовало те социальные рычаги, которые были в его распоряжении, а именно — родовые и общинные связи личной зависимости. Произошло, если хотите, огосударствление личной власти. Процесс шел совсем не по Элиасу, не через безличные институты, законы и практики, а через личные связи. Сельские и городские общины в России, в Московском государстве, служили государству, платили налоги, подавали рекрутов по указанию ведущих местных деятелей — бояр, дворян, полицейских чиновников. Эти общины управлялись по своим собственным обычаям и в контексте православной религии. Их связи с государством были слабы и, как я говорил, реализовывались почти полностью через конкретных людей, важных особ, а не через институты и законы. Но эта российская имперская мобилизация оказалась очень удачной в контексте конкретных исторических обстоятельств. Благодаря ей были заложены основы огромной империи, чрезвычайно сложной по многим параметрам, которая существовала в той или иной форме с XVI до конца XX века.

Кризисы, конечно, были, но российское государство их пережило. Именно оттого, что такая мобилизация удачно выполняла свои задачи, долго не чувствовалось необходимости реформировать систему. Я попытаюсь доказать, что она продолжала действовать отчасти даже после революции 1917 года, в советское время. Однако установки и практики, порожденные нуждами давнишней империи, отжили свое и стали препятствовать переходу к тому типу социальной солидарности, который свойствен более современному обществу. Только сейчас, в постсоветской России, создаются структуры доверия, более адекватные глобальной экономике, и происходит это в очень трудных условиях.

Для простоты анализа структуры доверия в России я буду говорить только о двух типах русской базовой социальной ячейки. Это, во-первых, сельская община времен царской России. А во-вторых, советское предприятие эпохи Советского Союза.

При этом основное понятие, которым я буду оперировать, — круговая порука. Вероятно, она возникла из необходимости сохранять согласие в изолированных и уязвимых селениях средневековой России. Члены общины принимали на себя общую ответственность за содержание общих угодий, за улаживание конфликтов внутри селения, за поимку преступни-

Н.А. Ярошенко. На качелях. 1888

ков. Круговая порука возникла как социальный феномен, но затем государство заимствовало ее для своих административных целей, с ее помощью можно было ограничивать преступность, взимать налоги и набирать рекрутов для армии. Например, если какой-нибудь двор не исполнял своей повинности, допустим, не платил оброк, то все другие дворы общины обязаны были компенсировать недоимку. В качестве социального обычая и государственного метода круговая порука глубоко влияла, конечно, на сельскую жизнь и на крестьянские взгляды, а также и на закон, на собственность и на власть. И особенно на отношения, связанные с землей.

Крестьяне же смотрели на нее как на ресурс, через который они реализовывали свои обязанности. Они не считали, что земля принадлежит им, потому что она от Бога. То, что они не смотрели на землю как на личную собственность, очень важно. Чтобы сохранять мир и спокойствие внутри общины и поддерживать круговую поруку, требовался открытый и доступный процесс принятия решений. Это была функция сельского схода, который обычно состоял из всех глав семей, то есть исключительно из старших мужчин. Сход выбирал из своих рядов старосту, который председательствовал на собраниях, смотрел за исполнением решений и поддерживал связь с внешним миром, то есть с властями.

Надо сказать, что у старосты положение было очень щекотливое. Он оказывался под постоянным давлением, с одной стороны — властей, а с другой — своих односельчан. Согласие на избрание старостой человек обычно давал очень неохотно.

Решения на сходе почти всегда принимались на основе консенсуса, то есть без голосования, потому что считалось, что голосовать — значит раскалывать единство мира. А это нежелательно. Надо, чтобы все несли ответственность за решение. Эти решения отражали общую концепцию правды.

Вот это слово «правда» очень важное, мне кажется, для понимания мирских решений. Очень многозначное слово: с одной стороны, правда — это истина, но это и справедливость, и нравственность, и Божий закон. Гражданские конфликты и уголовные проблемы разрешались на сельском суде, где понятие «правда» было решающим. А суд состоял из так называемых лучших людей. Если читать решения сельского суда, — а они не всегда записывались, — в них почти всегда отмечалось, что суд состоял из лучших людей во главе со старостой.

Такая система была в каком-то смысле эгалитарной и демократической, но в то же время иерархично-авторитарной. Потому что все дворы были представлены на сходе, то есть это демократия, но представлены обычно старшими мужчинами, которые через старосту имели связь с внешним миром и с властями. Женщины и молодые мужчины были в менее выгодном положении, их интересы часто игнорировались.

Экономический идеал общины — выживание на скромном, но достаточном уровне. Внутри мира смотрели на богатых людей неодобрительно, но и на бедных тоже неблагосклонно. На бедных — потому, что они обременяли других односельчан, которые обязаны были возмещать их недоимки. На состоятельных — потому, что их подозревали в безнравственных действиях, «не по правде», а может быть даже и преступных. Как гласила пословица XIX века: «Бедность это грех перед миром, а богатство — грех перед Богом».

Для общей гарантии выживания на достаточном уровне было принято, чтобы дворы помогали друг другу. Взаимная помощь в случаях нужды — очень важная часть общинной системы. Скажем, если в каком-нибудь дворе кто-то болел, если кто-то голодал, им выделяли хлеб, живым трудом помогали тем, кто не мог справиться с полевой работой. Это называлось «помочи». И это был не альтруизм, а собственный интерес в условиях круговой поруки. Но тем не менее помочи обычно устраивалась как праздник: после работы пели, плясали и пировали вместе.

Принудительная солидарность — это все-таки солидарность. Принудительное доверие — это все-таки доверие. Система жесткая, но тем не менее в ней есть человеческое тепло. Однако такое переплетение интересов имело одну, я бы сказал, мрачную сторону. В сельской общине односельчане зорко следили за поведением друг друга и обменивались информацией о каждом человеке, то есть попросту сплетничали. Но это был необходимый контроль, потому что аномальное поведение одного могло навредить всем. Пьянство, кража, супружеская неверность, семейные конфликты могли подрывать экономическую эффективность одного двора, а значит, угрожать нормальной жизни всех.

В таких условиях привычные нормы были обязательны для всех. Предприимчивые или выдающиеся личности были под подозрением. Если хотите, это была «диктатура средних людей». То есть эгалитарно-демократическая, но и авторитарная тоже. Вообще, можно сказать, что уклад жизни в сельской общине определялся изнутри и извне нуждами государства, ну и нуждами членов самой общины. Вот в этом была сила русской традиционной системы, которая призвана была гарантировать достаток всем дворам в общине, но и подати помещику и солдат государству.

Такой уклад жизни очень затруднял экономические реформы. Назову только один пример. Когда в начале XX века Столыпин хотел ввести личное землевладение, не сразу, а мало-помалу отменить общинную собственность, что способствовало бы росту продуктивности сельского хозяйства, он натолкнулся на сильное сопротивление со стороны общин. И его реформа была наименее успешна именно в центральных областях России, где, на его взгляд, она была необходима более всего.

Почему же система круговой поруки не переросла в России в местное самоуправление?

В России в течение трех-четырех веков было очень сильное государство и местные, базовые ячейки общества: между тем и другим связь была чрезвычайно слабая. Но когда говорят о местном самоуправлении, обычно подразумевают посредника между государством и базовыми ячейками. А поскольку это посредничество осуществлялось через людей, а не через институты, было трудно создать местные самоуправляющиеся единицы. Иван Грозный попытался это сделать в XVI веке, но ему не удалось. Только в 1864 году были созданы уездные и губернские земские управы, это были эффективные органы, и они многое сделали для модернизации России в XIX веке. Они строили больницы, школы, мосты, дороги, но их слабость состояла в том, что они как бы повисли в воздухе, так как у них не было прямой связи с правительством, государством. Это объясняет, на мой взгляд, слабость местного самоуправления.

Теперь перейдем к советскому времени. Что такое советское предприятие? Казалось бы, это совсем другой микрокосм. Какое может быть срав-

нение с сельской общиной? Все советские предприятия были интегрированы в плановую экономику. Их работу определял Госплан соответственно производственным мощностям и потребностям народного хозяйства. Госплан приказывал — предприятие исполняло. Так это выглядело в теории. Но потом стало ясно, что высокой производительности не добьешься простым приказом сверху. Почему?

Большинство рабочих в 20-е — 30-е годы были выходцами из деревни. Необходимо было фильтровать приказы через полукрестьянские институты

взаимного консультирования и консенсуса, то есть именно через такую систему, о которой я только что говорил.

На советских заводах ранних лет преобладали артельные формы труда. А артель — это та же крестьянская община, приспособленная к условиям городского индустриального труда. Члены одной артели часто происходили из одного уезда или даже из одного села. Артель заключала договор с работодателем, организовывала собственную систему работы, часто используя собственное оборудование, а потом, в конце каждого дня или каждой недели либо в конце контракта, члены артели распределяли заработную плату между собой по собственным критериям.

В начале 30-х годов советская власть отменила артель, заменила ее бригадой. Бригадир назначался администрацией, а не избирался, как у артельщиков. И зарплата выдавалась уже не на коллектив, а отдельно каждому рабочему. У администрации стало гораздо больше власти над персоналом, над каждым рабочим, по крайней мере советская власть этого добивалась. Реальность, правда, оказывалась сложнее. В 30-е годы хороших работников было мало, существовал дефицит рабочих рук. Чтобы удержать лучших работников, администрации приходилось уступать рабочим большую часть контроля над производственным процессом. Другими словами, восстанавливались полуартельные формы труда, даже в советских бригадах. Рабочие сами решали между собой некоторые проблемы организации трудового процесса. В том числе, например, когда можно было опаздывать на работу, когда можно было работать с прохладцей, а когда, наоборот, требовалось штурмом довершить какое-нибудь дело. Ведь совсем плохо работать было не в интересах рабочих. Они во многом зависели от администрации завода. Например, в установлении приемлемого производственного плана, лучшего уровня оплаты труда она играла решающую роль. То же самое — с обеспечением жилья, с отпусками и прочим. Руководители и рабочие одного предприятия были во взаимной зависимости друг от друга. Рабочим надо было работать с определенной мерой добросовестности, но и руководителям приходилось давать им волю в некоторых элементах трудового процесса и закрывать глаза на мелкие нарушения.

Власть в конечном итоге не могла в полной мере осуществить свои цели. В отсутствие рыночной экономики производственную деятельность каждого советского предприятия определял компромисс между Госпланом, администрацией и рабочими. В этом компромиссе интересы потребителя не принимались в расчет (кроме, может быть, военной промышленно-

В советское время социальные ячейки стали более зависимыми от властей и более проницаемыми для них

сти: военные, наверное, были требовательны). Советское предприятие становилось все менее производственным институтом, а все более — социальным институтом, ориентированным на удовлетворение интересов названных трех партнеров. Через предприятия рабочие получали зарплату, жилье, медицинское обслуживание, путевки для отдыха, социальное обеспечение и в некоторых случаях даже продовольствие. А руководители предприятия получали те же самые блага плюс социальный статус, какие-то привилегии и право отдавать приказы. За эти блага рабочие и руководители платили Госплану, а следовательно государству, умеренной добросовестной работой. Такова была, по-моему, основа советской экономической системы.

Все это несколько напоминает ситуацию сельской общины, выживание через консенсус, через традиционные, давно согласованные производственные процессы, через показное послушание начальству. Но такая система очень консервативна. Введение новой технологии при такой системе крайне затруднительно. Новые практики нарушают консенсус и компромисс, давно согласованные практики. Если рыночные рычаги не действуют, внутри коллектива нет интереса менять сложившуюся систему. Нововведения угрожали социальным функциям предприятия. В этом был, по-моему, основной порок советской экономики.

Подведу итог: мне кажется, русские привыкли жить в социальных ячейках эгалитарной экономности, которые государство эксплуатировало в своих целях, но которые, тем не менее, служили также интересам собственных членов. И в этом была сила и прочность русской общественной структуры. В этих ячейках процедуры были неформальные, основанные не на законах, а на традициях, на консенсусе, на личных взаимоотношениях.

Но в советское время такие ячейки стали более зависимыми от властей и более проницаемыми для них, что привело к парадоксу: с одной стороны, они помогали властям, а с другой — действовали таким образом, что подрывали великий проект советской власти — построение социализма. Отчасти эти ячейки существуют и сегодня, но они еще меньше подходят для глобальной экономики, чем для советской, поэтому, оказавшись под сильным давлением модернизации, мало-помалу распадаются.

Этот распад имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, освобождаются талантливые, предприимчивые, выдающиеся личности, с другой стороны, происходит социальная поляризация общества. В результате теряется человеческая близость, взаимопомощь, теплота отношений. Безусловно, это процесс многосторонний, парадоксальный и болезненный. Как он будет развиваться дальше, мы не знаем, но в конце концов, вероятно, в России появятся новые формы вынужденного доверия, адекватные глобальному обществу, как и во многих западных странах. Однако хочу сказать, что не стоит просто применять готовые рецепты Запада, потому что русские структуры доверия, как я пытался показать, другие, чем в большинстве европейских государств. Россияне обязательно должны выработать свой путь, с учетом содержания тех прошлых структур доверия, о которых я говорил.

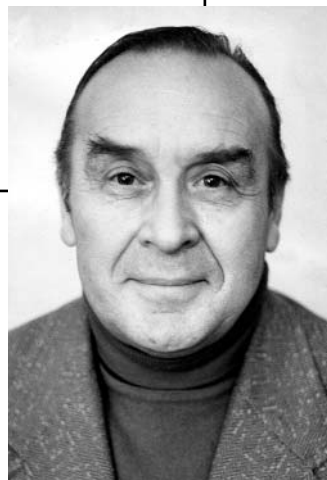
Свобода и воля в русской истории

О говорюсь сразу: к тому смыслу слова «воля», которое означает упорство и настойчивость, этот очерк не имеет никакого отношения. Речь пойдет о воле как понятии, подразумевающем жизнь без каких-либо стеснений и ограничений, возможность поступать по своему, не считаясь ни с кем и ни с чем. В 4-томном «Словаре русского языка» (М., 1985) слово «воля» в одном из значений приравнивается к слову «свобода», но синонимичность этих двух понятий — опасное заблуждение. В какой-то степени понятия «воля» и «свобода» являются даже омонимами, прямыми противоположностями, но не станем забегать вперед.

С древнейших времен на Руси самым полным выражением светлых нужд и чаяний народных, или «прав человека», как выразились бы сейчас, была воля. Иначе и не могло быть в стране с крепостным правом, с положением человека на уровне раба, рабочего скота. Вырваться из этого омута на волю, пожить в свое удовольствие хоть немного удавалось далеко не всем. Бегство из родных деревень на Дон и Волгу, в далекие степи или близкие леса, в шайки разбойников было способом «добиться воли», временной да и не очень надежной отдушиной в проклятой жизни.

Поэтому клич Пугачева «Я пришел дать вам волю!» сразу поставил под его знамена многие тысячи людей. Крестьяне охотно получали от него землю, имения помещиков, их богатства, а дарование *воли* — права поступать по своему, без каких-либо ограничений — «прямо шло к крестьянскому сердцу и находило в нем энергичный отклик» (Н. Фирсов. Пугачевщина. М., 1921, с. 109). Буйство воли, своеволие и произвол находили выход в жестокости массовых казней, в убийстве не только самих помещиков, но их жен и детей. Конечно, это крайности проявления воли, но эти крайности совершались с удовольствием, с полным сознанием своей правоты самыми широкими массами крестьянского населения. Так же, как и жестокие преследования участников восстания после его подавления выражали не только реакцию закона, но и личную волю потерпевших дворян-мстителей.

«Слово «свобода», — пишет Г. Федотов, — до сих пор кажется переводом французского *liberte*. Но никто не может оспаривать русскости «воли». Тем необходимее от-

Сергей Иванов,
кандидат экономических наук

дать себе отчет в различии воли и свободы для русского слуха.

Воля есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе от общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе; воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо. Разбойник — это идеал московской воли, как Грозный — идеал царя» (Россия и свобода. В кн.: Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989, с. 73).

Оба эти элемента общественного сознания — свобода и воля — сосуществовали в России в течение всей ее истории, порой прячась друг за друга, порой подменяя один другого, но никогда не изменяли своей сущности.

По Н. Чернышевскому (Апология сумасшедшего. Полн. собр. соч. в 15 т., т. 7, М., 1950, с. 616) «своеволие», или, как он писал, «идея произвола» вообще есть основная черта русского национального характера и «каждый из нас Батый», а Н. Бердяев считал *анархизм* чисто русским явлением (Истоки и смысл русского коммунизма. Гл. III. М., 1999). Так что нет ничего удивительного в том, что в России издавна существовало неуважение к закону, особенно если он что-то требовал или запрещал, а неподчинение властям было своего рода нормой поведения.

И все-таки со временем, при нормальном развитии общества «воля» постепенно должна была терять свои позиции, уступая место «свободе». Этому способствовали бы как усилия правительств, заинтересованных в стабильности в стране, так и передовых людей, интеллигенции, ясно видевших опасность приоритета «воли» в широком общественном сознании. Но случился нонсенс: настало время, когда люди, говорившие о свободе для самых широких масс, в качестве орудия для достижения своих целей избрали волю, ту самую, пугачевскую, «волю» без всяких ог-

раничений и запретов. Все это хорошо известно, однако без повторения некоторых деталей прошлого нам не понять многие из проблем сегодняшнего дня.

Революция. Ленин, хорошо знавший свойства народного характера, понимавший усталость широких масс от непопулярной войны и не видевший на своей стороне реальных здоровых сил, решил добиться своих целей путем пробуждения разбойничьей «воли» в темном народе. Взамен перехода на сторону «революции» он разрешил грабить, убивать и творить самосуд. Вот его «санкция», достойная Пугачева, сформулированная еще задолго до 1917 года: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть.

<...> Народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, творит новое революционное право.

<...> Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо» (Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1960, с. 320–322).

По существу это было приглашение к бунту без каких-либо ограничений, *по усмотрению каждого желающего*, со всеми его неистовствами.

Надо ли приводить примеры бессудных расправ и властей и толпы в те годы? Их тысячи. Важнее понять последствия тех деяний, еще более утвердивших в сознании русских людей «правоту» их приверженности к «воле». Вот мнение М. Гурько, знатока русской психологии, в то время безоговорочного противника большевистских методов: «Уничтожив именем пролетариата старые суды, гг. народные комиссары этим самым укрепили в созна-

нии «улицы» ее право на «самосуд», — звериное право <...>. Люди слишком привыкли к тому, что их «сызмала походя бьют», — бьют родители, хозяева, била полиция.

И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим «правом» с явным сладострастием, с невероятной жестокостью. Уличные «самосуды» стали ежедневным бытовым явлением, и надо помнить, что каждый из них все более и более расширяет, углубляет тупую болезненную жесткость толпы» (Несвоевременные мысли. Пг., 1918, с. 19–20). Все это во многом определило особенности Гражданской войны, коллективизации, политических репрессий 30-х годов.

Но прошло время. Разгул толпы, как известно, усмиряется деспотиями, и в стране установилось сравнительно спокойное положение. А как же с «волей», куда девалась она? Да никуда! Она поменяла обличье, приняв форму *властного своеволия* партийных руководителей всех рангов. Они стали полными и ничем не ограниченными хозяевами на отданной им на откуп территории и могли творить на ней все, что вздумается, при условии выполнения воли вышестоящего руководителя, такого же деспота, если не похлеще.

С теми временами, слава богу, покончено. Усилия людей, известных как правозащитники, сделали очень много для того, чтобы покончить с всеволием властей. По крайней мере, центральная власть в последние годы сильно изменилась: она стала спокойнее, предсказуемее, чаще склонной посоветоваться, чем решать с ходу.

Но что-то мешает полной идиллии.

И точно, беда все-таки пришла, причем пришла не оттуда, откуда ее ждали, не от верховной власти, а от бывших средних слоев и низов, с глубины веков носящих в своей исторической памяти тягу к собственной «воле», а не к общей свободе.

Начался передел государственной собственности, бесконечные «заказные» убийства, общее число жертв которых, возмож-

но, уже превышает число жертв пугачевского восстания, резко пошла вверх преступность. Влияние «самовольства», вошедшего в характер, сказалось и на выборе труда, сферы деятельности. Не поддающееся никакому подсчету число людей стало заниматься производством контрафактной продукции, подделкой различных документов (проездных, регистрационных, дипломов и пр.). Это потребовало жесткой реакции со стороны властей, усиления контрольных функций государства и в конечном счете отрицательно сказалось на темпах экономического развития страны. Хуже того, в последнее время начались уличные «самосуды» — убийства на национальной и расовой почве, которые можно рассматривать как возможный «пробный шар» идеологов «своей воли» на реакцию общества, к слову сказать, пока очень вялую.

Кто стоит за этим? Можно быть уверенным, что это наши старые знакомые, любители собственной вольницы. Теперь им мешают не только власти, а равные с ними, мешает общество. Им не нужна «свобода» — она «для всех». Им нужна своя «воля», и побольше, а методы для достижения этого годятся любые. Как далеко они пойдут? Ответ на этот вопрос зависит от многих условий, в том числе и от того, насколько решительно встанет общество на защиту своих коренных интересов, насколько едино будет оно в этом принципиальном противостоянии. На открытый «бой» идеологи «воли» вряд ли пойдут — уж слишком уязвимы их позиции в современном мире, — так что борьба будет «подковерной», длительной и тяжелой, тем более что они располагают поддержкой у определенной части населения («электората») и достаточно большими финансовыми средствами.

Угроза велика, и кроме единства общества потребуется еще большая согласованность действий демократических сил и властных структур, может быть даже в чем-то вчерашних оппонентов правозащитных организаций.

Не исключено, что от успеха этих действий будет зависеть судьба многих поколений.

*Роберт Скидельски,
член палаты лордов
британского парламента,
профессор Уорвикского
университета*

Возвращение в Китай*

С то десять лет назад контракт на строительство железной дороги привел мою семью в Маньчжурию. Сейчас, когда европейское прошлое Китая вышло из-под спуда забвения, я, подобно блудному сыну, возвращаюсь назад — на родину, в Харбин.

Я размышлял о возвращении в Китай уже около года, и приглашение почитать лекции в Шанхае, полученное в сентябре 2005-го от Лиан Сианя, автора книги о «боксерском восстании»**, позволило реализовать мой замысел. Я говорю о «возвращении» потому, что последний раз был на материковой части Китая в 1948 году, в девятилетнем возрасте. Родившись в Харбине в 1939-м, в три года я прибыл в Англию, а затем, в 1947-м, вернулся с родителями в Китай, прожив немногим более года в Тяньцзине. Перед самым захватом этого города коммунистами мы бежали в Гонконг.

Почему же мы возвратились в Китай в 1947 году? Если отвечать кратко, то причиной стала крупная частная собственность, которой наша семья владела в Харбине: семейство Скидельских держало в лизинге самую крупную частную угледобывающую шахту Маньчжурии. После Второй мировой войны мой отец, британский подданный с 1930 года, решил возродить семейный бизнес. Как нарочно, мы прибыли в Тяньцзинь в тот момент, когда коммунисты почти вытеснили националистов с севера Китая. Мы задержались в городе, ожидая благоприятного поворота фортуны, но его так и не последовало. Я помню, как мы рассуждали тогда: какой же бездарный этот Чан Кайши, если позволил своей главной армии попасть в окружение!

Когда вы выстраиваете собственную жизнь, семейное прошлое не слишком вас беспокоит. Но сейчас я очень интересуюсь своими родовыми корнями и сожалею о том, что в детские годы не особенно внимательно вслушивался в семейные истории, рассказываемые родителями. Они помогают глубже осмыслить собственную

* Статья опубликована в британском журнале «Prospect» в январе 2006 года. Печатается с разрешения автора с незначительными сокращениями.

** «Боксерское» (Ихэтуаньское) восстание в Северном Китае в 1899–1901 гг. против иностранной оккупации страны. Начато тайным обществом «Кулак во имя справедливости и согласия». — Прим. ред.

жизнь. Скидельские были одной из ведущих еврейско-русских семей на Дальнем Востоке. Мой дед Лев Скидельский начал свою карьеру в Скиделе, в Белоруссии. В начале 1880-х годов он вместе с семьей переселился в Одессу. В 1895 году он выиграл подряд — как и почему это произошло, я не знаю — на строительство последнего участка Транссибирской магистрали — из Северной Маньчжурии до Владивостока, где и обосновалось семейство. Скидельские были одной из десяти еврейских семей, которым позволили проживать здесь. В 1907 году во Владивостоке родился мой отец Борис.

К моменту смерти Льва в 1916 году семья владела недвижимостью, а также предприятиями и шахтами в Восточной Сибири, имела лесные концессии площадью 3000 квадратных километров в России и Маньчжурии и была одним из самых крупных работодателей в регионе. Маньчжурская часть бизнеса управлялась из Харбина одним из братьев Льва Соломоном. Семья обеспечивала углем Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), представлявшую собой маньчжурскую ветку Транссибирской магистрали, и экспортировала лес, фанеру, муку в Лондон и Нью-Йорк. В нескольких современных книгах, описывающих экспансию России на Дальнем Востоке, семью называют «олигархической». Как рассказывал мне Лиан Сиань, каждый в Маньчжурии слышал о семье Си Джиси — именно так звучит наша фамилия по-китайски.

В 1918 году Скидельские покинули Россию, потеряв всю свою собственность, но с несколькими миллионами долларов наличными. Моя овдовевшая бабушка по отцовской линии переехала в Париж, а четыре ее сына были отправлены учиться в английские частные школы. Вернувшись в Харбин в 1924 году, брат моего деда Соломон получил в тридцатилетнюю концессию Мулинскую угледобывающую компанию. Она стала основой сократившегося, но все еще значительного состояния Скидельских. Харбин, в то время большой русский город, был переполнен эмигрантами-белогвардейцами, бежавшими из Восточной Сибири. Европейская часть Харбина блистала широкими улицами, прекрасными домами, банками, магазинами, ресторанами, кинотеатрами, оперными и балетными залами. В 1920-е годы он слыл «Восточным Парижем».

Потеряв все свои сбережения из-за обвала американского фондового рынка в 1929 году, моя парижская бабушка переехала жить в США, а мой отец отправился в Маньчжурию заниматься нашим семейным бизнесом. Он женился на моей матери в 1936 году, а я появился на свет тремя годами позже. Во время Второй мировой войны мой отец сражался в британской армии, но харбинская ветвь Скидельских, оставшаяся без родины, продолжала поставлять уголь железной дороге, захваченной японцами, которые оккупировали Маньчжурию с 1931 по 1945 год. Когда на территорию Маньчжурии вошли советские войска, Соломон и его брат Симон были высланы в Россию и погибли в сталинских лагерях. Китайские коммунисты экспроприировали нашу собственность, включая угольную шахту. В 1948 году я получил от британского правительства чек на 24 тыс. фунтов в качестве компенсации потерь, которые исчислялись 11 млн фунтов.

Гораздо меньше мне известно о семье Сапелкиных, родственниках моей матери, которые были православными, в отличие от Скидельских, но, подобно им, оказались среди тех русских эмигрантов, кто бежал от большевистской революции на Восток. Они происходили из «вольных хлебопашцев», которые перебрались в Восточную Сибирь из Нижнего Новгорода в

конце XIX века и тоже были причастны к строительству железной дороги. Мой дедушка по материнской линии, Вениамин Васильевич, в начале 1920-х годов, до переезда в Харбин, дослужился до мэра городка Маньчжоули в русской Маньчжурии. Он был начитанным человеком, и я помню, что ребенком получил от него письмо на старомодном русском (так сказал мой отец, переводя его), полное высоких моральных наставлений. Семья моей бабушки по материнской линии, скорее всего, происходила из Бессарабии. Моя мать Галина родилась в Харбине в 1918 году.

Моя семейная история стала миниатюрным отражением первой волны глобализации, которая всецело была связана с железной дорогой, пароходами и телеграфом, открывшими около столетия назад Восточную Азию мировому рынку. Взлет и падение Скидельских отражают судьбу того космополитического мира, который был смертельно ранен в Первую мировую войну. Они показывают, насколько легко политика может перевернуть экономику. Богатство не спасло мою семью и другие ей подобные семьи от революции. Экономическая взаимозависимость не уберегла мир от фашизма и коммунизма. Сегодня на Дальнем Востоке не осталось Скидельских. После победы коммунистов в 1949 году Китай на сорок лет был отрезан от остального мира. Харбин, а также Шанхай и Тяньцзинь, стали чисто китайскими городами, изобилующими унылыми руинами мертвой европейской культуры: это район Бунд в Шанхае, Виктория-парк авеню в Тяньцзине, Большой проспект в Харбине. Сейчас все это наследие открывают заново. Его доморощенные, но вполне европейские основания тоже возвращаются к жизни. В Харбин, свой родной город, я был приглашен, подобно блудному сыну.

19 сентября, Шанхай. Утром Лиан Сиань встречает меня в Шанхайском международном аэропорту — комплексе, который весьма впечатляет. Его сопровождают Ян Мэй, оператор, и Хань Ю, продюсер. О моем визите снимут фильм, который будет потом показан по китайскому телевидению. В руках у меня появляется букет цветов, а камера начинает работать. Мы грузимся в микроавтобус и отправляемся в город. По пути минуем новый район Пудонг. Десять лет назад здесь были поля, а сейчас в этих небоскребах живут более четырех миллионов человек. Я останавливаюсь в том же отеле, где жил Никсон во время своего исторического визита в 1972 году. Камера Ян Мэя работает, не переставая. Полагаю, он обосновался бы в моей комнате, если бы я позволил.

За обедом я отказал себе в удовольствии попробовать тушеных лягушек, но в целом предвкушаю встречу с китайской кухней. Лиань знакомит меня с китайской рисовой водкой. Она пахнет сточной канавой.

Прогуливаемся по Хуэй Хай, главной торговой улице города, бывшей авеню Жоффре. Хорошенькая китайская студентка Чиджун Чжоу знакомит меня с окрестностями — вместе с Ян Мэем и Хань Ю она входит в команду моих верных компаньонов. На тротуаре выставлена маленькая зеленая машинка — такие изготавливают в Китае, а известна она как «QQ». Мне говорят, что она стоит 25 тысяч юаней, или 3 тысячи долларов. Это мое первое знакомство с так называемой китайской ценой. Я пробую заучить пару фраз: «се се» (спасибо), «ни хао» (добрый день), «чжэ цзяо шэмо?» (как это называется?). Мне говорят, что у меня хорошее произношение, но не важная память.

20 сентября, Шанхай. Лекция по глобализации в Шанхайском отделении Академии наук. «Каким временем я располагаю?» — спрашиваю у Чиджун. «У вас два часа», — отвечает она. К счастью, речь идет об общей продолжительности встречи. Затем парадный обед с профессорами. Я вступаю в дискуссию о Тайване с одним из них. Вступятся ли за него США, если остров провозгласит независимость? Он уверен, что американцы останутся в стороне, хотя, по моему мнению, такое едва ли возможно.

21 сентября, Шанхай. Утренний визит в Далвич-колледж в Пудонге, китайский филиал известной лондонской школы. Мимо проносятся ряды небоскребов. «Насколько строга здешняя цензура?» — спрашиваю Чжан Шумэй, студентку, сопровождающую меня сегодня. «Публично можно обсуждать все, что угодно, но правительство лучше критиковать частным образом», — отвечает она. Мне хотелось посетить это учебное заведение, потому что Брайтон-колледж, независимая школа, правление которой я возглавляю, размышляет об открытии филиала в России. В ходе визита обнаруживается, что все учащиеся — «заграничные» китайцы; местные просто не могут определять сюда своих детей. «Почему?» — спрашиваю. Китайцы хотят сохранить свою национальную идентичность, и потому только иностранцам разрешают обучаться у иностранных педагогов. Но ведь сами китайцы посылают детей учиться за границу! Да, не очень-то логично...

Возвращаюсь в Шанхай; меня ждет Ян Цзыминь, заместитель директора Шанхайского института международных исследований. Он объясняет мне, что Китай — держава, заинтересованная в поддержании *status quo*, в то время как США — революционная сила, заинтересованная в разрушении сложившегося равновесия. Международное право может изменяться только по всеобщему согласию, но не американцами единолично. Как марксист, он убежден, что надстройка будет меняться вместе с базисом, следовательно, демократизация в Китае неизбежна, но она будет медленной, и надо набраться терпения. Китай — «социалистическая и развивающаяся страна». Социализм обязан противостоять капитализму. Экономическое развитие усугубляет неравенство, и поэтому социалистическое планирование необходимо. Разрешено ли ему говорить правду на публике? Профессор отвечает, что когда быть правдивым было нельзя, он не лгал, а просто избегал неудобной темы. Он рассказал мне, что в годы «культурной революции» его отправили на перевоспитание в деревню, и дал понять, что снова рисковать не собирается.

Где-то около четырех пополудни меня и моих компаньонов застал проливной дождь. Мы укрылись у «М» — в известном ресторане. В торговом центре прямо тут же я купил чемодан за 100 юаней (12 долларов). Я замечаю на купюрах профиль Мао, хотя вождь умер три десятилетия назад.

22 сентября, Шанхай. Утром посещаю старый город Сучжоу, называемый «китайской Венецией». Во дворе отреставрированного храма Дао вижу выточенные из камня символы инь и ян. Отказ от дуализма духа и материи, добра и зла, присущий китайской мысли, объясняют мне, отличает китайское мышление от западного.

После полудня выступаю с лекцией о Кейнсе и глобализации в Школе передовых исследований. Аудитория — около 200 студентов и преподавателей. Тема сложная, но переводчик, кажется, справляется.

Вечером у нас круиз по реке Хуанпу — на горизонте впечатляющая панорама нового Шанхая. Некоторые образцы современной архитектуры и притягательны, и удивительны: на той стороне реки, где находится район Пудонг, доминирует телевизионная башня «Восточная жемчужина», карандашом вонзающаяся в небо, с двумя огромными сферами, меняющими цвет.

23 сентября, Тяньцзинь. Лечу в Тяньцзинь, где жил в 1947–1948 годах, посещая колледж Святого Людовика — французскую школу, принадлежавшую одному из католических орденов. Самым известным среди ее учеников был Чжоу Эньлай. Говорят, придя к власти, он заботился о своем городе. В самолете беседуем с Лиан Сианем о Мао, конфуцианстве и западных ценностях. Он одновременно преподает в Женеве и в Школе передовых исследований. Его родители были высокопоставленными функционерами коммунистической партии, и он защищает вождя. Я спрашиваю, почему китайское общество воздерживается от публичного подведения итогов правления Мао. Он отвечает, что большинство китайцев отнюдь не готово отказаться от маоизма. «Великий кормчий» допустил много ошибок, но его цели были вполне благими. Со Сталиным и Гитлером произошло то же самое, возражаю я. Но Мао нельзя сравнивать с ними, говорит Лиан, потому что он не убивал людей без разбора, хотя, конечно, из-за его политики миллионы умерли от голода. Иными словами, хорошее и плохое всегда соседствуют, в любой системе и в любом человеке. У Мао было что-то от конфуцианца. В личной жизни он был чрезвычайно скромным, потомки его небогаты, он хотел, чтобы общество было здоровым. Сам Лиан — конфуцианец; по его мнению, из европейцев только иезуиты сумели правильно понять учение Конфуция.

Вместе со своей «командой» останавливаюсь в старейшем в Китае европейском отеле «Астор-хаус», построенном в 1863 году. Он расположен неподалеку от исторического центра города, изобилующего величественными и классическими зданиями банков, построенных в 1920-х годах и украшенных впечатляющими колоннами и мраморными интерьерами. Ныне отель расширен, но для меня нашли комнату в его старой части. Я жил здесь с семьей в 1947–1948 годах, когда мой отец получил временную работу управляющего, а между родителями назревал развод, о чем я тогда, разумеется, не догадывался. Воспоминание о длинных, широких коридорах не подвело меня — именно такими они и оказались. По их бесконечным дорожкам я гонял электрическую машинку, подаренную отцом на мое восьмилетие.

Менеджер знакомит нас с историей здания. Здесь останавливались многие знаменитости: их старые фотографии и портреты украшают стены. Открывает эту галерею основатель отеля, потом следуют генерал Чарльз Гордон, Сунь Ятсен, Герберт Гувер, Улисс Грант, Банчар-лама, Чжоу Эньлай. Бывший мальчик-император Пу И и его жена часами танцевали в бальном зале отеля в 1920-е годы — до того, как он, поддавшись на уговоры японцев, стал марионеточным правителем Маньчжурии в 1930-е годы. Я прошу менеджера включить принадлежавший Сунь Ятсену металлический вентилятор, который слабо верещит.

Обед с Энтони Вонгом и Джоном Ханем, старыми друзьями из колледжа Святого Людовика. Хань рассказывает, что он приобщился к католической вере не благодаря монахам, а влюбившись в девушку-католичку. Взаимной любви не получилось, и он сильно страдал. Затем женился на русской и в результате опять пострадал. Самой престижной должностью, которую ему

удалось получить, стало место помощника библиотекаря в медицинском институте. Вонга, лингвиста и тоже католика, не допускали к преподаванию вплоть до кончины Мао. Будучи школьным учителем, он подвергся гонениям во времена «культурной революции». Мои друзья — вежливые и очаровательные пожилые джентльмены.

После обеда настаиваю на посещении Даблин-роуд, где я жил с бабушкой по материнской линии, с сестрой моей матери Тамарой и ее сыном Алеком. К

Мне объясняют, что международное право может изменяться только по всеобщему согласию, но не американцами единолично

моему огорчению, на месте дома № 5 мы обнаружили огромный котлован: там строили станцию метро. Прочие дома по соседству не тронули; но вот дом с гостиной, где мы играли в шашки с тетушкой Тамарой, и комнаткой, в которой обитал наш мальчик-слуга, исчез навсегда. В замечательных мемуарах о Тяньцзине Брайан Пауэр рассказывает, что в тот период Даблин-роуд изобиловала борделями и прочими злачными местами. Скорее всего, я был слишком юным, чтобы обращать на них внимание.

Напротив нашего исчезнувшего дома замечаю стены старой синагоги. Там, где был овраг, по дну которого раньше бежал ручей, теперь пролегла автострада. Еще дальше проходит метро, а на месте старой британской концессии выстроились небоскребы. Входим в синагогу, где при коммунистах располагался ресторан. Сейчас израильские евреи пытаются собрать деньги на ее восстановление. Но сколько евреев осталось в самом Тяньцзине? Разговорились со старой китайкой — «ветераном», как называют таких людей коммунисты. Ее семью поселили на нашей улице после того, как отсюда уехали все европейцы. Она помнит «советских» из дома № 5 — вероятно, это были моя бабушка и ее семья, которые жили здесь до начала 1950-х годов, пока моя мама не смогла перевезти их в Бразилию.

24 сентября, Тяньцзинь. Тяжелый день. Сначала пытаемся разыскать магазин бабушки и дедушки, находившийся неподалеку. Тут продавалась продукция их загородной молочной фермы. Магазин располагался на территории бывшей британской концессии: сейчас тут скопище новостроек и почти развалившихся домишек, магазинчиков и кафе, которые выглядят так же, какими они были шесть десятилетий назад. Вокруг нас снуют велосипеды. Прослышав о нашем появлении и поиске, появляются несколько старушек. Одна припоминает еврейскую швейную фабрику. Другой кажется, что молочный магазин мог находиться поблизости от ресторана Кислинга, все еще работающего, но переехавшего в другое здание. Пожилые дамы вежливы и очень хотят помочь. В нашу оживленную беседу включаются все вокруг — мужчины и женщины, молодые и старые. Один из самых ярких контрастов между Китаем и Россией — это невероятное количество стариков, которое видишь в первой из этих стран. В России многие мужчины умирают, не дожив до 60. Китайцы сейчас столкнулись с серьезнейшей проблемой старения населения, возникшей в результате проведения политики «одна семья — один ребенок». А отличие от Индии заключается в том, что здесь нет нищих. И, несмотря на многочисленное население, в Китае давление людской массы чувствуется не так остро, как в Индии.

Другой старый приятель из колледжа Святого Людовика Исаак Хуан показывает за обедом старые школьные фото. Братья католики обратили Исаака в свою веру, он был церковным активистом и поэтому в течение двадцати лет мог заниматься только физическим трудом.

После обеда отправляемся на территорию бывшей французской концессии, где раньше стоял наш колледж. Его массивное здание из красного кирпича было разрушено вскоре после прихода коммунистов к власти, а на освободившемся месте построили больницу. Сейчас и ее собираются сносить, чтобы расчистить место для школы. По-видимому, ее назовут «Новой школой Людовика», ибо дополнение «Святого» вряд ли будет корректным.

В школьном реестре я зарегистрирован среди тридцати двух первоклассников, зачисленных 23 сентября 1947 года, как британец по происхождению и протестант по вероисповеданию. Среди мальчиков я был одним из двух британцев и трех протестантов. Большинство составляли католики или православные, четверо были записаны как «евреи», а восемь — как «язычники». Последними были китайцы. Монахи-попечители относились к своей религиозной миссии очень серьезно и активно пытались обратить нас в католическую веру. Помню, как брат Отто пытался убедить нас в том, что католики лучше протестантов, поскольку больше жертвуют бедным. Полагаю, что меня пытались отвратить от протестантизма не из-за моего английского происхождения, но потому, что я прислуживал у алтаря в церкви Всех Святых.

В книге Дэвида Халма «Тяньцзинь» довольно подробно, хотя и не всегда лестно, повествуется о моем пребывании в колледже Святого Людовика. Автор ссылается в основном на воспоминания японского мальчика Ацуо Цукады, который стал моим лучшим другом и по сей день остается таковым. Читать обо всем этом сейчас не слишком приятно, ибо первое время я безжалостно издевался над Ацуо из-за его неправильного английского и «язычества». Мир между нами установила моя мать. Как-то раз она пригласила Ацуо к нам на чай и обращалась с ним как с дорогим родственником. Именно тогда я решил, что японец должен стать моим лучшим другом, хотя его самого я о своем решении не известил.

Отправляясь обедать, сел в велорикшу — этим же видом транспорта я пользовался, добираясь в школу и из школы. В 1947 году по обеим сторонам тележки качались бронзовые лампы, пассажира скрывал навес. Зимой меня укутывали теплым одеялом, защищавшим от ледяного ветра монгольских степей. У моего рикши был длинный ноготь на мизинце, а зимой он носил стеганный костюм. Когда он сморкался, то вытирал нос рукавом, а длинный ноготь использовал для чистки носа.

Детские воспоминания бывают порой довольно странными. Шло лето 1948 года, и наш класс на поезде отправился на экскурсию в Пекин. Гражданская война подступила очень близко к нашим местам. На обратном пути мы долго ждали, пока восстановят взорванные пути. Но более всего из этого путешествия мне запомнилась огромная плевательница, стоявшая в центре нашего вагона. Меня пригласили поучаствовать в ритуале ее наполнения. В то время китайцы были настоящими виртуозами плевков, хотя сейчас все это уже в прошлом.

Согласно школьному реестру, 27 ноября 1948 года стало моим последним днем в школе. Почти сразу после этого нам пришлось эвакуироваться в Гонконг на британском миноносце. Заголовки из гонконгской газеты де-

кабря 1948 года гласили: «Фу [генерал националист Фу Чжуи] уверенно держит Северный фронт» и чуть позднее: «Шанхай будут защищать до последней капли крови». Вскоре после этих сообщений войска националистов прекратили сопротивление.

25 сентября, Пекин. В столицу еду на поезде. Путешествие в комфортабельном двухэтажном вагоне занимает полтора часа. Останавливаюсь в роскошном отеле «Капитал» с прекрасным видом на Запретный город.

Затем — встреча с экономистом Дэвидом Ли из университета Цинхуа, возглавляющим аналитический центр, который поддерживается компанией ВР. Китайцы, объясняет он, вынуждены экономить, поскольку почти полностью лишены социальных гарантий. А сельские жители откладывают даже больше городских, хотя зарабатывают гораздо меньше. Он хочет, чтобы сельское население из центральных и западных районов переселялось в прибрежные города, где можно экономить меньше, а потреблять больше. По его мнению, это благотворно отразилось бы на сокращении платежного дефицита в китайско-американской торговле. Но тогда перенаселение городов неизбежно, возражаю я и в качестве альтернативы предлагаю вкладывать деньги в развитие инфраструктуры села. Он не верит в это, зато Лондон кажется ему примером успешной урбанизации. Интересно, приходилось ли моему собеседнику ездить по М25 — лондонской кольцевой автодороге?

Роберт Скидельски с матерью. Харбин. 1942

26 сентября, Пекин и Харбин. Густой туман висит над Пекином. Говорят, что это из-за загрязнения воздуха. Мы едем к летнему дворцу вдовствующей императрицы — интересно снова побывать в тех местах, где я фотографировался в 1948 году. Дворец был разграблен британскими и французскими солдатами в ходе «опиумной» войны 1856–1860 годов*. Императрица отстроила его на деньги, предназначенные для нужд военно-морского флота; в результате Китай был разгромлен Японией в 1895 году. По крайней мере, такова легенда. Дворец снова серьезно пострадал во время «боксерского восстания» и реконструирован в 1902 году. Его главная достопримечательность — корабль, высеченный из мрамора.

В полдень у меня лекция в Китайском институте международных исследований — структуре, тесно связанной с министерством иностранных дел. Ма Женьган, бывший посол в Лондоне, обстоятельно знакомит меня с китайской внешней политикой. Уже опаздывая, спешу на самолет в Харбин.

* *Англо-франко-китайская война (вторая «опиумная» война) продолжила колонизацию Китая, начатую в ходе англо-китайской (первой «опиумной») войны 1840–1842 гг. — Прим. ред.*

В отель «Модерн» прибываем в 8 вечера. По рассказам родственников, в этой старой гостинице мой двоюродный дедушка Соломон встречался с любовницей. Мне достался номер, в котором в 1927 году останавливалась мадам Сунь Ятсен, а в 1936 году — Шаляпин. Мать рассказывала мне, как он приезжал, как они встретились, как он приглашал ее на прогулки. Ей тогда было 18, и она была ослепительно красива. Номер огромен, но крайне неудобен. Есть элегантный стол-бюро, но когда я пытаюсь подключить ноутбук, гаснет свет.

Встречаюсь с У Ва, президентом Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и директором Еврейского исследовательского центра, а также с группой профессоров, исследователей, переводчиков, которые не отпускали меня почти до полуночи. Они восхищены тем, какая честь оказана Харбину визитом английского лорда, представляющего одну из наиболее известных здесь еврейских семей. На прощание мне вручают «расписание» банкетов, визитов и презентаций, включающее двухчасовое интервью и пространный доклад. Я чувствую, что мне суждено быть вовлеченным в их программу по изучению харбинских евреев. Они делают фильм на эту тему, чтобы укрепить китайско-еврейское взаимопонимание и добиться прочих благородных целей. Я рад, конечно, участвовать в проекте, связанном с историей евреев, но тут очень важно не слишком увлекаться. Замечаю моим друзьям, что глубоко интересуюсь историей семьи Скидельских, но и семья моей матери, которая не имела к евреям никакого отношения, мне столь же дорога. Более того, я приверженец англиканской церкви, а в синагоге был единственный раз — на бракосочетании друга. Впрочем, на моих собеседников все это не производит ни малейшего впечатления.

27 сентября, Харбин. Утром Еврейский комитет везет меня на еврейское кладбище на окраине города. Нас 14 человек. Именно здесь похоронен мой прадедуська Моисей, умерший, судя по надгробию, в нищете в 1951 году в возрасте 76 лет. Первоначальное захоронение было перенесено сюда из города в 1963 году. Мой отец любил рассказывать истории о Моисее. Он был известен хорошим вкусом и расточительностью; возможно, именно поэтому его постепенно исключили из семейного бизнеса. После прихода коммунистов ему позволили остаться в Харбине, поскольку он не был активным предпринимателем, но, конечно, никаких доходов у него больше не осталось. Сейчас за могилой ухаживает муниципалитет и израильская благотворительная организация. В моих руках внезапно оказывается букет цветов, и я кладу его на могилу. Мне предлагают произнести речь. Но что можно сказать, кроме того, что я здесь для того, чтобы отдать дань памяти семье отца, Харбину и евреям этого города? Кладбище всегда навевает меланхолию, а уж в тех местах, где у мертвых нет никакой связи с живыми, это вдвойне так.

На обратном пути леди из информационного агентства Синьхуа спрашивает меня, нужно ли было Кейнсу жениться*. Определенно, она весьма «продвинутая». Лиан говорит, что гомосексуализм был традиционен и в Китае. Наряду с 4 или 5 женами у китайских мандаринов времен Конфуция были и мальчики. Нынешняя враждебность к геям завезена сюда из

---

* Речь идет о гомосексуальной ориентации Дж.М. Кейнса (См. Р. Скидельски. *Джон Мейнард Кейнс. Экономист, философ, государственный деятель. 1883–1946.* М.: Московская школа политических исследований, 2005). – Прим. ред.

Европы. Я объясняю, может и неправильно, что европейцы недолюбливают «перебежчиков», то есть таких, в которых смешались инь и ян. Человеку предназначено быть либо тем, либо другим.

Мы собираемся в синагогу. Современный Харбин — город с почти трехмиллионным населением. В прежние времена в этом «Восточном Париже» среди 200 тыс. русских и такого же количества китайцев жили около 20 тыс. евреев. После революции местные евреи оказались между двух огней: часть русских была настроена просоветски, а другая часть — антисемитски. Но я не слышал, чтобы моя семья была втянута в эти распри.

Рассказываю членам Еврейского комитета известную семейную историю о том, как мой двоюродный дед Соломон получил в концессию Мулинскую угольную шахту у местного военачальника Чань Цолина. Оба любили покер, но Соломон играл лучше. Он позволил выигрывать у себя в течение полугода и тем самым привел военачальника в такое хорошее расположение духа, что тот подписал контракт на тридцатилетнюю аренду шахты без отчислений от прибыли.

*Они делают фильм о харбинских евреях,
чтобы укрепить китайско-еврейское
взаимопонимание*

---

28 сентября, Харбин. Просыпаюсь с головной болью и режью в животе. Мы едем к дому Скидельских на Большом проспекте. И хотя здание больше, чем кажется на фотографиях, от него осталась лишь тень прежнего величия. В былые времена дом был окружен обширными лужайками и смотрел в чистое поле, но сейчас разросшийся город зажал его небоскребами. В 1945 году он был разграблен, а потом, подобно множеству других частных владений, минимально поддерживался государством — в данном случае как клуб для ветеранов Народно-освободительной армии. В прежней гостиной на белых диванах сидят древние старики. Когда директор представляет меня как «бывшего владельца», они тепло приветствуют меня. Один ветеран даже вежливо благодарит меня за разрешение жить в моем доме! Я не говорю, что никакого разрешения у меня и не спрашивали.

29–30 сентября, Шанхай. Ранним утром возвращаемся в Шанхай. Но почему во множестве высотных домов не видно света? Хань говорит, что большинство квартир куплено для перепродажи и пока в них никто не живет. Прощальный ужин с моими китайскими друзьями. На следующее утро все трио отправляется со мной в аэропорт. Прощание...

Два фильма во время полета — трагикомедия Вуди Аллена «Мелинда и Мелинда» и «Дом летающих кинжалов» — китайский фильм о боевых искусствах. В работе Аллена комедии с избытком, а трагедии вовсе нет. Китайский фильм о бедствиях страны в IX веке кажется фантастичным и весьма проникновенным. Наша цивилизация обычно не способна творить сказки или трагедии, потому что жизнь соткана из проблем и их решений, а фантазия или трагедия предполагает отсутствие решений. Интересно, сколько же времени надо, чтобы китайцы стали похожими на нас?

Перевела с английского Юлия Рейнская

Френсис Фукуяма,
профессор университета
Джона Гопкинса (США)

Идентичность, иммиграция и либеральная демократия*

С наступлением XXI века, к сожалению, стало ясно, что либеральная демократия продолжает сталкиваться с многочисленными вызовами. Один из них стал особенно очевиден для американцев после 11 сентября 2001 года — это джихадистский терроризм. Большинство американцев склоняется к тому, чтобы рассматривать джихадистскую проблему как нечто, происходящее из таких неблагополучных стран, как Саудовская Аравия, Пакистан, Афганистан и других частей Ближнего Востока. Поскольку джихадизм есть нечто, происходящее «где-то там», то решение проблемы может состоять либо в том, чтобы отгородиться от него, либо, как пытается делать администрация Буша, в походе «туда», дабы вырвать корни проблемы, свергая диктаторов и продвигая демократию.

Нет сомнений в том, что мусульманский мир создает проблемы, но более серьезный долговременный вызов для либеральных демократий связан с интеграцией иммигрантов, особенно из мусульманских стран, в качестве граждан плюралистических демократий. Европа стала полем битвы между радикальным исламом и либеральной демократией.

Знаки беды распространяются по всей Европе: взрывы в Мадриде 11 марта 2004 года; убийство голландского кинорежиссера Тео Ван Юга Мохаммедом Боуйери в Амстердаме 2 ноября 2004-го; лондонские взрывы 7 июля 2005-го; мятеж, учиненный во французских пригородах в ноябре того же года. Мусульмане составляют 7–8 процентов населения во Франции и свыше 6 процентов в Нидерландах, а в таких городах, как Роттердам, их уже почти большинство. Даже без пополнения иммиграции извне высокий уровень рождаемости в общинах меньшинств ведет к увеличению их доли в составе населения.

В большинстве европейских стран активизировались правые популистские партии: Национальный фронт во Франции, Фламандский блок в Бельгии, Народные партии в Дании и Швейцарии, Партия свободы в Австрии. Более того, европейские эксперты, журналисты и поли-

* Лекция памяти Сеймура Мартина Липсета, прочитанная 19 октября 2005 года в Мунковском центре международных исследований университета Торонто // *Journal of Democracy*, April 2006, Vol. 17, № 2. Публикуется с сокращениями.

тики, до недавнего времени избегавшие темы мусульманской иммиграции, все больше говорят, иногда в очень алармистском духе, о растущей опасности «Еврабии».

Идентичность и брешь в либеральной теории

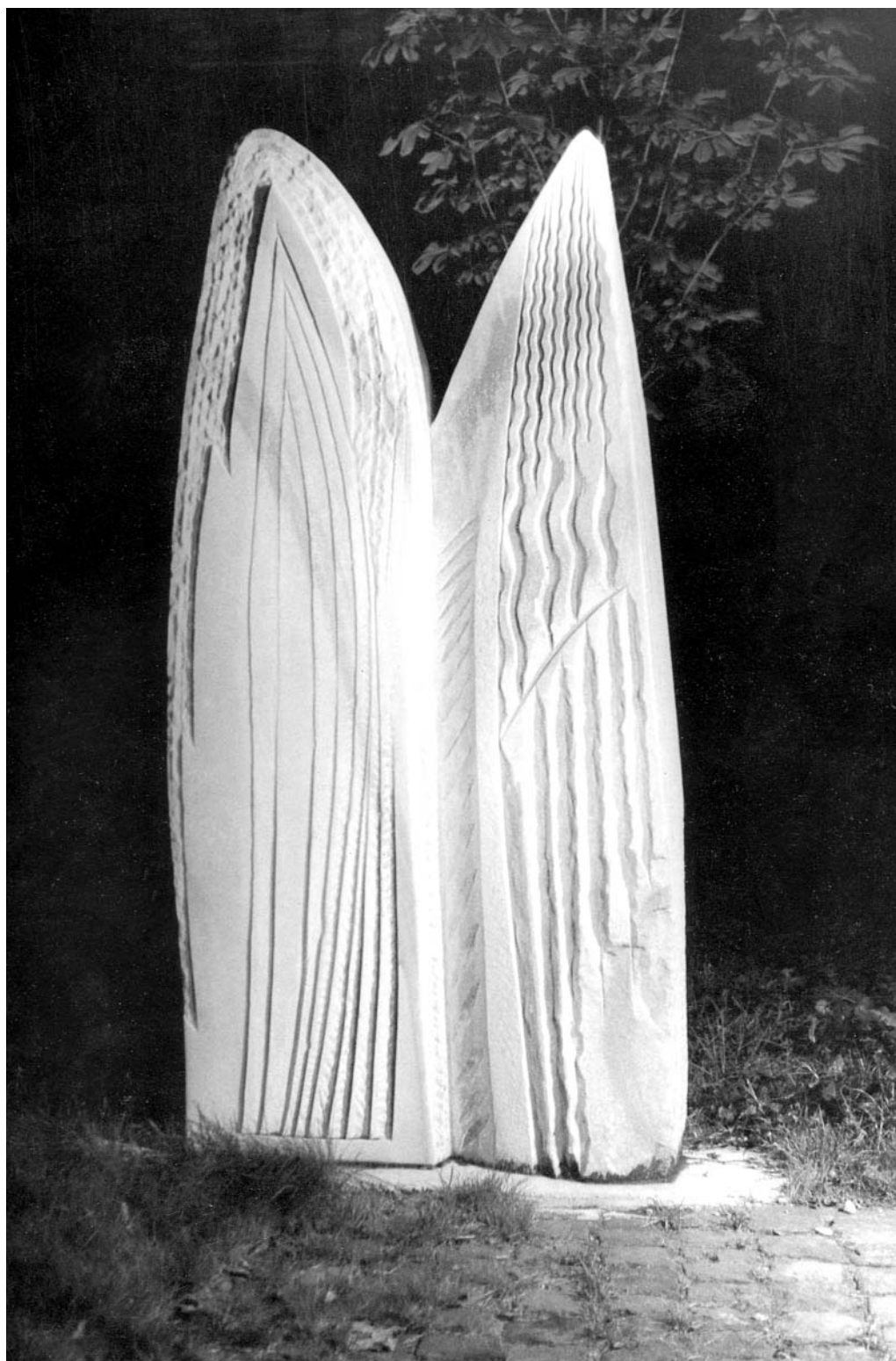
Линия современной политической теории, берущая начало от Макиавелли и продолженная Томасом Гоббсом, Джоном Локком, Жан-Жаком Руссо и американскими «отцами-основателями», трактует вопрос о политической свободе как предмет противостояния государства и личности, а не групп. Современный либерализм родился во многом как реакция на религиозные войны, следовавшие за протестантской реформацией в Европе. Либерализм выработал принцип веротерпимости, то есть идею, что религиозные цели не могут достигаться в публичной сфере путем, ограничивающим религиозную свободу других церквей или сект.

Когда современный либерализм провозгласил принцип невмешательства государства в дела вероисповедания, без ответа остался вопрос, насколько широкой может быть свобода личного вероисповедания, чтобы не нарушать права людей, принадлежащих к иным религиозным сообществам или традициям. Свобода культурных групп защищать свою групповую идентичность не рассматривалась как центральная проблема американскими «отцами-основателями», поскольку новые обитатели Северной Америки были относительно однородными в культурном отношении. Джон Джей (первый Верховный судья США. — *Прим. ред.*) писал в № 2 «Федералиста»: «Провидение даровало единую страну единому народу — народу, имеющему одних и тех же предков, говорящих на одном и том же языке, исповедующему одну и ту же религию, приверженному одним и тем же принципам».

Канадский философ Чарльз Тейлор описывает историческое развитие понятия

идентичности. Жан-Жак Руссо доказывал, что существует колоссальное различие между тем, как мы предстаем вовне, в обрамлении социальных обычаев и обусловленных историческим временем привычек, — и нашей внутренней жизнью. Счастье — в восстановлении внутренней аутентичности, «чувства существования», скрытой ощущениями социальной зависимости. Эту идею позднее развил немецкий философ Иоганн Готфрид фон Гердер, доказывавший, что носителями внутренней аутентичности являются не индивиды, а народы. Тейлор пишет: «Этот мощный моральный идеал дошел до нас. Он определяет моральную важность через самость, через внутреннюю природу человека, которую он осознает, преодолевая давление внешнего общественного конформизма».

Тейлор подчеркивает, что современная идентичность представляет собой политический феномен, поскольку в обязательном порядке требует признания. Самость человека является не только предметом внутреннего убеждения, она должна быть признана другими людьми, чтобы представлять ценность. Однако чем дальше, тем больше признания, основанного на общей гуманности, становилось недостаточно, особенно для тех групп, которые ранее были дискриминированы. Поэтому появились требования признания групповой идентичности, в частности общественного признания равноправия ранее маргинализированных групп: квебекцев, афроамериканцев, женщин, гомосексуалистов. Не случайно об этом написал канадец Тейлор, поскольку современный мультикультурализм во многом берет начало в Канаде — от претензий франкофонов на признание их права считаться «достойным обществом». Последующая кодификация этого права в «поправке озера Мич» к канадской Хартии прав и свобод стала нарушением либерального принципа равенства личностей: франкоговорящие получили права, которых не имели англоговорящие. Мультикультурализм, понимаемый не

Дитер Хоних. Большая рельефная стелла "Ангел". 1984

только как терпимость к реально существующему культурному разнообразию, но как требование легального признания прав этнических, расовых, религиозных или культурных групп, восторжествовал во всех либеральных демократиях.

Радикальный исламизм и политика идентичности

Радикальная исламистская идеология, вдохновившая многие из террористических атак последнего десятилетия, должна рассматриваться в значительной степени как проявление современной политики идентичности, а не как порождение традиционной мусульманской культуры. Это утверждение было подробно обосновано французским ученым Оливье Руа в его книге «Глобализированный ислам». Вопрос о мусульманской идентичности не существовал в традиционном мусульманском обществе. Там личная идентичность задавалась родителями и социальным окружением человека. Всё — от племени, близких и местного имама до политического устройства государства — привязывало человека к определенному направлению исламской веры. Это не было вопросом личного выбора. Подобно иудаизму, ислам — весьма легалистская религия, то есть религиозная вера покоится на соблюдении ряда крайне жестких общественных установлений. Эти установления были локализованы в соответствии с традициями, обычаями и практиками тех или иных мест. Согласно О. Руа, идентичность становится проблемой, когда мусульмане покидают свои традиционные общества, например, эмигрируя в Западную Европу. Идентичность мусульманина более не поддерживается внешним окружением, и, разумеется, он оказывается под мощным давлением, принуждающим его принять господствующие на Западе культурные нормы. Вопрос об аутентичности принимает формы, неведомые традиционному обществу, поскольку появляется разрыв между

осознанием себя членом мусульманской общины и поведением в окружающем социуме. Это выражается в постоянных вопросах к имамам на исламистских сайтах: что есть «харам» (запрещенное) и что есть «халяль» (разрешенное). К примеру, вопрос о том, является ли «харамом» рукопожатие с женщиной-профессором, не может возникнуть в Саудовской Аравии, поскольку там невозможна такая социальная категория.

Понимание радикального исламизма как формы политики идентичности объясняет, почему он увлекает европейских мусульман второго и третьего поколений. Иммигранты первого поколения обычно не испытывали психологического разрыва со своими родными местами и соблюдали традиционные практики в своем новом доме. Их дети, напротив, часто не принимали религиозность своих отцов, но при этом не интегрировались в окружающую их западную культуру. Оказавшись между двумя культурами, они откликнулись на призыв универсалистской идеологии, предложенной современным джихадизмом.

У радикальных идеологий есть источники и на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия, Пакистан, Иран и Афганистан экспортируют радикальный исламизм, в будущем к ним может присоединиться Ирак. Но это не опровергает анализ Руа, поскольку эти общества находятся в конфронтации с современностью, что порождает кризис идентичности и радикализацию. Глобализация разрушила границы между развитым миром и мусульманскими обществами. Не случайно многие из участников недавних террористических актов были европейскими мусульманами или выходцами из привилегированных кругов мусульманского общества, имевшими возможность контактировать с Западом.

Если понимать радикальный исламизм как современный феномен, то надо сделать два вывода. Во-первых, мы уже сталкивались с подобной проблемой в связи с экстремизмом XX века, когда многие молодые люди примыкали к анархистам,

большевикам, фашистам. Как показали Фриц Штерн, Эрнест Геллнер и многие другие, модернизация и переход от традиционного общества к современному породили интенсивный процесс отчуждения, пережитый бесчисленным количеством индивидов в разных обществах. Сейчас пришла очередь мусульман.

Во-вторых, проблему джихадистского терроризма нельзя решить путем модернизации и демократизации Ближнего Востока. Убеденность администрации Буша в том, что терроризм порожден нехваткой демократии, игнорирует тот факт, что многие террористы стали радикалами, живя в демократических европейских странах. Было бы весьма наивно думать, что радикальные исламисты ненавидят Запад потому, что не знают каков он на самом деле. Модернизация и демократия — хорошие вещи, но в мусульманском мире в краткосрочной перспективе они не смягчают, а обостряют террористическую проблему.

Идентичность в Европе и в Северной Америке

Если мусульманам на Западе приходится выбирать между идентичностью своих родителей и идентичностью стран, в которых они живут, то в чем состоит последняя? Либеральные общества отличаются слабой идентичностью: многие люди в них гордятся своим плюрализмом и мультикультурностью и провозглашают, что их идентичность в том, чтобы не иметь идентичности. Но в действительности национальная идентичность по-прежнему существует практически во всех либеральных демократиях. Природа национальной идентичности в Северной Америке и в Европе различна, что объясняет сложности интеграции мусульман в таких странах, как Нидерланды, Франция и Германия.

Американская идентичность была одним из главных предметов исследований Сеймура Мартина Липсета в течение всей его карьеры, от «Первой новой нации»

до «Американской исключительности». Согласно Липсету, американская идентичность всегда имела политическую природу и определяется тем, что Соединенные Штаты появились в результате восстания против государственной власти. Американское кредо основывается на пяти главных ценностях: равенство (понимаемое как равенство возможностей, а не доходов), свобода (или антиэтатизм), индивидуализм (в том смысле, что люди сами определяют свое социальное положение), популизм и *laissez-faire*. Поскольку эти качества являются и политическими, и гражданскими, то теоретически доступны для всех американцев и сохраняют свое значение в течение всей истории республики. Социолог Роберт Белла некогда писал, что США имеют «гражданскую религию», и эта церковь открыта для всех, кто приезжает в эту страну.

В дополнение к аспектам политической культуры, американская идентичность происходит и от более узкой этнической традиции, которую Сэмюэл Хантингтон обозначил как «англо-протестантскую» культуру. Знаменитая протестантская трудовая этика, американская склонность к созданию добровольных ассоциаций (берущая начало в конгрегационалистской природе американской религии и сохранившаяся до сих пор), морализм американской политики — все это берет начало в англо-протестантском наследии. Но, хотя ключевые аспекты американской культуры восходят к европейской культурной традиции, к началу XXI века они далеко ушли от своего этнического происхождения и практикуются всеми американцами.

Европейская идентичность более запутанна. После Второй мировой войны в Европе распространилось сильное желание выработать новую толерантную и плюралистическую идентичность, подобную американской, — «пост-национальный» идеал, пропагандировавшийся интеллектуалами вроде Юргена Хабермаса и воплощенный в европейском проекте. Но, несмотря на успехи в создании сильного Европейского союза, европей-

ская идентичность остается чем-то идущим скорее от головы, чем от сердца. Под тонким слоем мобильной, космополитической Европы мало кто ощущает себя только европейцем и наполняется гордостью при звуках европейского гимна. Поражением европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 году население европейского «ядра» сказала элитам, что не готово отказываться от национальных государств и суверенитета.

Национальная идентичность — идентичность на уровне государств-членов ЕС — официально отброшена с началом европейского проекта. Современное европейское сознание начало формироваться под влиянием Первой мировой войны, которую европейцы сочли порождением национализма и бесконтрольного суверенитета. Фашистское прошлое многих европейских стран и плохие ассоциации с национализмом делают невозможным для немцев или испанцев размахивать национальными флагами, как это делали американцы после 11 сентября.

Тем не менее старая национальная идентичность бродит по Европе, как незванный призрак. В каждой из стран ЕС люди по-прежнему хорошо понимают, что значит быть французом, голландцем или итальянцем, даже если политкорректность не позволяет слишком громко говорить об этом или выносить такие вопросы на общее обсуждение. Национальная идентичность в Европе, в отличие от американской, по-прежнему в большей степени основана на принципах «почвы и крови». Она доступна только тем этническим группам, которые изначально проживали в этих странах.

В Германии, например, закон о гражданстве до 2000 года основывался на *jus sanguinis* (право крови), а не на *jus solis* (право почвы), то есть получить гражданство мог только человек, рожденный немецкой матерью. Турку второго или третьего

поколения, живущему в Германии и говорящему только по-немецки, было труднее пройти натурализацию, чем беженцу немецкого происхождения из России, не знающему ни единого немецкого слова.

Модернизация и демократия – хорошие вещи, но в мусульманском мире в краткосрочной перспективе они не смягчают, а обостряют террористическую проблему

Немцы часто говорили, что их страна, в отличие от Америки, не есть земля иммигрантов, несмотря на то что их города наполнены множеством неевропейских рабочих и беженцев.

Голландцы, напротив, славятся своим плюрализмом и толерантностью, им чуждо немецкое националистическое наследие. Однако в частной жизни голландцы остаются консерваторами: им гораздо проще терпимо относиться к культурным различиям, если те практикуются в другом, параллельном сообществе. Голландское общество мультикультурно, но не ассимилятивно, что вполне органично для общества, традиционно состоящего из раздельно существующих католической, протестантской и социалистической «колони».

Хотя в других европейских странах нет такой формализованной корпоративистской организации общества по колоннам, они склоняются к сходным вариантам мультикультурализма, то есть к сосуществованию раздельных культур, а не к созданию механизма интеграции ново-прибывших в господствующую культуру. Многие европейцы выражают скептицизм в отношении желания мусульманских иммигрантов интегрироваться, но при этом не приветствуют тех, кто на самом деле хочет этого, принимает язык и базовые культурные ценности доминирующего социума. В США же иммигрант первого поколения из Гватемалы или Вьетнама после принятия присяги гражданства может с гордостью назвать себя

американцем и никто не станет над ним смеяться.

Европейцы не без оснований утверждают, что для них проблема интеграции иммигрантов, в основном мусульман, сложнее, чем для Соединенных Штатов, где большую часть новых иммигрантов составляют испаноязычные, разделяющие христианские ценности местного населения. Кроме того, численность имеет значение: мусульман в США 2–3 миллиона при населении страны почти в 300 миллионов. Если бы доля мусульманского населения в Америке была как во Франции, их было бы свыше 20 миллионов.

В чем решение?

Решение проблемы требует двустороннего подхода, включающего изменения в поведении как иммигрантского меньшинства, так и членов доминирующих сообществ.

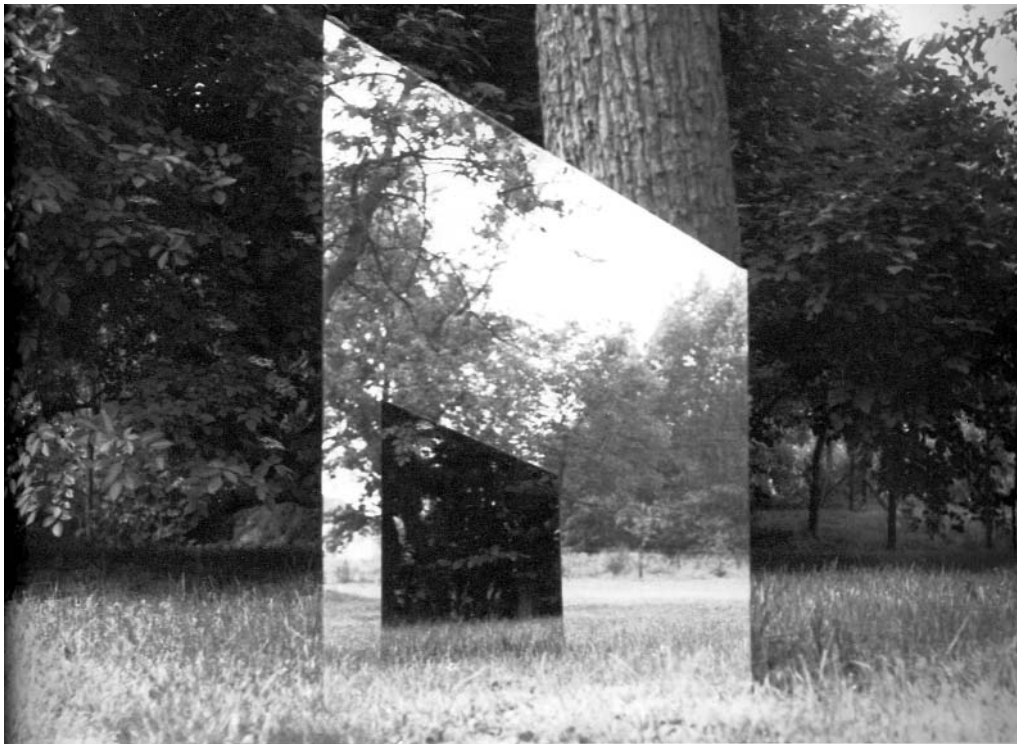
Первая сторона решения состоит в признании того, что старая мультикультуралистская модель провалилась в таких странах, как Нидерланды или Британия, и должна быть заменена более энергичными усилиями по интеграции незападного населения в общую либеральную культуру. Старая модель основана на признании прав групп. Уважение к культурным различиям было подменено предоставлением культурным сообществам слишком широких полномочий в определении правил поведения своих членов. Либерализм не может основываться только на уважении прав групп, поскольку не все группы разделяют либеральные ценности. Цивилизация европейского Просвещения, которой наследует современная либеральная демократия, не может быть культурно нейтральной, поскольку либеральное общество имеет свои ценности, главная из которых – равенство в достоинстве личности. Культуры, не принимающие этот базовый принцип, не заслуживают равной защиты со стороны либеральной демократии. Члены иммигрантских сообществ и покинув-

шие их люди должны пользоваться равными правами как личности, а не как члены общин. Перед законом мусульманская девушка имеет столько же прав, сколько христианка или иудейка, что бы там ни думали ее родственники.

Мультикультурализм в том виде, в каком он появился в Канаде, США и Европе, был в некотором смысле «игрой конца истории». Культурное разнообразие рассматривалось как некий орнамент на либеральном плюрализме, включающий этнические рестораны, красочные одежды и следы исторических традиций. Культурное разнообразие было чем-то относящимся главным образом к частной сфере, где оно не могло привести к каким-либо серьезным нарушениям личных прав или стать существенным вызовом либеральному общественному порядку. Если же и происходило вторжение в публичную сферу, как в случае с языковой политикой в Квебеке, отклонения от либеральных принципов рассматривались большинством скорее как казусы, чем как фундаментальная угроза либеральной демократии.

Однако некоторые из современных мусульманских сообществ требуют для себя прав, попросту несовместимых с либеральным принципом равенства личностей. Например, особые исключения из семейного законодательства, обязательного для всех остальных; право создавать религиозные школы с государственной поддержкой; право не допускать немусульман на некоторые общественные мероприятия. В некоторых крайних случаях мусульманские общины даже претендуют на изменение секулярного политического порядка в целом. Такие претензии являются откровенным посягательством на права других людей и выводят культурную автономию далеко за пределы частной сферы.

Просить мусульман поступиться своими групповыми правами для Европы сложнее, чем для США, так как многие европейские страны сохранили корпоративистскую традицию уважения коммунальных прав и не провели последовательное

Дитер Хоних. Зеркальная скульптура. 1967

отделение церкви от государства. Так, в Германии государство собирает налоги от имени протестантской и католической церквей, направляя средства на финансирование церковных школ. Даже Франция с ее сильной республиканской традицией не была последовательна в этом вопросе. После антиклерикальной кампании во время Французской революции наполеоновский конкордат 1805 года восстановил права церкви в образовании и применил корпоративистский подход к выстраиванию отношений государства и церкви. Например, отношениями с еврейской общиной ведало министерство культов через Израелитскую конгрегацию — и это во многом послужило моделью для недавней инициативы министра внутренних дел Франции Николя Саркози о создании авторитетного мусульманского органа, который представлял бы (и контролировал) мусульманскую общину во Франции. Даже в антиклерикальном законе 1905 года были исключения,

в частности для Эльзаса, где государство до сих пор поддерживает церковные школы.

Эти островки корпоративизма не представляли проблемы до появления крупных мусульманских сообществ. Большинство европейских обществ давно были секуляризованы, а потому некоторые уступки религиозным организациям казались безболезненными. Но тем самым был создан важный прецедент для мусульманских общин и препятствие для реального отделения церкви от государства.

Вторая сторона решения проблемы интеграции мусульман касается ожиданий и поведения большинства европейцев. Национальная идентичность не исчезла и зачастую по-прежнему понимается в духе, исключающем возможность ее принятия новыми гражданами, не имеющими тех же этнических и религиозных корней, что и местные жители. В качестве первого шага стоило бы поставить прави-

ла натурализации и принятия гражданства на неэтнический фундамент. Национальную идентичность всегда определяет общество; она складывается вокруг истории, символов, героев и преданий, которые сообщество рассказывает о себе. История национализма XX века сделала дискуссии о национальной идентичности запретной темой для многих европейцев, но в свете фактического разнообразия европейского общества этот диалог надо возобновить.

Многие европейцы говорят, что американский «плавильный котел» представляет собой уникальный опыт и не может быть перенесен в Европу. Возможно, это так, но в этом случае Европу ожидает социальный взрыв. Американцы могли бы кое-чему научить европейцев по части формирования открытой национальной идентичности. Американская жизнь полна квазирелигиозных церемоний и ритуалов, посвященных демократическим политическим институтам страны: церемония подъема флага, присяга натурализации, День благодарения, День независимости четвертого июля. Европейцы же, напротив, приложили много сил, чтобы освободить политическую жизнь от ритуалов. Европейцы с циничным пренебрежением относятся к американским проявлениям патриотизма. Но такие церемонии играют критически важную роль в ассимиляции новых иммигрантов в политическую и социальную жизнь Америки.

Еще важнее роль государства благосостояния и экономики. Европейцы упорно держатся за послевоенную модель государства благосостояния и отвергают американскую социальную модель, как бессердечную. Но европейская модель приносит ощутимый вред делу интеграции культурно далеких иммигрантов. Большинство иммигрантов едет в Штаты в поисках работы, в Европу же из-за негибких законов о труде и щедрых вспомоществований иммигранты едут не за работой, а за благосостоянием. Во многих мусульманских общинах Европы до половины населения живут за счет разных

государственных субсидий, что еще больше увеличивает отчуждение и безнадежность.

Европейцы не могут честно подходить к проблемам интеграции мусульман из-за преувеличенной политической корректности. Правоцентристские партии, которые должны бы начинать такую дискуссию, опасаются обвинений со стороны левых в расизме и старомодном национализме; боятся уйти слишком далеко направо. Это большая ошибка. Крайние правые могут вернуться в большую политику, если партии мейнстрима не будут принимать проблему всерьез. К сожалению, потребовались акты насилия, чтобы более честная дискуссия началась в Нидерландах, Британии и Франции. Нидерланды после убийства кинорежиссера Тео Ван Гога (он снял фильм «Покорность» о положении женщины в мусульманском обществе) зашли в этом отношении дальше других. Пусть даже с популистскими и расистскими перехлестами в риторике, но дискуссия наконец началась.

Дилемма иммиграции и идентичности в конечном счете является составной частью более общей проблемы: бесценности постсовременности. Возросший релятивизм делает для постсовременного человека невозможным определить позитивные ценности, которые он готов отстаивать. Иммиграция жестко ставит перед нами вопрос, сформулированный Сэмюэлем Хантингтоном: «Кто мы»? Легко согласиться с тем, что элементами общей культуры являются пиво и футбол, но куда труднее прийти к согласию о том, какие аспекты национальной истории важны.

Если постсовременное общество всерьез хочет разобраться в проблемах идентичности, оно должно заново открыть для себя позитивные ценности, объединяющие людей. Если оно этого не сделает, то будет разрушено людьми, которые точнее понимают, кто они.

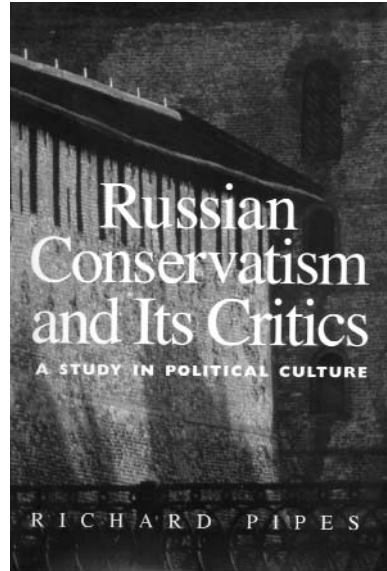
Перевел с английского Юрий Гуренко

Константы русского консерватизма

Richard Pipes. *Russian Conservatism and its Critics: A Study in Political Culture.* — *New Haven & London: Yale University Press, 2005.* — 216 p.

Выход очередной книги Ричарда Пайпса — всегда заметное событие. Конечно, чтение это не назовешь приятным, особенно в свете тех невеселых видов на будущее, которые с удивительным постоянством раскрывает перед российским читателем гарвардский историк. Но, во-первых, поиск истины вообще занятие малоприятное, причем в иных ситуациях «умножение скорби» и вовсе гарантировано. Во-вторых, на фоне официальной эйфории, которой сопровождается подъем «энергетической сверхдержавы», рассуждения одного из самых проницательных знатоков России все-таки отрезвляет, побуждая к мыслительной работе. Наконец, в-третьих, и это, пожалуй, самое важное, прежде чем подвергать американского мыслителя патриотической критике, неплохо было бы разобраться, что именно огорчает нас

больше: тот факт, что мы именно такие, какими нас описывает Пайпс, или же то обстоятельство, что он осмеливается об этом высказываться?

Тема новой монографии, как это видно из ее названия («Русский консерватизм и его критики»), — русский консерватизм — явление, во многом предопределившее состав доминирующей политической культуры не только в имперской, но также в коммунистической и даже демократической России. Благодаря чему наша страна с таким удивительным постоянством воспроизводит одну и ту же управленческую модель — практически никем и ничем не ограничиваемую власть одного человека? Идейной основой, цементирующей подобный порядок вещей, всегда выступал отечественный консерватизм. На первых же страницах автор подчеркивает его отличие от западного консерватизма: «В то время как на Западе консервативная идеология возникла в качестве реакции на эксцессы Просвещения, выплеснувшиеся в ходе Великой французской революции, в России консерватизм всегда был базовой теорией власти: его последовательно поддерживала корона, и он доминировал в общественном мнении» (с. XII). В силу той социально-политической роли, которую играло русское самодержавие, консервативная идеология в нашей стране безраздельно доминировала над иными течениями политической мысли. Во многом именно из-за нее Россия, произведя при Петре Великом и его преемниках колоссальные технические и культурные заимствования на Западе, стойко отторгала (и по-прежнему отторгает) европейские политические ценности и институты.

На мой взгляд, читателю, уже знакомому с исторической концепцией Пайпса, первая часть книги, в которой анализируются особенности отношений собственности и влияние, оказываемое ими на организацию русского государства, покажется наименее интересной. Здесь в очередной раз воспроизводятся ключевые тезисы его книг, уже изданных по-русски: в первую очередь «Россия при старом режиме» и «Собственность и свобода». Впрочем, «изюминка» рассматриваемого здесь сочинения не в этом; согласно авторскому мнению, наша страна отличилась тем, что создала исключительно многогранную, всестороннюю и детальную систему аргументации, с помощью которой самодержавие, а позже и прочие варианты единоличной власти получали свое онтологическое обоснование. И, что самое главное, упомянутая система «работает» до сих пор. Последнее обстоятельство делает новую книгу гарвардского историка в высшей степени своевременной и полезной.

Созданная автором галерея портретов российских консерваторов, безусловно, впечатляет. Прежде всего, это еще один повод отдать должное энциклопедизму профессора Пайпса: с помощью его новой книги действительно можно набраться ума, он очень хорошо знает предмет, о котором пишет. Далее, поражает вскрываемая им мировоззренческая преемственность различных поколений российских консерваторов; поразительно, но концептуальные ходы, предложенные, скажем, Татищевым или Карамзиным, остаются в арсенале теоретиков российского «просвещенного авторитаризма» и сегодня, в начале XXI века. Это, кстати, открытие, чреватое любопытными социально-политическими импликациями. Наконец, очень интересно анатомирование того воздействия, которое русский консерватизм оказал на идейный свод своего вечного оппонента — на либерализм в русском исполнении. Важность последнего из отмеченных обстоятельств хотелось бы подчеркнуть особо.

Русская либеральная мысль, по замечанию Пайпса, опиралась на «гораздо менее прочный фундамент, нежели местный консерватизм или радикализм: ее основу составляли идеи вторичные, уже бывшие в употреблении на Западе» (с. 154). Эта врожденная слабость привела к складыванию в нашей стране такого диковинного феномена, как «консервативный либерализм» — теории, согласно которой либеральный режим и конституционный строй могут утверждаться только самодержавной властью. Преобладание такого взгляда, в свою очередь, обесценивало либеральную альтернативу, сводя все многообразие политической реальности к одинокой фигуре монарха, а идеологическую палитру — к различным комбинациям, пусть даже не без либерального налета, «самодержавия», «православия» и «народности».

Исторические последствия столь неблагоприятной диспозиции хорошо известны; одно из них, в частности, заключается в устойчивом преобладании в государственной идеологии как старой, так и новой России единственного — консервативного — мотива. Можно, конечно, возмущаться утверждением американского историка о том, что «слабость русского общества с неизбежностью вела к укреплению и торжеству единовластия» (с. 185), но вот опровергать подобные оценки, опираясь на современные российские реалии, все более и более затруднительно. А поэтому, перефразируя известную поговорку, — нечего на Пайпса пенять...

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Понять красного дракона. Китай и российское приграничье в XXI веке. — **Под редакцией Г.С. Зверева.** — Владивосток: Золотой рог, 2005. — 216 с.

Для европейцев Китай был открыт во второй половине XIII века знаменитым путешественником Марко Поло. Его записки довольно долго использовались в прокладывании торговых путей в загадочный Китай, интерес к которому не угасает и в наши дни. Об этом свидетельствует и броский заголовок рецензируемой книги. На ее страницах речь идет о трудных поисках торговых путей, разумеется, в современном политико-экономическом контексте. Авторы работы стремятся выявить «болевые точки во внешнеэкономических отношениях России и Китая» (с. 12) и наметить пути их устранения. О значимости проблемы можно судить по объему торгового оборота приграничья — это около 7,5 млрд долларов, или свыше 30 процентов внешнеторгового оборота двух стран.

На рубеже XX и XXI веков происходят заметные сдвиги в политической жизни Китая. В процессе эволюции внутривосточного устройства КНР приходит новый, «элитарный и консультационный авторитаризм», помогающий согласовывать интересы старой и новой элиты. «Китайская партия-государство в настоящее время гораздо чаще обращается к демократическим процедурам, особенно к голосованию и выборам» (с. 21). Политика накладывает отпечаток на экономику: демократическая оттепель расширяет свободу действий местных властей, а это, в свою очередь, ко многому обязывает российских участников приграничного бизнеса. В частности, как отмечают авторы, у нас появились шансы «сыграть на

конкуренции за крупного инвестора между провинциями и крупными городами северо-востока Китая» (с. 10). Но для этого необходимо иметь четкое представление о том, что происходит как на внешнем, так и на внутреннем рынке нашего южного соседа.

По мнению японского ученого-экономиста Кеничи Омэ, говорить о Китае как о единой экономической системе вообще нельзя: сегодня зоны экономического роста перемещаются от крупных мегаполисов в приграничные с Россией регионы, власти которых подчас действуют «более оперативно, чем осторожные бюрократы из Пекина» (с. 28). С этой точки зрения особый интерес для нас представляет приграничный регион Дунбэй, в который входят провинции Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь и где сосредоточена пятая часть основных фондов страны. Для нынешнего этапа экономических реформ в северо-восточном Китае, наряду с реальным видением перспективы и грандиозными планами, характерны энергичная и оперативная законодательная поддержка экономической экспансии со стороны региональных властей. Кроме того, в китайские проекты все шире втягиваются приграничные территории российского Дальнего Востока: как отмечается в книге, в политике китайского бизнеса «четко прослеживается указание на экономическую интеграцию с приграничными территориями России» (с. 41). В связи с этим возникает вопрос: а готова ли наша страна к такому натиску со стороны могучего соседа?

Ситуация довольно безрадостная. Прежде всего, отечественное законодательство до сих пор не определило правовой статус районов приграничной торговли и компаний, которые ею занимаются.

Китайцы, безусловно, пользуются этим: их бизнесмены уже давно не ограничивают свою деятельность приграничем и даже становятся главными организаторами и контролерами российско-китайской торговли (с. 42). Приграничные территории Российской Федерации практически полностью сдаются на их милость; как констатируют авторы, «тысячи китайских фирм, экономически умело направляемых властями КНР, активно осваивают нашу территорию, не встречая встречного напора со стороны российских экспортеров. Эпицентр торгового противостояния находится на нашей территории. Наши власти скорее борются со своими бизнесменами. ... Организовать же политику напора на рынок КНР, удлинить производственно-торговые цепочки на территорию КНР наши власти не умеют и не могут из-за промахов в российском законодательстве» (с. 64).

В качестве вывода из своего анализа авторы приводят мнение одного из российских специалистов, согласно которому «разрыв между развивающимся экономическим содержанием и несовершенной правовой формой – основное системное противоречие в управлении приграничной торговлей». Между тем в администрации КНР бытует довольно выразительное внешнеэкономическое кредо: «взять (ресурсы) – переложить (проблемы) – продать (товары)». Именно на такой основе ею прогнозируется удвоение китайско-российского товарооборота к 2012 году. Иными словами, мы находимся, по-видимому, на пороге острых торговых конфликтов между двумя странами, и наиболее успешным в этих условиях окажется «самый агрессивный российский бизнесмен. Активное ведение бизнеса и безжалостное использование слабостей противника – это не просто требование дня, но это повод поучиться у нашего южного соседа» (с. 49).

В целом задача комплексного исследования проблем приграничной торговли между Россией и Китаем решена авторами монографии довольно успешно. Чем

больше подобных книг будет выходить в российском приграничье, тем более подготовленной к экономическому соперничеству в новом столетии окажется наша страна.

Александр Клинский

О.И. Зазнаев. Политическая система Великобритании. Институциональные основы. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 100 с.

Британская демократия – это то признанное в мире лекало, с помощью которого идентифицируются политические режимы на их демократическую состоятельность. У этого универсального политического инструмента, как водится, свои институты, которые прошли очень серьезную проверку временем, поэтому принято считать, что политическая система Великобритании весьма консервативна и архаична. Но это на первый взгляд, если не знать, насколько эта система подвижна и динамична, что и составляет основу ее устойчивости. Политические реформы в стране начались чуть меньше десяти лет назад, когда к власти в 1997 году пришла лейбористская партия во главе с Тони Блэром и изменениям подверглись такие политические институты, как конституция, монарх, палата лордов, избирательная система, региональные парламенты.

Об этих перипетиях в современной британской политике написано, конечно же, немало, но казанский исследователь О. Зазнаев подверг анализу институциональные аспекты этой специфической сферы деятельности. Кроме того, в работе присутствуют разнообразные взгляды на существующие политические институты и проекты их реформирования, а также учтены основные политико-правовые новации последних лет.

Рассматривая фундаментальный институт организации британской жизни, автор приходит к выводу: конституция Великобритании не только существует, но

и реально регулирует властные отношения. Дело в том, что на протяжении долгого времени в этой стране продолжают спорить о том, имеет ли Великобритания на самом деле конституцию. Происходит это по той причине, что конституция страны считается неписаной, поскольку ее важной составной частью являются неписанные конституционные обычаи. И все же основную ее часть составляют письменные источники: статуты, прецеденты, работы выдающихся ученых, европейское право. Британская конституция примечательна и тем, что сохраняет парламентские акты и прецеденты, принятые несколько столетий назад. Например, один из важных конституционных актов, определяющих взаимоотношения между монархом и парламентом, — Билль о правах — датируется 1689 годом.

В Западной Европе сосредоточено большинство конституционных монархий современного мира. Однако Великобритания — единственная страна западной демократии, которая сохраняет два неизбираемых наследуемых института: монарха и палату лордов. В британской политической практике, как нигде, велика роль традиций и обычаев, которые не имеют силу закона, но им жестко следуют. Демократия сама по себе основана на обычае ограничения исключительных полномочий короны и предоставления права их осуществления избранным лидерам.

Среди традиций и обычаев есть существенные и второстепенные. К существенным относится обычай формирования правительства: нет закона, в котором было бы указано, что кабинет формируется партией, получившей в результате выборов абсолютное большинство мест в палате общин, — это традиция. Из разряда существенных также неприменение монархом права вето, отставка правительства во главе с премьер-министром или роспуск палаты общин в случае вынесения ею вотума недоверия правительству. Ряд несущественных традиций архаичны и даже вызывают улыбку. Так, лорд-канц-

лер сидит в палате лордов на мешке с шерстью. Палата общин правомочна заседать и принимать решения только в том случае, если на столе перед спикером находится булава — символ королевской власти.

Конституционная реформа, о необходимости которой в Великобритании стали высказываться начиная с 1960-х годов, стала реальностью с приходом к власти лейбористов в 1997-м. Среди радикальных мер лейбористов: лишение права наследственных пэров заседать и голосовать в палате лордов, проведение референдумов об учреждении ассамблей в Шотландии и Уэльсе, включение Европейской конвенции по правам человека в британское право.

Рассказывая о конституционных принципах государственной власти, О. Зазнаев находит, что британская политическая система, в отличие от США, опирается на принцип слияния властей. Парламент — высший законодательный, исполнительный и судебный орган, состоящий из монарха, палаты лордов и палаты общин. Кабинет министров возглавляет исполнительную и законодательную власть. До недавнего времени лорд-канцлер был главой судебной власти и одновременно членом кабинета и спикером палаты лордов. Палата лордов была конечной судебной инстанцией по гражданским делам. Упразднение летом 2003 года должности лорда-канцлера продемонстрировало стремление англичан к отделению судебной власти от законодательной и исполнительной.

Налицо, казалось бы, сосредоточение власти в руках могущественного премьер-министра, поскольку он не только возглавляет правительство, но и полностью контролирует принятие решений палатой общин. Однако никакой узурпации власти со стороны главы кабинета не происходит. Гарантией тому сама британская система, базирующаяся на ценностях и традициях, сформированных столетиями; активная деятельность политической оппозиции в парламенте, независимые СМИ, группы давления, из-

биратели, обладающие демократической политической культурой.

Монархия в Великобритании одна из наиболее жизнеспособных политических режимов в Европе. И ключом к выживанию ее была готовность на протяжении последних трех столетий своевременно уступать власть, отвергая требования ее ликвидации. Идея ликвидации монархии не имеет в Великобритании широкой поддержки: ни одна из крупных партий не включает требования установления республики в свою программу. Лишь «Социалистический альянс», куда входят компартия и марксистские группы, выступают за устранение монархии. И все же аргументов в пользу ее сохранения неизмеримо больше. По В. Баджеготу, на которого О. Зазнаев ссылается, королевская власть, возвышающаяся над партиями, способна нейтрализовать политическую борьбу, обеспечить внутреннюю стабильность; монарх — символ нации и нравственный ее образец.

О. Зазнаев дает яркую картину внутрипарламентской жизни. Британская парламентская практика предельно любопытна. Чтобы стимулировать дебаты, зал заседаний палаты общин умышленно сохраняется маленьким, со скамьями для членов парламента. Число мест в зале — 437, тогда как количество членов парламента составляет 659. Поэтому во время важных заседаний и дискуссий часть депутатов вынуждена стоять. Зал разделен таким образом, что правительство и оппозиция располагаются друг против друга и это создает особую атмосферу дебатов. Официальные отчеты о заседаниях размещаются в Интернете уже на второй день и транслируются по телевидению и радио.

Как полагает О. Зазнаев, время вопросов к правительству — самое яркое событие в парламентской жизни. Без малого один час времени отводится ежедневно этой чрезвычайно важной процедуре. Премьер-министр отвечает на вопросы раз в неделю в течение полчаса.

Не меньший интерес представляет функционирование палаты лордов. До реформы 1999 года в состав палаты входили наследственные пэры (герцоги, маркизы, графы, виконты), пожизненные бароны, духовные лорды (епископы и архиепископы) и правовые лорды (назначаемые пожизненно и решающие судебные дела). Всего в палате на 1998 год было 1272 человека. Из них около 800 лордов посещали заседания хотя бы раз в год, а регулярно — лишь около 400. Понятно, что палата лордов подвергается жесткой критике, поскольку, по мнению критиков, наследственный принцип изжил себя и не соответствует современным реалиям. Одни критики выступают за ликвидацию палаты, другие — за ее реформирование. Лидер лейбористов Тони Блэр занимает умеренную позицию. Благодаря усилиям лейбористов, в 1999 году был принят акт «О палате лордов», в соответствии с которым было устранено право наследственных пэров (за исключением 92 человек) заседать и голосовать в палате. Резко сократился и количественный состав палаты: сегодня в ней заседает 679 чел. Однако в британском парламенте дебаты по поводу судьбы палаты лордов не завершились.

Перемены в политическом ландшафте Великобритании, конечно же, не ограничиваются реформами упомянутых институтов. Находясь в состоянии перманентного поиска ответов на вызовы современности, британская политическая система динамично развивается. В чем-то следуя европейским тенденциям, в чем-то упорно сохраняя собственные политические конструкции, что отражается в определенной трансформации избирательной системы, политических партий, деволюции (передаче) полномочий от центра таким частям страны, как Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия.

Евгений Суслов
г. Йошкар-Ола

Контрапункт

ПОЛНЫЙ МИРОПОРЯДОК

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / **Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев.** – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с.

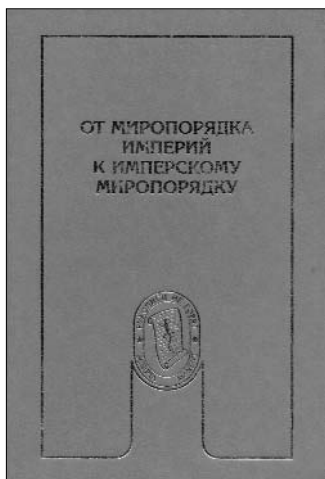
Книги бывают умные и глупые, удачные и не очень; рецензируемую книгу я бы отнес к разряду *полезных*. Здесь не слишком много ложных умствований (а те, что есть, — ближе к финалу, насчет современного устройства политической жизни, Америки, России, Евросоюза — терпимы, потому что беззлобно-банальны), зато очень много систематизированных сведений из практики имперских отношений, без четкого знания и спокойного понимания которых в современной политике не обойтись. Прочитав книгу, мы наконец-то понимаем, что доктрина Монро*, вроде бы противоречащая духу идей отцов-основателей США, на самом деле с необходимостью вытекала из менявшейся геополитической роли страны; осознаем, как формировались идейные основы неформальной американской империи и как они переключались с либеральным универсализмом начала XX века; видим, как, в свою очередь, этот либерализм пересекался с консервативными началами британской имперской политики. Все это (и многое другое) сведено здесь в единую концепцию и освобождено от ненужных, мешающих деталей. Только главное, только основное.

А главное и основное заключается вот в чем. С девятнадцатого столетия (можно раздвинуть рамки процесса, захватив его предысторию с XVI века, но лучше ограничиться пиковыми, вершинными проявлениями долгого исторического процесса) и по сей день западная цивилизация прошла через три стадии единого цикла. В начале ход европейской истории определял *миропорядок империй*, пришедший на смену эпохе национальных государств: «империи были наиболее мощными и влиятельными

Александр Архангельский,
"Известия" - специально
для "Общей тетради"

* Провозглашена пятым Президентом США Джеймсом Монро (1758–1831) в послании конгрессу в 1823 году. Декларировался принцип взаимного невмешательства во внутренние дела стран американского и европейского континентов. – Прим. ред.

субъектами мировой политики, причем не только по отношению к другим акторам, но и ко всей европоцентричной международной системе», — читаем мы в книге. Затем, исчерпав себя и завершившись одновременно с концом Второй мировой войны, *миропорядок империй* уступил место *миропорядку сверхдержав*, когда с 1940-х по 1980-е всеобщее устройство политической жизни определялось конкуренцией СССР и США. Наконец, сегодня мы присутствуем при формировании *имперского миропорядка*: империй как таковых больше нет, но Америка стала мировым центром принятия ключевых решений, аналогом метрополии; есть единое экономическое пространство и четко очерченная система разделения труда; имеется глобальная иерархия государств и регионов мира, стремление к созданию идеологически однородного мира.

Что в этой схеме не учитывается, так это все более нарастающий разрыв между декларируемыми целями и наличествующими средствами их реализации. Да, после краха советской системы и распада биполярного мира США стали главной, осевой опорой нашей *правовой* цивилизации; да, в их внешней политике, начиная с бомбардировок Югославии 1999 года, все очевиднее претензия на силовое управление мировыми процессами. И в то же время все нагляднее невыполнимость такой задачи, внутренняя неготовность Америки выполнять роль «мирового полицейского»: недозавоеванный Афганистан и недоурегулированный Ирак, недоумиренный Иран и неподчиняющийся Ливан; примеры можно умножать бесконечно. А самое главное, давно уже формируется новый центр экономико-политической силы, не враждебный США, но и неподконтрольный им: объединенная Европа. Этот фактор не просто невозможно не учитывать, с него нужно начинать анализ современного мироустройства — иначе выводы неизбежно «поплывут».

Невраждебный центр политической конкуренции — так было бы можно определить конгломерат государств, объединенных идеями и принципами Евросоюза, основан на идеологии сдерживания и баланса, а не на идее продвижения и контроля. Он внутренне противоречив, этот союз; философия прав человека как наднациональной и надконфессиональной ценности подчас приходит во внутреннее противоречие с ближайшими интересами стран, в него входящих (тот же исламистский синдром, например). И все же этот фактор есть и он несовместим с имперским миропорядком. Как трудно вписываются в его рамки мощно растущие Индия и Китай; их не уподобишь колониям, которые бросают вызов метрополии, скорее это сгустки отложенного экономического конфликта.

Я не хочу сказать, что концепция авторов книги трещит по швам; вовсе нет, предложенная ими схема точно обозначает смысловой вектор движения нашей общей цивилизации в последние столетия. Кроме того, она весьма удобна, как отправная точка для дальнейшего анализа. Я просто хочу сказать, что реальная политическая жизнь сложнее и объемнее любых — самых глубоких — политологических описаний. Тем она и интересна. Во времена миропорядка империй, во времена сверхдержав, во времена имперского миропорядка — с неимперскими дополнениями.

ПОРЯДОК МЫСЛЕЙ, ПОРЯДОК ЖИЗНИ И ПОРЯДОК СЛОВ

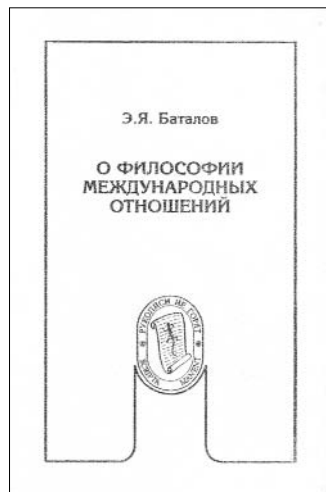
Баталов Э. Г. О философии международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 132 с.

О дипломатах русские писатели рассказывали часто. Чаще, чем о философах. Но почему-то без особой симпатии. Исключение я смог вспомнить лишь одно-единственное: Грибоедов в романе Тынянова «Вазир-Мухтар». Но Грибоедов не просто дипломат, он – трагический Поэт в отсутствие Поэзии. А так самый известный, самый характерный, почти символический образ дипломата в классической литературе – толстовский Билибин («Война и мир»). Дальний отголосок этого образа – герой «В круге первом» Иннокентий. Ни того ни другого мыслителем не назовешь. Билибин вообще пустышка: он озабочен лишь словесным оформлением чужих политических решений, которые, в свою очередь, никак не связаны с духом великой народной войны, в процессе которой на самом деле и определяется судьба цивилизации. Иннокентий по природе своей куда глубже;

но пока он исправно выполняет свой дипломатический долг, все внешнее, наносное торжествует в нем над гражданским, душевным, интеллектуальным, а едва начав самостоятельно *мыслить*, он тут же становится плохим дипломатом и никудышным подданным. Общечеловеческое несовместимо с дипломатическим; международные отношения с отношениями личностными, мировая философия с практикой управления миром.

Дело тут не только в традиционном морализме отечественной словесности и в патриотических установках наших классиков; дело в объективном противоречии между мировоззренческими материями, какими занимается философия, и вполне прагматичными целями, которым служит внешняя политика. На одном полюсе – вековая (со времен Канта) мечта о всеобщем союзе народов, творящих историю; категорический императив; бескомпромиссность и почти библейская пафосность. На другом – неизбежное лавирование между ближайшими интересами собственных элит, потребностями союзников, противоречиями врагов и равнодушием неприсоединившихся. Лавирование, возможное лишь при соблюдении нескольких неприятных условий: ни к чему до конца всерьез не относиться, будь готов полностью сменить пластинку при перемене внешних обстоятельств, используй все возможности родного языка для того, чтобы скрыть правду. Тем не менее, как показывает Э.Г. Баталов, не все так безнадежно; начав свою книжку с мрачных ожиданий встречи с читателем, который с бритвой Оккама в руке («бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего») станет преследовать автора, которому мало теории международных отношений и науки о них, ему философию подавай. Зачем умножать число сущностей сверх необходимого?

Затем, что – не сверх. Автор показывает это на примере современных споров о внешней политике, которые, с одной стороны, легко ложатся в

общефилософские парадигмы, с другой – упираются в смысловые тупики, поскольку участники процесса философскими категориями сплошь и рядом не владеют. Но можно уйти и в историю, не столь давнюю: именно эпоха романтизма полностью переменяла взгляд европейского человечества на устройство мира, на принципы формирования границ, на суверенитет и права наций. Если бы не утонченные, отвлеченные, самопоглощенные, на грани с солипсизмом романтические мыслители «Германии туманной», не было бы мощного движения разрозненных немецких княжеств сначала навстречу самостоятельной политической судьбе, затем навстречу единому германскому государству им. товарища Бисмарка. Невозможна была бы Отечественная война 1812 года, русский дух победы: империя не знала собственно национальных начал в политике, не понимала их, опасалась, сторонилась. И мощного движения поработанных греков, румын, испанцев, итальянцев – тоже не было бы. А значит, и Священного союза (в содержательном фундаменте которого совсем иные идеи, совсем иные философские традиции).

Другое дело, что – как пишет Э.Г. Баталов – идеальные, ценностные ориентиры, которые задает международным отношениям философская традиция (по крайней мере, в кантианском ее варианте), во всей своей полноте неосуществимы, нереализуемы в рамках земной истории. Оставаясь в ее тесных пределах, мы до конца дней обречены на паллиативы, полумеры, недовоплощение высоких идей. Но в том и дело, что паллиативность, половинчатость, недовоплощенность ощутимы и осознаются лишь на фоне четко и бескомпромиссно сформулированного принципа; в этом смысле быть неполным проявлением идеала и означает – подтверждать существование идеального измерения политики. Любой – внутренней, внешней.

Сделан первый шаг – со стороны практической истории международных отношений навстречу философии с ее высочайшей мерой абстракции. Остается надеяться, что будет сделан и другой шаг, со стороны отечественной философии – навстречу практическому опыту народов и отдельных людей. Этот путь уже проделали немцы (от Поппера до Хабермаса), американцы (как бы мы ни критиковали Фукуяму, его философский внеисторизм не что иное, как обратная стороны философского историоцентризма), французы (от Рикера до Даррида). Россияне пока отстают; пора преодолеть отставание.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
Russia in the Global World: does the Cold War go on? <i>Mikhail Margelov</i>	7
Where is Russia? <i>Serguei Karaganov</i>	11
Global security and sovereign democracies <i>Dmitri Trenin</i>	17
Notes from the seminar <i>Yuri Girenko</i>	20
Theme of the Issue	
Social contract 2008: criteria of justice <i>Alexander Auzan</i>	26
Do we really believe in democracy? <i>Nathan Shcharanski</i>	34
XXI century: Challenges and Threats	
Strategy and improvisation in foreign policy <i>Nikolay Zlobin</i>	40
Challenges and possibilities: Iran and Iraq <i>Thomas Pickering</i>	47
Nuclear joker of Iran <i>Alexey Arbatov</i>	52
Concept	
Competitive possibilities of the Russian economy <i>Arkadi Dvorkovich</i>	58
How to join the business elite in present-day Russia <i>Ruben Vardanyan</i>	66
Discussion	
The effectiveness of regional ombudsmen's work in Russia <i>Yuri Kovyrshin</i>	71
An exercise on patriotism <i>Yuri Girenko</i>	78
Announcement	
Sum ergo cogito. Political mini-lexicon <i>Irina Busygina, Andrei Zakharov</i>	81
Freedom and Culture	
Structures of trust in Russian society <i>Geoffrey Hosking</i>	83

Freedom and free will in Russian history <i>Serguei Ivanov</i>	91
---	----

An Individual Experience

Back to China <i>Robert Skidelski</i>	94
--	----

Horizons of Understanding

Identity, immigration, and liberal democracy <i>Francis Fukuyama</i>	104
---	-----

Books

Constants of Russian conservatism <i>Andrei Zakharov</i>	113
Regional Book Review <i>Alexander Klinski, Eugeny Suslov</i>	115
Counter-Point <i>Alexander Arkhangelski</i>	119

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

СЕМИНАР
(Голицыно, июль 2006)

Наши авторы:

Александр Архангельский
Гарольд Берман
Родрик Брейтвейт
Ирина Бусыгина
Александр Волков
Юрий Гиренко
Андрей Захаров
Алексей Клешко
Константин Косачев
Владимир Мокрый
Ольга Малинова
Сергей Недорослев
Александр Согомонов
Денис Соколов
Роберт Скидельски
Андрей Юров

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

**ИМЕЙ МУЖЕСТВО
МЫСЛИТЬ!**

Вам помогут

наши книги

В СЕРИЯХ

- **БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Условия свободы и культура демократии

- **КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ФИЛОСОФИЯ**

Исторический опыт и политическая практика

- **СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ**

Вызовы и угрозы XXI века

наш журнал

- **ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ**

Вестник Московской школы политических исследований

Заказать книги и подписаться на журнал

можно по тел./факс: **(495)202-85-01**

Эл. почта: **mur-za@rambler.ru**

Почтовый адрес:

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.

Получить информацию о книгах вы можете
на сайте Школы: **www.msps.ru**

квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2007 г. (4 выпуска) (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2007 г. (4 выпуска) (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)202-85-01 или по эл. почте mur-za@rambler.ru
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте mur-za@rambler.ru или по тел. (495)202-85-01.

Подписано в печать 12.09.2006.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

123104, Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.

e-mail: mmps@co.ru

<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

ISBN 5-93895-087-2

9 785938 950870 >